

НЕВОЛЯ

45

ISSN 1813-3541

НЕВОЛЯ 45 2015

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВЮЛЯ

45 • 2015

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Закон есть закон	13
Борис Земцов В параллельной реальности тюрьмы	21
Александр Август Влияние ауры	49
Тюремные новости	53
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июль 2015 года)	62
Александр Пирогов Дневник обвиняемого	72
Владимир Шаман Взгляд через годы	104
Ольга Киюцина Доклад о неэффективности бюджетных расходов на уголовно-исполнительную систему	115

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Фото Юрия Тугова 121

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Батька Махно, Беня Крик и одесская цыганка: союз нерушимый блатной песни и советского кино 134

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

УИС в цифрах

По состоянию на **1 июля 2015 г.** в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 656 618 чел. (– 15 031 чел. к началу года), в том числе:

в 729 исправительных колониях отбывало наказание 533 220 чел. (– 17 632 чел.), в том числе:

– **в 128 колониях-поселениях** отбывало наказание 34 489 чел. (– 5606 чел.);

– **в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1912 чел. (+ 15 чел.).

В 219 следственных изоляторах и 106 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось 120 014 чел. (+ 2612 чел.).

В 8 тюрьмах отбывало наказание 1723 чел. (+ 107 чел.).

В 39 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1661 чел. (– 118 чел.).

В учреждениях содержится 53 304 женщин (– 1398 чел.), в том числе 43 013 осужденных, содержащихся в исправительных колониях, лечебно-исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях, и 10 291 чел., содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 662 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 136 больниц различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 61 лечебное исправительное учреждение для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 2407 их филиалов, в которых состоят на учете 437 918 чел., осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 3167 чел., подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом;

7 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 566 центров трудовой адаптации осужденных, 80 производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 325 общеобразовательных организаций и 522 их филиала, 307 федеральных казенных профессиональных образовательных учреждений, действует 621 культовый объект: 547 храмов, церквей РПЦ, 61 исламская мечеть, 10 буддийских дуганов, 3 костела РКЦ; 704 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС, финансируемого из средств федерального бюджета составляет 295 963 чел., в том числе аттестованных сотрудников – 225 276 чел. (кроме того, переменного состава – 6662 чел.).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 127 учреждений здравоохранения, в том числе 51 центр медицинской и социальной реабилитации, 8 больниц, 68 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **7 учреждений высшего образования** с 1 филиалом, 3 института повышения квалификации, 2 межрегиональных учебных центра, 29 учебных центров территориальных органов, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Внесены изменения в УПК и УИК, касающиеся участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговоров (*Федеральный закон от 30.03.2015 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора»*).

Отдельные положения УПК РФ и УИК РФ приведены в соответствие с правовой позицией Конституционного суда РФ. Постановлением КС РФ от 18.03.2014 № 5-П признана неконституционной часть 2 статьи 399 УПК РФ в той мере, в какой она, предполагая в качестве условия рассмотрения судом ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания обязательность подтверждения получения потерпевшим, его законным представителем или представителем извещения, уведомляющего о дате, времени и месте предстоящего заседания, в силу неопределенности механизма уведомления препятствует своевременному разрешению судом вопроса по существу.

В целях реализации Постановления Федеральным законом в УПК РФ и УИК РФ внесены поправки. В частности, расширен установленный пунктом 21.1 части 2 статьи 42 УПК РФ перечень информации об осужденном, которую вправе получать потерпевший в случае удовлетворения судом соответствующего ходатайства (он вправе получать информацию, в том числе о прибытии осужденного к месту отбывания наказания при перемещении из одного исправительного учреждения

в другое, а также быть извещенным о рассмотрении судом вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания). Также данная статья дополнена положением, устанавливающим порядок заявления потерпевшим ходатайства и его содержание. В ходатайстве указываются перечень информации, который он желает получить, адрес его места жительства, адрес электронной почты, номера телефонов, а также иные сведения, которые могут обеспечить своевременное получение информации.

В случае если до окончания прений сторон потерпевший, или его законный представитель, или представитель заявил ходатайство о получении соответствующей информации, суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит постановление, определение об уведомлении потерпевшего или его законного представителя. В постановлении, определении указывается, какая информация должна быть предоставлена потерпевшему или законному представителю, адрес места жительства, адрес электронной почты, номера телефонов и иные сведения, представленные потерпевшим или его законным представителем для уведомления, а также разъясняется необходимость своевременного информирования потерпевшим или законным представителем органа или учреждения, исполняющих наказание, об изменении этих сведений или отказе от получения информации.

При рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы) и вопроса об отсрочке исполнения приговора в судебном заседании вправе участвовать потерпевший, его законный представитель, представитель, если имеется постановление или определение суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя.

Установлен порядок работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с ходатайствами осужденных о помиловании (Приказ Минюста России от 08.04.2015 № 83 «Об утверждении Инструкции об организации работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с ходатайствами осужденных о помиловании»).

Инструкцией, в частности, устанавливается порядок работы администрации учреждения, исполняющего наказание, территориального

органа уголовно-исполнительной системы и комиссии по помилованию с ходатайствами осужденных о помиловании. Устанавливаются сроки и порядок отправки ходатайств, а также документы, которые необходимо приложить к поступившему ходатайству.

Кроме того, в Инструкции устанавливается порядок действий органов и учреждений при совершении лицом, обратившимся с ходатайством о помиловании, нового преступления, а также при принятии нового судебного решения в отношении такого лица (например, о прекращении в отношении него уголовного преследования по реабилитирующим обстоятельствам, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и т.п.).

Также инструкцией устанавливается порядок информационного обмена между учреждениями, исполняющими наказание, территориальным органом уголовно-исполнительной системы и комиссиями по помилованию.

Расширены права осужденных на участие в религиозных обрядах и церемониях (*Федеральный закон от 20.04.2015 № 103-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Установлено, в частности, что в целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих наказание, федеральный орган УИС заключает с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашения о взаимодействии. Территориальные органы УИС в соответствии с указанными соглашениями вправе по согласованию с федеральным органом УИС заключать соглашения о взаимодействии с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями.

К осужденным к принудительным работам, аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части или лишению свободы по их просьбе приглашаются священнослужители, принадлежащие к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям, по выбору осужденных. Личные встречи священнослужителей с осужденными предоставляются без ограничения их числа продолжительностью до 2 часов каждая с соблюдением действующих на территории учреждения, исполняющего наказание, правил внутреннего распорядка в присутствии представителя администрации учреждения. По заявлению осужденного и с письменного согласия священнослужителя

личная встреча, в том числе для проведения религиозных обрядов и церемоний, предоставляется наедине и вне пределов слышимости третьих лиц с использованием технических средств видеонаблюдения.

Предусмотрено, что место проведения религиозных обрядов и церемоний определяется в зависимости от условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения.

Суды разъясняют

Конституционный суд России разъяснил принципы возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в том числе причиненного необоснованным уголовным преследованием.

Федеральный законодатель, конкретизируя конституционно-правовой принцип ответственности государства за незаконные действия (бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, устанавливает порядок и условия возмещения вреда, причиненного такими действиями (бездействием). При этом, исходя из необходимости максимально возможного возмещения вреда, он должен принимать во внимание особенности регулируемых общественных отношений и – с учетом специфики правового статуса лиц, которым причинен вред при уголовном преследовании, – наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда предусматривать упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных лиц специальные публично-правовые механизмы, обусловленные тем, что гражданин, необоснованно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав. Тем более что при рассмотрении вопроса о возмещении вреда, причиненного гражданину в результате ошибочного привлечения к уголовной ответственности, действуют закрепленные в статье 49 Конституции РФ требования презумпции невиновности, исходя из которых на гражданина не может быть возложена обязанность доказывания оснований для возмещения вреда, непосредственно связанная с доказыванием невиновности в совершении преступления.

Закрепленный главой 18 УПК РФ уголовно-процессуальный порядок признания права на возмещение имущественного вреда в связи с реабилитацией в соответствии с требованиями статей 45, 49, 52 и 53 Конституции РФ во всех случаях создает для реабилитированных лиц упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бреме-

ни доказывания оснований и размера возмещения вреда и одновременно предоставляющий им возможность участвовать в доказывании объема компенсации.

При этом не исключается право федерального законодателя, учитывая финансово-экономические возможности государства и основываясь на принципах правового государства, справедливости, гуманизма, равенства, установить дополнительные меры социальной поддержки каких-либо категорий реабилитированных лиц.

Кроме того, правоприменитель в целях реализации вытекающего из Конституции РФ принципа максимально возможного возмещения причиненного незаконным уголовным преследованием вреда руководствуется при решении данного вопроса как положениями части 1 статьи 135 УПК РФ, предусматривающими виды соответствующих выплат, так и иными положениями законодательства, устанавливающими общие правила определения размера возмещения вреда.

Суд, рассматривающий требования реабилитированного, обязан установить подлежащий возмещению размер причиненного вреда, в том числе размер фактически понесенных расходов на оказание юридической помощи. Для этого суд вправе как по ходатайству заинтересованных лиц, так и по своей инициативе получить необходимые доказательства, включая заключение эксперта и показания свидетелей. При этом поскольку бремя доказывания размера возмещения не возлагается на самого реабилитированного, постольку сомнения в этом вопросе должны толковаться в его пользу.

При определении размера сумм, подлежащих взысканию в пользу реабилитированного за оказание юридической помощи, судам следует учитывать, что положения части 1 статьи 50 УПК РФ не ограничивают количество защитников, которые могут осуществлять защиту одного обвиняемого, подсудимого или осужденного; под иными расходами, возмещение которых реабилитированному предусмотрено пунктом 5 части 1 статьи 135 УПК РФ, следует понимать в том числе расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации; при этом размер возмещения расходов на оказание юридической помощи определяется подтвержденными документально либо иными доказательствами, отраженными в деле, фактически понесенными расходами, непосредственно связанными с ее осуществлением (пункт 15); учитывая, что уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с иском порядком

гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при рассмотрении требований реабилитированных о возмещении вреда суд в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию (пункт 17).

Таким образом, пункты 4 и 5 части 1 статьи 135 УПК РФ как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, обязывают суд включить в объем возмещения имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу в результате его незаконного уголовного преследования, все суммы, фактически выплаченные им за оказание юридической помощи, а также фактически понесенные им затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации.

Данные нормы в системе предписаний главы 18 УПК РФ, в которой отсутствуют специальные правила, которые позволяли бы суду по своему усмотрению уменьшать размер возмещения вреда по сравнению с доказанным в судебном заседании размером действительно понесенных лицом расходов, также возлагают на суд, а не на реабилитированное лицо обязанность принять меры по собиранию доказательств, подтверждающих размер фактически понесенных расходов.

При этом по смыслу норм главы 18 УПК РФ и с учетом того толкования, которое придается им судебной практикой, возмещению подлежат лишь фактические расходы реабилитированного лица, которые непосредственно находятся в причинно-следственной связи с оказанием ему юридической помощи. Если же судом будет установлено (в том числе на основании документов, заключений экспертов, иных специалистов и других доказательств), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся – с учетом совокупности всех обстоятельств дела, объема работы, квалификации субъектов оказания юридических услуг, а также правила о толковании сомнений в пользу реабилитированного лица – объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи.

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации расходы сторон на представителей включаются в со-

став издержек и являются самостоятельным видом судебных расходов (статьи 88, 94, 100 и часть 1 статьи 101). Согласно части 1 статьи 100 этого Кодекса стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах. Аналогичная норма содержится и в части 2 статьи 110 АПК РФ. При этом стороной, проигравшей спор, может быть и государство.

Кодекс РФ об административных правонарушениях не содержит норм, которые регламентировали бы институт возмещения вреда, причиненного незаконным привлечением к административной ответственности, не включает расходы на защитника в состав издержек по административному делу, а сами издержки относит на счет федерального бюджета или бюджета соответствующего субъекта РФ (часть 2 статьи 24.7). Сходное правовое регулирование установлено и Налоговым кодексом РФ. В связи с этим расходы лица, незаконно привлеченного к административной или налоговой ответственности, на оплату услуг защитника (представителя) при рассмотрении дела об административном или налоговом правонарушении могут быть взысканы с государства по общим правилам, предусмотренным статьей 1070 ГК РФ.

Расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении; поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании статей 15, 1069 и 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счет средств соответствующей казны.

Следовательно, различия в правовом регулировании возмещения расходов на защитника реабилитированному лицу по правилам главы 18 УПК РФ и возмещения расходов иным лицам по правилам других видов судопроизводства обусловлены спецификой регулируемых общественных отношений и необходимостью повышенной публично-правовой защиты.

Изложенное не означает, что государственные органы, участвующие в деле о возмещении реабилитированному сумм, затраченных им на оказание юридической помощи, приводя доводы о необходимости снижения таких сумм, лишены возможности доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются.

(Определение КС РФ от 2.04.2015 № 708-0)

Закон есть закон

Базарно-рыночные отношения

Рынок, или, как называли его аборигены, «Старый базар», раскинулся в самом центре города. От него начинался крутой спуск к Дону. Базар радовал глаз и нюх фламандскими натюрмортами фруктовых, рыбных, мясных и прочих пестрых рядов, бурлил, кипел, громыхал, бренчал и матерился. Его распирало, как тесто в квашне.

Чудовищная катавасия, толчея и теснота были на руку кармашам, мошенникам всех мастей, бомжам и мелкой шпане. Зато базарным ментам служба представлялась сущим пеклом. Несмотря на постоянные шушуканья коллег из райотдела о том, что сытнее рынка места нет, долго здесь никто не задерживался. Служба – психованная: каждый день дежурку штурмуют толпы одураченных лохов, визжат и ломают лбами хрупкие стеновые панели. А высокое милицейское начальство держит «базарных служак» за мальчиков для битья. Где-где, а уж тут всегда найдется, за что зацепиться.

Единственный, кто сохранял в этом бардаке олимпийское спокойствие, – начальник отделения милиции при центральном городском рынке Никанор Иванович Мельников. Место свое занимал майор уже годков восемь и привык к нему, как привыкает к вечным бурям смотритель одинокого маяка на скале, торчащей среди рифов. Вокруг бушуют волны, ветры сдувают и крушат все окрест, а суровый морской волк в просоленной линиялой тельняшке беспечально попивает ром за крепкими стенами.

Центральный рынок находился на территории Советского района, и местный опер Серега Степцов время от времени заскакивал сюда по долгу службы: проверить, как у «Иваныча» обстоят дела с борьбой против террора, а заодно и отовариться на халяву. Так, не внаглую. Вот и этим утром Серега решил проявить антитеррористическое рвение.

Пробиться в дежурку Степцову удалось с трудом: ее заполнили звонкоголосые цыганки в пестрых одеяниях: старухи, клювоносые загорелые девахи и совсем еще юные пацанки. Бабенка с тяжелыми серьгами в ушах трясла на руках младенчика, который пронзительно верещал.

– Куда прешь?! – набросилась на Серегу полногрудая тетка в ярком платке. – На улице подожди!

– Цытеньте, каля, цытеньте!¹ – отмахнулся опер. – Чего развопились, как романó бия́в?²

– О, гляди, ром³ лапотный! – всплеснула руками грудастая цыганка. – Ну, чего тебе здесь надо?

– А ты, мамі⁴, не нукай, – отозвался Серега. – Я тебе не андрэ-дэнó⁵.

– Какая я тебе мамі, гадже⁶ паршивый! – возмутилась цыганка и исторгла очередь из замысловатых цыганских ругательств.

– Дэ́вла, хав тэ гу́длэ́ кхула́!⁷ – воздел лапы к небу опер. – Шоб мне кушать Божьи сранки... Видать, давно по тебе кочет не топтался?

Дежурка содрогнулась от хохота цыганок. Тетка с воплями набросилась на опера.

– Милиция, милиция! – весело завопил мент. – Хулиганы зрения лишают! Одурела, что ли, старая? Я Коле Сличенке пожалуюсь! В театр «Ромэн»...

– Всем молчать! – грохнул чей-то трубный глас. – Молчать, я сказал!

В помещении повисла тишина. Слышно стало, как за окном чирикают воробьи, а где-то вдали дуэт бездомных алкашек сестер Карамазовых выводит пьяными голосами «жалистливую» песню про то, как на кладбище Митрофаньевском отец дочку зарезал свою. Заткнулся даже младенец.

– В чем дело? – спросил громадный мужчина при майорских погонах, пробив себе дорогу к центру дежурки, как ледокол «Челю-

¹ Цыганки, замолчите (цыг.).

² Цыганская свадьба (цыг.).

³ Цыган (цыг.).

⁴ Бабушка (цыг.).

⁵ Запряженный (цыг.).

⁶ Мужчина-нецыган (цыг.).

⁷ Господи, чтоб мне довелось жрать твое сладкое говно (цыг. бран.).

скин». – Что за гай-гуй, я спрашиваю? Привет, Сергей. Так по какому случаю митинг?

– Жулика поймали, начальник! – заголосила грудастая тетка, и вслед за ней вступил горластый ребяенок.

– Заткни оглоеда! – приказал Мельников.

Мамка сунула в рот дитяти грязный узелок. Дите стихло и зачмокало.

– Ты что ему запихнула? – насупил брови майор. – Он же задохнется!

– Это ж маковка, – пояснила заботливая мамаша. – Там, в платочке, зерна маковые. Васятка их страсть как любит...

– Мало что вы чужих мальцов наркотой потравили, так еще и своих не жалеете! Высунь эту дрянь! Совсем одурели – в милиции, в святая святых...

– Да то ж пищевой мак. Он в магазине продается. Им булочки посыпают.

– Лучше бы себе хрен солью посыпали, – огрызнулся майор. – Вынай, сказал.

– Он кричать начнет, – предупредила мамаша.

– Тогда нехай торчит, – разрешил Мельников. – Твое дите, хоть гвоздями корми. Ну, где ваш жулик?

– Вот! – дружно завопил табор и вытолкнул в центр какого-то задохлика.

По виду мужчинка напоминал гномика-переростка в серой курточке без рукавов, зато с великим множеством карманов, карманчиков и кармашков. Такие жилетки часто носят провинциальные фотографы, репортеры или самоделкины, которым вечно нужны под рукой винтики, шпунтики, отвертки и завертки.

– Он, что ли, жулик?

– Он, он! – дружно залопотали дочери степей.

– Сами вы мошенницы! – пискнул мужчинка и получил от женщин несколько затрещин.

– Заткнуться! – потребовал Мельников. – И покинуть помещение всем, кроме потерпевших.

– Мы все потерпевшие! – возмутилась тетка с грудями.

– Пошли вон!

Табор вмиг испарился, остались четыре цыганки. Опросив их, главный базарный мент выяснил следующее.

В это утро ватага цыганок, как обычно, торговала на своем «прибитом» месте всяким барахлом, в том числе куртками-безрукавками.

Яркие девицы хватали прохожих за руки и пытались впарить свой товар, убеждая, что курточки им скидывают «прямо с таможни, золотой, не вру, вот те крест, истинным господом-богом клянусь, чтоб моим детям от поноса мучиться, конфискованный товар, свежий, на этикетку глянть, драгоценный, американские, чтоб им провалиться, штаты!». Народ верить не желал, от торговков отпихивался. И правильно делал, потому что этот дерибас⁸ строчили на живую нитку местные вьетнамцы в подпольных цехах.

На призывы юной Мадлен повелся лишь мелкий лысоватый субъект в драном плащике. Он робко поинтересовался, что стоит джинсовый жилет.

– Тысячу двести! – звонко ответила Мадлен.

– Потрогать можно? – робко попросил тип.

– Да щупай! Настоящий котон, ему сносу нет!

Мужчинка послушно пощупал и даже понюхал.

– Дороговато, – выдавил он.

– Тыща двести – дорого?! Это ж задаром!

Мужичок полез во внутренний карман плащика и выудил яркий фантик. Глазищи Мадлен хищно вспыхнули.

– А где тут поблизости сто евро разменять? – спросил лысый гномик. – Других денег у меня нету, вот товарищ в долг дал...

К Мадлен слетелось еще несколько подружек.

– Обменять хочешь, дядя? – радостно отозвалась юная Зара. – Мы сейчас тебя отвеем!

Действительно, «кидал» и «ломщиков» на Старом базаре пруд пруди. Одни могут без проблем рассчитаться с клиентом купюрами, искусно нарисованными цветными карандашами на туалетной бумаге, другие – ловко обсчитать при обмене «деревянных» на еврики или «зелень».

Мужчина тем временем сунул деньги на место, во внутренний карман плаща, снова принялся мять краешек заветной курточки.

– Может, уступите? – снова заскулил он.

– Куда еще-то? – запричитала Мадлен. – Ну, за тыщу возьмешь?

– За тыщу? За тыщу – конечно. Только примерю. Можно?

Он стянул с себя плащ, забыв при этом вынуть сотенную бумажку.

– Подержите, девочки, – сунул гномик плащ цыганкам.

Зара тут же подхватила его, а Мадлен сунула мужичку жилет. Задохлик надел жилет, стал ощупывать кармашки, пробовать молнию... А

цыганочки мигом брызнули во все стороны, прихватив плащ с сотней евро.

– Караул! – завопил гномик, как потерпевший. Но потом махнул рукой и быстро направился прочь.

Однако уже через пару минут на выходе с рынка несчастного сбила с ног толпа цыганок и принялась лупить чем ни попадя. На его радость, рядом случился наряд милиции, который препроводил мужичонку и злобных фурий в отделение милиции.

Майор повертел в руках фальшивую еврокупюру.

– Мэри, Мэри... – обратился он к тетке, которая давеча переругивалась с Сергеем Степцовым. – Как же тебя на такой мякине провели? Этому фокусу, почитай, сто лет...

– Да разве ж это я? – возмутилась Мэри. – Девки пошли безмозглые! Дуры! А он, – цыганка погрозила кулаком гномику, – нарочно в кармане дыру проковырял, чтобы эти лахудры подумали, будто бумажка за подкладку завалилась. Пока они убегали, пока прощупывали... Хорошо еще, у нас теперь мобилы есть! Мадо тревогу подняла, мы его на выходе перехватили.

– Наглое вранье, гражданин начальник, – подал тихий голос задохлик. – Они меня ограбили, утащили плащ с деньгами да еще и накостыляли почем зря! Я кричал, на помощь звал – весь базар слышал!

– Убью! – заорала Мэри и бросилась на мужичка. Бдительные стражи порядка с трудом оттащили ее и швырнули на кожаную тахту.

– Нехорошо, – покачал головой майор и пояснил для Мэри: – Все, что вы напелли, это дешевая лирика. А вот ваши действия – у гражданина на лице.

– Он же все врет! – взвизгнула цыганка. – Ты сам сказал, что это фокус!

– Фокус в том, что вы плащ утащили. Плюс рукоприкладство.

– И пять тыщ рублей одной бумажкой! – добавил мятый гражданин.

– Как ни крути, все против вас, – констатировал майор.

– Ладно, – буркнула Мэри. – Пусть жилетку вернет – и разойдемся.

– Вы меня не поняли, гражданки цыганки, – уточнил Мельников. – Это даже не сто пятьдесят восьмая, не кража убогая. Це статья сто шестьдесят першая: открытое хищение чужого имущества, то бишь грабеж.

Он полистал потрепанную книжку.

– Часть вторая, пункты «г» и «д»: с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, и с причинением значительного ущерба. От трех до семи лет.

– Да брешет же он! – заскулила Мадлен.

– Это вы в суде разбирайтесь, кто брешет, кто не брешет. А вообще-то можно переквалифицировать на грабеж, совершенный организованной группой в крупном размере. От шести до двенадцати годков строгача.

– Ты что, начальник, шутки шутишь? – недоверчиво брякнула Мэри.

– Какие тут шутки, сказал петух, слезая с утки... Пеструхин, – кликнул майор сержанта, – заводи в обезьянник. А с этого... как вас там?

– Замшелко, – сообщил гномик.

– А с гражданина Замшелко показания снимешь. И протокол оформляй.

– Погоди, начальник! – Грудастая Мэри тревожно засуетилась. – Какой протокол? Может, миром договоримся? Ну, вышло туды-сюды...

– Какие еще туды-сюды? – В голосе майора зазвучали стальные нотки. – У нас есть заявление потерпевшего? – уточнил он у дежурного.

– У нас нет заявления потерпевшего, – отрапортовал дежурный.

– Тогда варианты, конечно, остаются. – Майор Мельников вздохнул. – Если возместите убытки гражданину Паршивко...

– Замшелко, – поправил задохлик.

– Вот именно. Если вернете пропавшую сумму денег..

– Вернем, вернем! – хором закудахтали цыганки.

– Тогда он, *может быть*, заявление писать не станет. Хотя это и против правил...

– Да ладно, – вальяжно бросил мужичок. – Замнем, так и быть.

Майор придавил задохлика к стулу тяжелым взглядом. Тот поперхнулся.

Перепуганные цыганки отсчитали деньги и тут же скрылись с глаз. Получив отступное, мужичонка метнулся было к выходу, но Мельников успел схватить его за ворот.

– Ты куда, Задрипко? – поинтересовался он.

– Я, гражданин начальник, это... спасибо вам... Я домой...

– Твой дом – тюрьма, труболет⁹! Гони бабки – и пшел вон!

– Вы не имеете права. Я потерпевший...

– А сейчас станешь пострадавшим! Пеструхин, кликни табор, мы им сейчас клоуна сдадим с рук на руки.

– Вы не имеете права! – жалко повторил мужичок.

– Права твоя башка будет глистам качать, когда ее в твой же зад засунут, – пояснил майор. – Ничего, в таборе тебя перевоспитают. Тем

паче на твоей роже написано, что пару сроков ты уже точно оттянул. Ну, сам признаешься или пробить по картотеке?

Замшелко втянул головушку в плечи.

– То-то. А то каждая тварь корчит из себя правозащитника...

– Гражданин начальник, хоть сколько дайте, – заскулил он.

– Я те дам! Я те столько дам, мало не покажется...

– Вы хоть проводите, – горестно попросил Замшелко. – Эти же... они же меня разорвут.

– Эти – разорвут, – довольно подтвердил Никанор Иванов. – Пеструхин! Киньте его в «попугайчик»¹⁰ и вывезите куда подальше. Мне на рынке только неопознанных трупов не доставало. Э, клоун! Бабло гони. Я тебе не Мадлен...

Разрулив ситуацию, майор пригласил Стецова в кабинет – отметить очередное торжество закона. От стопарика под свежую ветчинку Серега не отказался. Хотя и попенял старшему товарищу, что тот ходит по лезвию ножа: при случае свои же сдадут с потрохами.

– У меня народ сплоченный, – обиделся майор. – Коллектив ударного труда. А изъяли мы нетрудовые доходы, которые пойдут в премиальный фонд. Что значит «незаконно»? Закон – понятие относительное. В советское время за торговлю валютой расстреливали, сейчас – пункты на каждом углу. А валюта не стала ни вреднее, ни полезнее. Или вот пример. В двадцатые годы, чтоб ты знал, милиции отстегивали положняком десять процентов с тех средств, которые она вернула государству или частным лицам. Сейчас не отстегивают. Что, воровать меньше стали? Вот я и восстанавливаю социальную справедливость строго по закону, который когда-то из-за недомыслия отменили. Настанет день, сызнова примут. А мы уже сейчас работаем в новых условиях! Передовой опыт. Вопросы есть?

– Есть, – ответил Серега. – Но не у меня, а у прокурора.

– Все, замнем для ясности, – поморщился Мельников. – Лучше рас толкуй, где ты так складно по-цыгански научился балакать.

– Нужда научит. В прошлом году прикомандировали меня к группе, которая вела одно крупное дело, по наркоте...

И оперативник поведал, как закинули его в райцентр Смальск, где горожане стонали от беспредела наркоторговцев. Поставляли наркоту исключительно цыгане. Руководство городка и начальник милиции Со-прун прикрывали глаза на этот бизнес, поскольку цыганский барон Миха отличался по отношению к ним особой щедростью и слыл меценатом.

¹⁰ Милицейский уазик (жарг.).

В конце концов терпение обывателей лопнуло, и они обратились к атаману Всевеликого казачьего войска Василию Водомутову. Тот мигом объявил «войско в походе», и сотня крепких пареньков ушкуйной наружности с нагайками и битами повели толпу на Цыганский городок, смяли кордоны, а заодно взяли штурмом райотдел милиции и мэрию. Главного мента вместе с городским головой выволокли на площадь и публично выпороли розгами на мраморных плитах у памятника Ленину. Кто-то даже лично видел, как у Ильича глаза полезли на бронзовый лоб, загаженный голубями.

Обитатели Цыганского городка не стали оказывать сопротивления, а дали деру, бросив пожитки. Бульдозеры и тракторы довершили дело. Когда из Мокрого Паханска прилетел ОМОН вместе с СОБРОм, бойцы застали шумное народное гуляние на пепелище. Так когда-то плясали радостные французы на обломках Бастилии.

По факту массовых беспорядков завели было уголовное дело. Но тут, по счастью, случилась Кондопога, по сравнению с которой посекновение мэра выглядела детской шалостью в песочнице.

– С цыганчой тоже обошлось, – завершил рассказ Серега. – За неделю до Сабантуя по телеящику сюжет прошел, где Смальск попал в первую пятерку городов, страдающих от наркотической заразы. Областным бонзам сверху хвоста накрутили, и они послали ОБНОН¹¹ расковырять это сучье кодро. Вот к ним меня и пристегнули. Мы ромалам хлопушку¹² устроили – на тридцать два фигуранта! И пообещали: если будут гавкать, весь табор под пилораму пустим. Короче, утерли они сопли и ускакали в дальние края.

– Ничего, они свое быстро наверстают, – заверил Серегу майор.

– Это да, – согласился Степцов. – Но не в нашем районе.

– А что с теми, кого вы уже приняли?

– Пришлось полгода париться. За это время я не только по-ихнему наблатыкался, но еще и чечетку научился бить.

– Повезло, – заметил Никанор Иванович.

– С чечеткой?

– Повезло, что не китайцы наркотой торговали. А то бы скрутило тебя, как иероглиф, и хрен бы разогнули. Наливай за великое братство народов...

¹¹ ОБНОН – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

¹² Арест (жарг.).

В параллельной реальности тюрьмы

Три рассказа

Умывальник, зеркало, свобода

Старух, портретов и зеркал Олег Семенов боялся. Все время боялся, сколько себя помнил.

Уверен был, что они наделены недоброй силой, от которой – ущерб его здоровью и угроза его жизни.

Приблизительно по той же причине избегал фотографироваться. Считал, что фиксирование на вечность моментов биографии человека – это безвозвратное вычитание куда более длительных отрезков времени из этой биографии. Добровольное урезание, точнее, растраниживание жизни.

Странные эти привычки привез он с собою в зону, куда заехал на долгие десять лет по серьезной сто пятой.

Правда, здесь они вроде бы совсем не напоминали о себе. В соответствии, так сказать, с обстановкой.

Потому что...

С фотографированием в колонии строгого режима, мягко сказать, сложно.

Верно, гуляют здесь мобильники. В том числе и снабженные фотокамерами. Только использовать их для фотографирования – роскошь, редко позволительная. Телефон на зоне – в первую очередь чтобы «шуметь»: с волей связываться, с братвой вопросы решать, приветы близким передавать, в крайнем случае с заочницами «шуры-муры» крутить. Самое время напомнить, что и мобильники и фотоаппараты в лагере строго запрещены, на всех шмонах их жестко отменяют, за них и в изолятор запросто загреметь можно, и другие прочие неприятности обрести. Так что фотографирование из арестантской жизни, по сути, исключалось.

Вовсе не было в зоне старух. Да и взяться им здесь было неоткуда. Не обнаруживалось и портретов.

Разве что портрет Дзержинского в кабинете лагерного кума¹. В кабинет этот каждого прибывающего в зону непременно заводили еще до того, как арестант поднимался из карантина на барак. Задавали один и тот же гаденький, но обязательный, с точки зрения лагерной администрации, вопрос:

– В каких отношениях с оперативной частью планируете быть?

Нисколько не удивлялись, когда арестанты начинали молоть дурашливую чепуху или отмалчивались с брезгливой миной. С хищным интересом настораживались, когда кто-то, воровато оглянувшись, отзывался вопросом на вопрос:

– А чего делать-то надо?

Впрочем, тот портрет был какой-то не сильно настоящий. Железный Феликс в исполнении художника-самоучки из арестантов еще советских времен больше походил на виноватого дьячка из сельской глубинки. Да и фиолетовый жгучий цвет гимнастерки Дзержинского на том портрете не имел никаких аналогов с земными красками, а больше напоминал о чем-то космическом.

Единственным шатким мостиком между нынешней лагерной обстановкой и теми вольными привычками было... зеркало.

Большое зеркало в отрядном, совмещенном с дальняком² умывальнике. Не новое, с какими-то желтыми пятнами и с участками совсем неприглядного свойства, где амальгаму съело время и вместо зеркальной красоты перла мрачная непроглядная темень.

Хочешь не хочешь, нравится не нравится, а с этим зеркалом по несколько раз в сутки соприкасаться, что называется, нос к носу приходилось. Разумеется, о том, что зеркало на твое здоровье покушается и из твоей жизни куски выгрызает, Олег не вспоминал. При умывании и во время бритья норовил или зажмуриваться или глаза в сторону отводить. Если же все-таки случалось упереться взглядом в призванный отражать все и вся зеркальный прямоугольник, видел там одно и то же: собственную, уже тронутую тюремной худобой, физиономию, это на первом плане, а за ней, на плане втором, выкрашенные в зеленый недобрый цвет кабинки дальняка.

Все!

Никаких дополнений и вариаций к простенькому сюжету.

¹ Кум (*тюремн.*) – начальник оперчасти в СИЗО или в лагере.

² Дальняк (*тюремн.*) – отхожее место, туалет.

Разве что иногда над невысокими, в пояс, стенками кабинки маячили ушанка, феска, а то и просто оттопыренные локаторы и стриженная макушка справлявшего нужду арестанта. Только эта картинка была совсем невыразительной и почти бесцветной. Потому как слишком агрессивен был зеленый цвет стен кабинок дальняка, а прокуренная известковая белизна стен и потолка эту нездоровую зелень только усиливала. Такой фон безжалостно подавлял, размазывал и растворял все прочие цвета, предметы и даже события. Казалось, что и диктатура эта, и пейзаж этот – навечно сложившийся порядок, непоколебимый, нередактируемый, утвержденных не то что до конца его срока, а до конца сроков всех эзков всех последующих поколений.

Но так только казалось...

В какой-то момент, ближе к середине второго отсиженного года, понял Олег Семенов, что зеркало, точнее, то, что можно увидеть в этом зеркале, несмотря на свою вторичность и откровенную бедность на предметы, цвета и движения, иногда живет... само по себе, невнятной, приглушенной, но совершенно самостоятельной жизнью. И эта жизнь какая-то совсем особенная.

Порою традиционно маячившие в зеркале зеленые доски дальняка куда-то исчезали, утаскивая за собой, будто сворачивая в гигантский рулон, все побеленные плоскости стен и потолка. Взамен всего этого появлялись какие-то неведомые, окрашенные в приглушенные, словно размытые, нездешние пейзажи, отдаленные панорамы незнакомых городов, контуры, ранее не встречающиеся даже в фантастических фильмах, машин, силуэты вроде бы обычных, но каких-то совсем непонятных людей. Новое, неизвестно откуда берущееся наполнение пространства, которое занимал раньше умывальник, стремительно росло в масштабах и полностью завоевывало все возможные площади, объемы, перспективы.

Факт этот на первых порах не стал ни потрясением, ни событием, разве что поводом для слабого недоумения. Мысли вокруг этого крутились самые простые. Все больше подсказанные инстинктом самосохранения, который в любом арестанте непременно обостряется: «Как это понимать? Вдруг.. того, рехнулся... Что делать? Как дальше все пойдет?»

Потом... Потом все стало меняться.

Вспомнилось, как он в совсем зеленой юности искал приключений, с ощущениями и сознанием экспериментировал, как водку и вино колесами заедал, которыми старшие товарищи в любой момент щедро угостить готовы были. Моментального эффекта от такого эксперимен-

та не наступало, а вот через день, а то и позднее, начиналось то, что в кругу его тогдашних приятелей объединялось несерьезным словом «мультики». Сон – не сон. Бред не бред. Что-то ближе к глюкам. Стоило только глаза прикрыть, как на возникшем в сознании экране начинали в неспешном порядке сменять друг друга нездешние пейзажи, незнакомые города, непонятные люди. Словом, те самые сюжеты, что теперь порою в зеркале возникали и оттуда на него вкрадчиво, но необратимо наваливались.

«Мультики» – слово совсем несерьезное, а смысл за ним в том случае таился нешуточный. Многие из его тогдашнего окружения после таких экспериментов на порошок съезжали, а то и прямоком в объятия герыча³ попадали. А вот оттуда к обычной жизни вернуться лишь очень у некоторых выходило. Все чаще по лозунгу «Жить быстро, умереть молодым»...

Сам он этой схемы с известными ступенечками и мрачным финишем как-то счастливо избежал, даже на почти безобидную травку не съехал, но те самые юношеские «мультики» во всех деталях помнил. И вот теперь... снова эти самые, а может быть, и совсем другие, но очень похожие нездешние пейзажи, незнакомые города, непонятные люди. Вроде бы все цветное, но цвета эти размытые, неяркие, как на акварельных картинках. Правда, все это не из головы, как тогда, когда по молодости с алкоголем и колесами экспериментировал, а из зеркала, к которому хочешь не хочешь, а несколько раз за день здесь подходить приходилось.

Мультики из зеркала с учетом вялой своей скорости, акварельной окрашенности и сюжетной невнятности никакой опасности не обнаруживали, ни на какую агрессию даже не намекали. Но это только поначалу...

Через месяц появилась невесть откуда и неотступно потащилась за мультиками нарастающая тревога. Совсем непонятная штука, потому что сюжеты тех мультиков по-прежнему оставались безобидными, сонными, абсолютно мирными. Нескладуха полная: сюжеты – мирные, а тревога следом накатывает и градус набирает.

Пробовал он умываться совсем зажмурившись, даже бритье с закрытыми глазами освоил – бесполезно. Те мультики, что сначала в рамках прямоугольного зеркального пространства разворачивались, теперь уже вне этого пространства существовали, будто в его сознание

переехали. И все чаще в этом сознании о себе настырно напоминали. Правда, случалось это только тогда, когда он в умывальнике рядом с зеркалом оказывался и в это зеркало хотя бы мельком заглядывал.

А вскоре, кажется, и конкретный предмет тревоги обрисовался-проявился. На фоне всех этих безобидных сюжетов с нездешними пейзажами и непонятными людьми все чаще стал возникать тот, кого он на тот свет отправил. Долговязый незнакомый, но неоднократно встречавшийся в микрорайоне торчок-наркоша, что в тот треклятый вечер тормознул его на подходе к подъезду, помахал перед лицом сверкающим как хирургический инструмент ножом-«бабочкой» и прохрипел, обдав гнилым духом:

– Денег! Давай... По-шустрому...

Хотел Олег было тогда что-то сказать, объяснить, да наткнулся взглядом на глаза долговязого и моментально понял, что говорить здесь не о чем, а жизнь спасать надо не откладывая. Потому как глаза эти смотрели совсем мимо него, а зрачки в них почти вовсе отсутствовали. Вряд ли человеческими можно было назвать такие глаза.

Никогда не обучался Олег специальным приемам, ни в каких спецназах не служил, сама судьба жестко продиктовала ему тогда нехитрый алгоритм движений. И как ладно, почти красиво вышло... Быстро выбросил он вперед левую руку, отвел ею руку с ножом, а правой несильно, но резко, аккуратно, как рекомендуют специалисты рукопашного боя, под углом в сорок пять градусов, ударил долговязого в подбородок. Потом на автомате, очень быстро отдернул руку и ударил еще раз. Снова правой рукой, снова в подбородок, но уже со всей силой, умножая мощь удара массой посланного вперед корпуса и реверсом освободившейся руки.

Этого то удара и достаточно оказалось, чтобы долговязый, чуть оторвавшись от земли, откинулся назад. Совсем как аквалангисты в море с лодок спиной ныряют. Только с аквалангистами здесь параллель неудачная, потому как они потом плывут, перемещаются, а долговязый, чмокнувшись затылком в стену подъезда, ополз по этой стене и замер в неудобной позе. Будто сложился. Навсегда замер.

Конечно, был шанс отделаться здесь сроком в разы меньшим. С учетом самообороны при реальной угрозе жизни, с учетом положительных характеристик с работы, с учетом личности покушавшегося и всего такого прочего. Только это возможно, когда следователь добросовестный, когда много прочих людей в погонах и при должностях к своим обязанностям честно относятся. Со всем этим у нас в Отечестве, как известно, напряжно. Зато у покойного долговязого активные

родственники обнаружили, которым сил и времени хватило, чтобы куда надо ходить, звонить, требовать. В итоге, в оконцовке, как на зоне говорят, даже тот самый нож-«бабочка», которым долговязый махал перед носом Олега, из мусорских бумаг исчез. Вот так бывает: был в начале делюги нож, обнаруженный в руке убитого, подробно описанный и тщательно на предмет параметров своих замеренный, а потом... ближе к суду пропал этот нож. Будто и не было его никогда прежде. Разумеется, и покойник теперь, вроде как и не нападавший, вроде как и не покушавшийся, а чуть ли – не жертва, совсем невинная, ромашкой пахнущая.

А тут еще боком всплыло: оказывается, был тот долговязый ценным «кадром», постукивал и на уголовку, и на наркоконтроль, даже участковому не гнушался помогать в его нелегкой работе. Отсюда и запредельный срок, судом убийце назначенный, отсюда и в пар ушедшие все хлопоты адвоката, с таким трудом матерью на все имевшиеся сбережения нанятого. Вот и привез Олег Семенов на зону свои совсем незаслуженные десять лет и свой глубоко личный взгляд на понимание справедливости в своей жизни и в государстве, гражданином которого являлся.

Удивительно, а может быть, и вполне естественно, но долговязого того он не вспоминал ни в СИЗО, ни по первому году срока. Конечно, иногда вываливалась из памяти картинка, когда «бабочка» перед носом восьмерки выписывала. Конечно, порою следом и другой кадр выруливал, когда долговязый по стене съезжал, по пути словно складываясь, будто костей в нем вовсе не было. Конечно, случалось, даже звук этот чмокающий, когда он затылком в стену впечатался, возникал. Но все это как-то мимоходом и совсем безболезненно. Без мучительных раздумий и всяких там угрызений. Зато, бывало, мысль начинала вертеться. Как ему тогда казалось, серьезная и единственно верная: он на себя почти благородную роль санитаря в человеческом обществе примерил, вот, мол, проредил это общество от сорняка-негодяя.

Правда, робкой была эта мысль и совсем нечасто она его сознание посещала.

А тут вдруг убиенный долговязый наркоша собственной персоной то ли в зеркале перед тобой, то ли просто за спиной маячит и в том же зеркале отражается. Молчит, но голову вскидывает, будто что-то сказать хочет, попросить или напомнить. Глаз не видно, но лицо – точно его. Даже, кажется, гнилой дух, которым тогда от него пахнуло, в воздухе появлялся.

Такие сцены ни покоя, ни радости не приносили.

В придачу ко всему совсем странный вопрос его сознание начал тормозить: что за эти полтора года с тем самым долговязым случилось? Точнее, во что он превратился? Там, под стандартным в метр с хвостиком слоем земли, под досками нестандартного в рост убитого гроба? Или что от того долговязого осталось? Что, понятно, по сути своей одно и то же. Разумеется, тошнотворным натурализмом и откровенной жутью веяло от таких вопросов. И от этого в душе света не прибавлялось, а улыбаться уже и вовсе не получалось.

Советоваться в этой ситуации было не с кем. Даже просто поделиться, выговориться шанс исключался. Потому как нельзя на зоне строгого режима о таких вещах вслух говорить. В лучшем случае сочтут за сумасшедшего, в худшем примут за особо хитрого, это сумасшествие умело имитирующего, дабы себе лично какие-то блага и скидки, возможно, за счет близких окружающих, обрести. Реакция этих самых окружающих и в том, и в другом случае известна заранее. Арестант с изменившимся подобным образом поведением вмиг становится объектом насмешек и издевательств. Заодно и подозреваться начинает во многих эзковских прегрешениях. Понятно, никакого доверия такому арестанту! Ни информацией о сокровенном запрете никто с ним не поделится, ни трубой попользоваться не доверят, даже чая попить не пригласят. По сути, нулевым изгоем такой арестант становится. А вот это уже серьезно, и со всем этим десятилетнюю ношу срока, и без того поначалу неподъемную, совсем неумоготу тащить. Опять же – на уровне по-эзковски обостренного инстинкта самосохранения понимал это Олег и уверен был твердо: никому ни с кем о зеркальных чудесах ни слова. Он и на воле не очень разговорчивым был, в зоне молчаливости только прибавил, а уж после зеркальных мультиков на слова и вовсе запердельно скуп стал. Так что над стремительно набирающим актуальность вопросом «что дальше делать?» кубатурить⁴ ему приходилось исключительно самому с собой, в полном, как арестанты говорят, одинаре.

Конечно, можно было бы сходить в лагерную церковь, пошептать положенные слова у резных, изготовленных местными мастерами на промке икон, можно было бы даже поговорить с приезжающим по пятницам настоящим вольным батюшкой, только... Только... к верующим по-настоящему себя Олег не относил. Несмотря на то что крещен был в младенчестве, вопрос с верой он считал для себя еще открытым, а

⁴ Кубатурить (*тюремн.*) – думать.

потому более порядочным виделось ему в этой ситуации рассчитывать только на собственные возможности, Бога не трогая.

Тем не менее неожиданно для себя самого свечку в лагерной церкви «за упокой души убиенного» он поставил и что-то похожее на какое-то облегчение испытал. Тут, правда, без дополнительных хлопот не обошлось: не помнил Олег имени того торчка-наркоши, что в тот вечер его у подъезда встретил. Не помогли и мусорские бумаги (приговор и т. д.), с которыми он на зону прибыл. Фамилия жертвы там много раз повторялась, но исключительно по-канцелярски, с одними лишь инициалами. Пришлось специально друганам на волю по общаковой трубе вызванивать и, к немалому удивлению последних, имя «раба божьего», того, что его с ножом некогда у подъезда встретил, уточнять.

Опять же удивительно, а может быть, и вполне естественно, но после той поставленной «за помин души» свечки пропал долговязый наркоша из сюжетов мультиков. Нездешние пейзажи, незнакомые города, непонятные люди – все, как и прежде, своим чередом, но уже без долговязого, будто и не было его никогда прежде. Не испытал Олег по этому поводу ни удовлетворения, ни радости. Зато волнение оставалось. Тревога в том волнении предчувствием умножилась. Словно что-то очень важное того гляди грянет. И ведь грянуло...

После второй смены, после ужина, уже в первом часу ночи, зашел Олег в умывальник, чтобы почистить зубы. Как ни зажмурился, как ни отводил в сторону глаза, все-таки угораздило в зеркало глянуть. Глянул – оторопел. И не от того, что там увидел. А от того, что при этом произошло. Едва только проявились в зеркальном прямоугольнике уже привычные нездешние пейзажи, незнакомые города и непонятные люди, как ощутил он внутри себя несильный рывок, сродни тому, что засыпая иногда испытывает сильно уставший человек. В тот же момент понял, что все эти пейзажи и прочие составляющие мультиков находятся уже не за спиной, а слева, справа, впереди, словом, повсюду. Или – то, что было зазеркальем, что было только строго спереди (в зеркале) и строго сзади (опять же отражающимся в том же самом зеркале), наполнило все окружающее его пространство. Или он из этого пространства, где впереди тронутый ржавчиной кран, раковина с отбитой в двух местах эмалировкой и зеркало с черными провалами амальгамы, переместился совсем в другое место.

А вот эти перемены перенес Олег Семенов предельно спокойно, будто знал о них давно заранее и готовился к ним самым тщательным образом. Первым делом убедился, не снится ли ему это. Щипать себя не стал, а вот ногтем указательного пальца правой руки большой па-

лец той же руки что есть мочи уколел. Укол почувствовал. На всякий случай на уколотый палец посмотрел. Все верно: есть вмятина, сама темная, края белые, будто бескровные. И зудит уколотое место, чешется. Значит, не мерещится, не снится.

Для окончательной убедительности себя, насколько смог, осмотрел, даже ощупал. Все сходится: штаны черные от арестантской робы, от той же робы лепень⁵ черный, ткань в еле заметный рубчик. Неважная, между прочим, ткань. Летом в ней тело не дышит, запаривается, как лицо в противогазе. Зимой – стынет, не согревается. И обязательная для всякого арестанта бирка на левой стороне на месте, и хлоркой на ней выведенное «Семенов О. А. 9-й отряд» присутствует. Значит, точно, не мерещится... Только крашенного в приметный цвет дальняка сзади нет, и раковина с отбитой в двух местах эмалировкой куда-то делась, и зеркало с попорченной амальгамой кто-то убрал. Еще раз опустил глаза Олег, скользнул взглядом по тем же штанам, вспомнил, что, прежде чем в умывальник идти, коцы⁶ снял, вместо них черные пластмассовые тапочки надел. Все верно: вот они, тапочки, и ногти, тронутые обязательным для всякого арестанта грибок, торчат. Верно, не снится! Только кругом как-то очень много пространства и всего, что с ним связано. И в этом пространстве стены совсем незнакомые, не беленые, а сложенные из какого-то неброского камня, и в стенах тех проемы, некоторые будто проломанные, некоторые будто специально выложенные со стрельчатыми арками. В проемах – деревья, кусты, растения и даже небо, габариты которого не ограничены забором с проволокой и вышками с часовыми. Про зону здесь и вовсе ничего не напоминало. И не было здесь никакой зоны. В помине не было...

Ни сердце пуще обычного с тот момент у Олега не забилося, ни дыхания не перехватило. Только мысль единственная стрельнула: «А если туда шагнуть, и... дальше, дальше, дальше...»

Не стал он себя сдерживать – шагнул раз, выдержав паузу, еще раз шагнул, осмотрелся: точно, никакого умывальника, никакого зеркала, никакого сбитого из зеленых ядовитого цвета досок дальняка. На все триста шестьдесят градусов ничего кругом нет, что бы могло напоминать о лагере, зоне, несвободе. А вот штаны на нем те же арестантские, из хозяйской робы, и лепень на нем тот же, с биркой ненавистой, которая зэку в зоне и паспорт, и визитную карточку, и много чего еще

⁵ Лепень (*тюремн.*) – пиджак, куртка.

⁶ Коцы (*тюремн.*) – ботинки.

заменяет. Выходит, на воле он сейчас, Олег Семенов, пусть в арестантском прикиде, пусть без документов, пусть с не отсиженным даже наполовину своим немалым сроком. Выходит, сказка или что-то в этом роде выпало...

Закрутилась в голове шальная карусель. В карусели мысли, черные и белые, вперемежку. Белые: «Вот она, свобода, ни заборов, ни мусоров, куда хочешь иди, что хочешь делай...» Черные: «Какая же это свобода, когда я порог зоны не переступал, даже справки об освобождении на руки не получал, куда я заявиться в арестантском прикиде могу, выходит, только прятаться-хорониться, разве бывает такой свобода, нужна ли мне такая свобода?» Между черно-белыми мыслями как прокладка, как орнамент какие-то узоры из кубиков, ромбиков и прочих неведомых фигурок. Вроде бы разноцветные, но цвета приглушенные, размытые, будто теми же красками, что мультики из зеркала, нарисованные.

А прицепом к черным мыслям неожиданно, но очень по делу, в масть торкнуло: «Денег нет... А без них как же? Ни позвонить, ни доехать... Даже пачки сигарет не купить... И с общего того же курева, если это вроде как свобода, не возьмешь...»

Машинально, будто в подтверждение последних мыслей, похлопал он по карманам. Верно, нет в них денег, и быть не могло, строго запрещены в нашем государстве деньги тем, кто наказание отбывает. Да и сигарет там не оказалось. То ли в телеге⁷ остались, то ли на тумбочку около шконаря⁸ выложил. Только где они сейчас, этот шконарь, эта тумбочка?

Крутанулось в мозгу уже ранее там мелькнувшее: «Наверное, все-таки с ума схожу...»

На этот раз предположение такое почти спасительным представилось, потому что такое предположение единственным ключом – объяснением ко всему происходящему было. Ну, сошел с ума, тогда все понятно: и штучки эти с зеркалом, и всякие там мультики эти – все разом в систему выстраивается... Если же сохранил здравый разум, тогда как все происходящее объяснить можно? Просто нет этому никакого объяснения... Не существует этому никакого объяснения... Не может быть этому никакого объяснения... А сказка – это ерунда, в них и дети современные не верят, в лагере строгого режима сказкам просто взяться неоткуда...

⁷ Телага (*тюремн.*) – телогрейка.

⁸ Шконарь (*тюремн.*) – койка.

Выходит, сумасшествие... По методу исключения... И как единственное спасительное... Придется и это как должное принять... Только разве может сумасшедший так основательно ситуацию анализировать и разве может тот же сумасшедший так всерьез о собственном безумии задумываться? Опять нескладуха. Не нашел в этот момент Олег Семенов ничего лучшего, кроме как в очередной раз себя на предмет связи с реальной действительностью проверить. Прикусил губу. Похоже, перестарался, потому как от боли даже невольно передернуло и во рту соленое почувствовал. Впрочем, не зря, похоже, перестарался. Потому что вместе с ощущением боли пришло ясное осознание, почти команда-инструкция, что дальше делать. И никакой сказкой там уже не пахло – сплошной жесткий реализм, мужицкая практичность, помноженная на арестантскую сноровку:

– Надо возвращаться... Мульттики мультиками... Глюки глюками... Вдруг хватятся в ночную проверку... Что тогда?.. В побег объявят.. А это – ЧП, от которого мало никому не покажется: ни энкам, ни мусорам... Опять же соседям по бараку – сплошные бигуди: допросы-расспросы, дознания-показания... Мать-старуху по ментовкам затаскают... Вольным друзьям те же мусора проходу не дадут.. Да и самому беглому на воле куда податься? Некуда! Через телефон, через камеры, что повсюду понатыканы, засекут где угодно... Значит, снова в лагерь, уже с добавленным за побег сроком, которого и так столько, что спина сама сутулится, когда число грядущих лагерных лет пытаешься представить... Нет, только возвращаться... Только как возвращаться?

Снова ощупал себя Олег. На этот раз будто волшебный тумблер искал. Тот самый, который из сказки в реальность возвращает или, наоборот, из лагеря строгого режима в свободу перемещает. Не обнаружилось никакого тумблера. Потому что такой тумблер – это голимая сказка, а сказкам в зоне места не предусмотрено...

Не нашарилось ничего даже похожего на тумблер. Только собственные ребра под хозяйским лепнем угадывались да мозоли, что после того, как на промку вышел, проявились, за ткань этого лепня цеплялись.

«А возвращаться надо по-любому...» – еще строже внутри повторилось. На этот раз и никакие аргументы к этой установке не находились. Вроде как надо, и все... С одной стороны, правильно, убедительно. С другой – странно... Выходило, что его, как птицу в клетку, как собаку к цепи и ошейнику, потянуло...

В который раз уже за последние полчаса крепко он зажмурился и крутанул головой, будто снова пытался уточнить по поводу личных

своих отношений с реальностью и нереальностью. Получилось, уточнил. Потому что, когда глаза открыл, оказались перед этими глазами раковина с двумя пятнами отбитой эмалировки и зеркало с уже памятными по очертаниям провалами амальгамы. Никаких стен из неброского камня, никаких деревьев в проемах этих стен, никакого неба в тех же проемах. Да и все пространство скукожилось, будто свернулось. Правда, зудело и саднило на второй фаланге большого пальца, в том месте, куда он ноготь указательного пальца вогнал. Правда, еще ощущался чуть солоноватый привкус во рту.

На почти негнущихся ногах возвращался Олег к своему шконарю. Лег не раздеваясь, закурил, нисколько не удивился, видя, как пляшет в его руках сигарета и что этой сигареты хватило от силы на пять затяжек. Думал обо всем сразу, что случилось в умывальнике, и ни о чем конкретно из той карусели событий, которая не просто пронеслась накануне в близости перед ним, а лихо протащила и его самого, кувырякая с ног на голову и обратно.

Заснул он уже под утро, имея внутри жесткий приказ для самого себя, самым и сформулированный: «Про все, что было, – забыть, о мультиках – не вспоминать, в зеркало ни под каким предлогом – не заглядывать, про то, что случилось, – никому не рассказывать...»

Только последний пункт из того приказа и оказался выполненным.

Рано утром, еще до подъема, неведомая сила подкинула его со шконаря и потащила, так и не стряхнувшего с себя остатки сна, в умывальник. У зеркала по старой привычке попытался он зажмуриться. Не смог. Потому что лицо перестало слушаться. Помня о ночном приказе, самому себе отданном, попытку повторил. Опять – бесполезно. Даже показалось, что лицо вовсе в маску превратилось и обычной своей мимики окончательно лишилось: ни моргнуть, ни губами пошевелить.

Тем временем в зеркале, куда он смотрел не по своей воле широко раскрытыми глазами, знакомая картинка проявилась. Как и прежде, нездешние пейзажи, незнакомые города, непонятные люди. Следом – и несильный внутренний рывок, сродни тому, что, засыпая, иногда испытывает очень уставший человек. Ну и все остальное, что минувшей ночью было, наступило.

В итоге никакого уже зеркала рядом, никакой раковины близко. Опять стены с проемами, а в проемах снова и деревья, и растения, и в свободных промежутках куски неба, на котором будто написано, что не лагерное, а вольное это небо.

Знакомой представилась Олегу Семенову увиденная панорама, а вот то, что у него внутри творилось, было совсем незнакомым, не-

узнаваемым, непонятым. Впрочем, ничего там вовсе не было, кроме единственной установки, что была строже любого самого военного приказа: «Вперед, вперед, вперед!»

И ничего даже похожего на тему, что аукалась со знаковыми словами «побег...» и «ЧП...», даже тенью не прошмыгнуло. И даже то, что мгновение назад казалось незнакомым и неузнаваемым, сдулось бесследно. Уступило место бескрайнему, сильному и радостному. Пожалуй, еще более непонятому.

Уже на ходу совсем машинально он посмотрел вниз. Скользнул по не застегнутому впопыхах лепню, проехал по хозяйским штанам, чуть задержался на тапочках с торчащими пальцами. Почему-то вспомнилось, что тапочки эти казенные некоторые из эзков «шептунами» называют. Непроизвольно улыбнулся. Уже не удивился, что улыбнуться получилось, что совсем недавно казавшееся намертво затвердевшим лицо двигается, слушается его настроения. Так же неожиданно для себя самого хлопнул по карманам штанов. Не обнаружив сигарет, снова почему-то улыбнулся, в очередной раз отметив, что лицо уже не имеет ничего общего с окаменевшей маской. Еще раз правой рукой скользнул по робе, зацепился за бирку с вытравленным хлоркой «Семенов О.А. 9-й отряд». Хотел рвануть, но, вспомнив, как основательно, не жалея ниток, пришивал эту бирку, затею оставил. Не захотел останавливаться, сбивать дыхание, словом, пожалел времени. Он уже шел. Прямо и очень быстро, чуть наклонив корпус вперед и чуть откинув назад голову. Не рассчитанные на быструю ходьбу тапочки ему совсем не мешали.

На ходу как совершенно естественное отметил для себя: цвет всего окружающего изменился. Никакой акварели! Ничего рыхлого и размытого! Только яркие и сочные, даже режущие глаз, цвета. Наверное, таким видят мир бывшие слепые, прозревшие после чуда или удачной операции.

О том, что сейчас происходит в том месте, где он провел последнюю ночь и почти два предыдущих года, не вспоминал. А шаг ускорил, словно боялся куда-то опоздать, будто впереди уже маячила четкая, связанная с большими радостями и важными обретениями, цель. И совсем не оглядывался, словно поворот головы мог бы помешать набираемой скорости.

Арестанта Семенова О.А. хватились уже на утренней проверке. Уже в обед в зоне работала комиссия из управы. Уже утром следующего дня к ней присоединились важные московские проверяющие. Допрашивали не только эзков, но и всех мусоров, кто каким-то краем своей

службы касался Олега. Еще через день выяснилось, что в лагере уже не работают ни прежний начальник девятого отряда, ни аж целых три начальника с промки, куда выходил Олег. Еще через неделю из зоны исчезло все руководство во главе с хозяином, так старавшимся доработать до пенсии. Никто не сомневался, что главная и единственная причина всех этих карьерных катастроф – исчезновение арестанта Семенова. Удивительно, что слово «побег» сначала так часто мелькавшее в отчетах проверяющих всех калибров, потом из этих бумаг пропало вовсе. Совсем как тот нож-«бабочка», который в делюге Олега Семенова сначала был, а потом перестал упоминаться. Впрочем, вскоре и, кажется, вообще все, что касалось арестанта Семенова О.А., было из лагерной документации вымарано. Невымаранное строго засекретили. И лагерным мусорам, и мусорам из областной управы было строго предписано – «тему Семенова закрыть». Предписание выполнялось неукоснительно. Недавние повальные увольнения в связи «с тем же Семеновым» все помнили.

Помнили случай с Семеновым и арестанты. Нельзя было им запретить говорить на эту тему. Они и говорили. Вот уж где погуляла фантазия российского зэка. Кто-то был уверен, что Олега просто выкупили за «громадные бабки» серьезные люди. Кто-то уверял, что он действительно ушел через «кабур»⁹, так и не обнаруженный мусорами. Ромка-цыган, угодивший в зону по народной и даже здесь умудряющийся хотя бы раз в неделю «в хлам» обкуриваться, божился, что «сильно страданувшего по беспределу» Олега взяли на небо ангелы. Были и еще более фантастические версии. Правда, ни в одной из них о зеркале в умывальнике девятого отряда не упоминалось.

Впрочем, само то зеркало просуществовало недолго. Заместитель отрядного завхоза козел Фурик, покупая себе УДО, поменял все зеркала в умывальнике на новые. Новые зеркала в умывальнике пятен на серебряной поверхности не имели и отражали только то, что им полагалось: физиономии умывающихся и бреющихся арестантов (на первом плане) и крашенные зеленой нездорового цвета краской кабинки дальняка (на втором).

Возвращение майора Кузи

Сначала было так.

Была у майора Кузьмина жизнь, которую на девяносто девять процентов составляла служба в зоне строгого режима. И это ему нравилось. И по-другому, наверное, он свою жизнь не представлял.

Со стороны могло даже показаться, будто не жизнь это, а сплошное творчество, какая-то форма самоутверждения личности.

Заступает в наряд дежурным по лагерю майор Кузьмин – ползет из барака в барак невеселое и даже угрожающее: «Кузя дежурит...»

Это значило, что в любое время дня и ночи, когда в сопровождении наряда, а когда и совсем один, мог он появиться в самом неожиданном месте, в самый неподходящий момент. Например, когда арестанты брагу разливают или «трубу» заряжают¹⁰. Соответственно, всякий раз в такой день из лагерного блаткомитета¹¹ и от отрядных смотрюнов падала жесткая установка: «Запреты на верхах не держать, с игрой осторожней и во всем прочем не обострять, не провоцировать...» Как пояснение, а может, и для усиления сказанного добавлялось: «Кузя заступает...»

Неведомым образом просочилась с воли и давно жила в лагере «фишка», как майор Кузьмин сам себя дома тренирует: попросит жену мобильник в комнате спрятать и... ищет с включенным секундомером! Вроде как нюх отработывает, чтобы потом телефоны и прочие запреты на шмонах легче находить было.

Еще поговаривали, будто были у него во всех отрядах свои, трижды засухаренные осведомители, о которых даже кум был не в курсе и которые работали на него, майора Кузьмина, исключительно. Только это вряд ли. Скорее всего, помогала ему особая мусорская, обостренная и отшлифованная в нем до совершенства, «чуйка». Сам видел, как зашел однажды Кузя в нашу локалку¹². Только и скользнул взглядом по арестантам, что в курилке сидели. Сразу выцепил одного. Поднял. Отвел в сторону. Хлопнул по его карманам. Не ошибся. Улов – труба новая, только что затянута, плюс зарядка к ней. Опять же поговаривали на зоне, будто за любой такой улов мусор отличившийся премию

¹⁰ «Трубу» заряжать – подпитывать мобильный телефон от сети.

¹¹ «Блаткомитет» – группа осужденных, которая негласно управляет зоной, создается, как правило, из подконтрольных администрации людей.

¹² Локалка (*тюремн.*) – участок, на котором расположен отряд, отделенный от всей территории лагеря решеткой с запирающейся калиткой.

получал. За премию не знаю. При вручении не присутствовал. Зато знаю точно: тот арестант, кому труба и зарядка принадлежала, свою «десяточку» изолятора после рапорта Кузи получил.

Соответственно, понятно, какое отношение было у арестантов к майору Кузьмину.

Кажется, и его отношение к арестантам в уточнениях не нуждалось.

Но так, повторяю, только сначала было.

Потом все изменилось. Резко изменилось.

Будто калейдоскоп с разноцветными стеклышками, из которых жизнь складывается, кто-то не просто крутанул резко, а что силы о булыжник шмякнул.

Родился у майора Кузьмина сын. Сын – всегда радость, а тут радость многократная. Потому как первый, быстро треснувший брак у него был отмечен дочерью, что осталась при бывшей, куда-то уехавшей жене и как будто пропала, а во втором, вроде и счастливом, детей долгое время не было. Короче, радость долгожданная и понятная. Аккурат, на следующий день предстояло Кузьмину дежурным по зоне заступать. Он и заступил.

По неписаной, но строго соблюдаемой среди мусоров-офицеров традиции, «проставился» майор на своем дежурстве по причине обретения наследника. Пил полночи с коллегами по нелегкой работе водку под испеченные тещей пироги и домашнее сало, опять же той самой тещей засоленное. Потом... потом что-то невероятное случилось. Понесло майора Кузьмина из дежурки в зону. И не на промку¹³, где третья смена трудилась, и не в рядовой барак, а в барак номер два, где собраны были арестантские сливки и базировался лагерный блаткомитет. А дальше вопреки всем инструкциям (мусорским), законам (арестантским) и даже здравому смыслу получилось так, что банкет свой майор Кузьмин продолжил в этом самом втором бараке. В отрядной чайхане (так в зоне называют отдельную комнату в бараке, отведенную под чаепитие и прочие куцые арестантские радости). В компании самых авторитетных в лагере эзков! Пил уже не вольную магазинную водку под тещины харчи, а ядреный арестантский самогон под карамельки, в лагерьном ларьке купленные.

Уже этот факт совсем нелогичным и очень чреватым для всех участников представлялся. Однако имел место такой факт, и это лишь

¹³ Промка (*тюремн.*) – здание или участок зоны, на котором размещены производства, где используется труд заключенных.

началом происшествия было. В середине застолья разомлевший майор Кузьмин скинул с себя уфсиновский китель, освободил разгоряченную голову от форменной фуражки... Вот тут-то и началось самое интересное.

Пока одни из арестантов разливал в очередной раз ядерное пойло по прочифиренным кругалям¹⁴, другой, прихватив майоровский китель и фуражку, юркнул с ними в соседнюю кавээрку¹⁵. Ну и закрутилось... Сначала арестанты примеряли мусорской прикид и фотографировались в самых раскованных позах на извлеченные из курков мобильники. Потом в фотосессии и сам уже совсем отяжелевший обладатель прикида участие принял. Охотно фотографировался с теми, кого обязан охранять, воспитывать и у которых эти самые мобильники отбирать должен, так как любые средства связи на зоне строго запрещены.

По причине великого веселья в тот момент и совсем нестандартные кадры родились. Это когда рядом с арестантом, обряженным в китель и фуражку майора Кузьмина, сам майор в накинутах на могучие плечи лепеньке эзковском и в лихо сбитой на затылок опять же эзковской феске.

Какие тосты в ту ночь под сводами того барака произносились и вообще о чем тогда говорилось в ходе того, мягко сказать, стихийного веселья, не знаю.

Зато доподлинно знаю: еще до того как рассвело, снимки с уникальной фотосессии появились в интернете.

К уже описанным сюжетам еще один добавил: спящий расхристаный майор Кузьмин в интерьере кавээрки на фоне характерной наглядной агитации в кокетливо заломленной арестантской феске с хорошо узнаваемым эзковским кругалем-трехсоткой в руке.

Немногом больше чем через час так толком и не проспавшийся майор Кузьмин расположение второго отряда покинул. Уходил чуть пошатываясь, в кителе, обсыпанном табачным пеплом, в фуражке с непоправимо помятой тулейей.

Шныри¹⁶, из тех, кто в административном корпусе убирает, видели Кузю днем в этом здании. Будто курсировал он между кабинетом замполита и кабинетом хозяина и вид имел предельно понурый. Словно

¹⁴ Кругаль (*тюремн.*) – кружка.

¹⁵ КВР – комната воспитательной работы.

¹⁶ Шнырь, шестерка (*тюремн.*) – заключенный, удостоенный права убирать камеру, барак и выполнять прочие обязанности по обеспечению быта заключенных, что намного легче обычных работ, которыми занимаются остальные заключенные.

он накануне вместо эков-грузчиков фуру мешками с дробленным мелом в одиночку загрузил. Разве что белой пылью не был запорошен.

Некоторые из арестантов, говорили, что видели его в тот же день и позднее около корпуса администрации перед самой сдачей дежурства. Вроде, судя по кителю и фуражке, он был и вроде совсем не он. Потому как вместо статного, почти двухметрового плечистого мужчины видели они горбатого старика-коротышку.

А лица у этого старика не было вовсе. Голова, увенчанная той самой фуражкой со сломанной тульей, была. Шея, начинавшаяся из ворота того самого, уже увековеченного интернетом, уфсиновского кителя, была. Лица – не было! Вместо него между воротом кителя и козырьком фуражки было ничего не понимающее и никого не видящее серое пятно. Усы, черные, всегда ранее заметные, в этом пятне совсем не просматривались. И глаз не находилось. Казалось, частью чего-то неодушевленного было это пятно.

Как и полагалось после любого лагерного ЧП, появилась на следующее утро в отряде комиссия. Кроме уже в лицо экам знакомых мусоров из управы были там и какие-то неизвестные люди. И в форме, и в штатском. Приглашали всех арестантов, участвовавших в недавнем ночном банкете, в кабинет отрядника, что-то спрашивали, чего-то записывали. Только и спрашивали ненастырно, и записывали невнимательно. Тех, кто говорить и писать отказывался, с миром отпускали. Странная какая-то комиссия! Следом даже и повального шмона не грянуло.

А майора Кузьмина никто больше не видел. Ни в лагере. Ни в городке, на окраине которого лагерь наш располагался. От этого городка отделены мы были тройным забором, но связь с ним и обмен информацией благодаря многим арестантам из местных были постоянными. По этому каналу и пришла новость, что Кузя из городка уехал. Следом снялась и вся семья, включая не только сына-грудничка, но и тещу. Никаких подробностей о дальнейшей жизни бывшего майора Кузьмина так и не возникло. Будто и в лагере нашем он не служил, и в городе этом не проживал.

Конечно, последнее дежурство Кузи вспоминали. Доходили слухи, будто мусора эту историю как классический пример эковского коварства оценили. Правда, мстить за коллегу они не стали. Возможно, по особым на это причинам. Жил в лагере слух, что сами мусора Кузю уважением не жаловали, даже не любили откровенно за его излишнюю самостоятельность и служебное рвение. А еще не могли ему простить, что главным мусорским приработком – затаскиванием в зону

мобильников и алкоголя – Кузьмин брезговал, а потому никогда в этом замечен не был.

Случалось, что в бесконечных неспешных разговорах за цифиром и в курилке вспоминали майора Кузю и арестанты. Мнения звучали разные. Старики, воспитанные на правильных традициях, нехотя, но безапелляционно говорили, что арестантам с мусором пить негоже, а уж мусорской прикид на себя примерять совсем неправильно. Обоснования под эту точку зрения у них находились вполне убедительные.

Правда, очень скоро ушли старики со своей позицией в тень и безмолвие. Чаще и громче по поводу истории с Кузей стало высказываться злорадное одобрение: мол, мусорам так и надо, что в борьбе с мусорами все средства хороши и не о какой порядочности здесь просто речи быть не может. Желающих возражать не находилось. Такая точка зрения в качестве окончательной вроде как и начала утверждаться.

Постепенно тема майора Кузи из арестантских разговоров и вовсе потерялась. Но только на время, чтобы потом вернуться в совсем неожиданном аспекте.

Выпало так, что горох, в завтрак предложенный, сырым оказался. Так бывает, если его с вечера не замочат на кухне.

В придачу к гороху несъедобному еще и чай несладкий пришелся. И такое выпадает, когда кто-то в арестантскую пайку сахара лапу накануне запустит.

И первый, и второй минусы в арестантской жизни – явления заурядные, но, понятно, света в этой жизни не прибавляющие. Несложно догадаться, в какой атмосфере тот горох жевали, с каким настроением тем чаем запивали. На таком фоне за столом вдруг и прозвучало:

– А вот, когда Кузя заступал, не бывало такого... Он сам проверял, чтобы горох заранее запаривали, сам рядом стоял, когда сахар по котлам засыпали...

Кто сказал?

Гриша Грек сказал. Тот самый, что второй срок досиживает, а оба срока у него по червонцу. Тот самый, что год назад за цифиром между делом обронил:

– Хорошо бы, если в стране у нас вор в законе начал править... Тогда бы все по справедливости было...

И дед Василий, скупой на любой разговор, поддержал:

– Кузя мусор был правильный...

А у деда Василия двенадцать лет срока за участкового, из охотничьего ружья по пьяному делу подстреленного.

И Мага-чеченец голос подал. С акцентом неповторимым:

– Были бы все мусора такими, как этот Кузя, в натуре, сидеть было по-другому...

У Маги – статья «народная», за наркоту в больших объемах, только весь лагерь знал, что те же мусора его в зону упрятали за прошлое, когда он в лесах с автоматом вместе с боевиками-«шайтанами» свою правду искал.

Мой же срок тогда только начинался. С учетом отсиженной скромной полторашки оставалось только внимательно слушать, по возможности понять, а главное, запомнить, чтобы потом, устно ли, письменно, на воле людям передать. Чтобы тем легче разобраться было, кто такие современные российские арестанты, что у них на душе и в голове. Чтобы поняли, наконец, как мало у этих арестантов, арестантов настоящих, общего с теми арестантами, выдуманными, которых им каждую неделю по ящику показывают или про которых в книжках в ярких бумажных обложках пишут те, кто зоны не нюхал.

Казалась эта установка единственно правильной. Но так только казалось.

Через год уже вроде бы как напрочь забытая тема майора Кузи снова вернулась в нашу жизнь. Не вломилась, не ворвалась, а тихо, но неудержимо втерлась, жестко отодвинув все прочее и остальное.

Сначала в лагере стало известно, что опять объявился Кузя в городке, из которого год назад так поспешно и нехорошо снялся. Прицепом к первой новости вторая: у бывшего майора теперь свой бизнес и, кажется, вполне удачный. Из второй новости на автомате третья: специфика этого бизнеса такова, что непременно будет наша колония со своим меловым производством теперь важным партнером для Кузи.

Комментировать эти новости никто не брался. Чего тут комментировать, ситуация житейская: попал человек в неприятность, а потом собрался с духом и неприятность преодолел, и свою жилу нашел, которую теперь вроде как успешно разрабатывает.

Повод для комментариев позже грянул. Через полгода. Когда стало известно, что фирма, Кузей возглавляемая, лихо кинула нашу промку на немалую сумму денег. Чем все это обернулось для зоны и для мусоров, там служивших, можно догадываться. А для нас, арестантов, на этой промке работающих, Кузино кидалово самый конкретный результат имело. Почти полгода потом мы работали за чистое «спасибо». Заработками здесь и раньше не баловали: закрывали в месяц по триста-четыреста рублей. После «привета» от бывшего майора в зарплатных ведомостях напротив каждой фамилии совсем смешные цифры стали проставляться: кому – сорок рублей, кому – шестьдесят, кому

что-то среднее. И это в то время, когда пачка фильтровых в лагерном ларьке уже сорок с копейками стоила.

Чем все это для арестантов обернулось, представить несложно. Кто прежде «Яву» курил, теперь «Приму» смолить начал. Соответственно, кто раньше себя «Примой» тешил, начал бычки собирать, табак из них извлекать, на батарее его сушить и в дело пускать, в самокрутки, какие в известном фильме дед Шукарь курил. Ну а те, кто привычкам изменить не пожелал, в долги позалезали и всякие прочие бигуди на себя нахлобучили.

Какими словами после этого бывшего майора в арестантских беседах могли вспоминать, представить несложно. Только не вспоминали Кузю больше в лагере.

Разве что тот же дед Василий, некогда наградивший Кузю высоким титулом «правильный мусор», в случайно затеянном разговоре, где каким-то боком всплыл бывший майор, очень фигуристо матернулся и припечатал:

– Мусор он и есть мусор... Мусор – этим все и сказано...

Сплюнул и растер подошвой арестантского башмака окурок «козьей ножки». Той самой, что из табака, с бычков накануне набранного, была скручена.

Кстати, на воле такие самокрутки нынче, поди, никто уже и не курит...

Всю жизнь его звали Костей.

И в пять лет, когда его, кудрявого и большеглазого, хотя бы родители могли называть Костицом.

И в тридцать, когда окружающим полагалось бы употреблять сдержанно-серьезное Константин.

И в нынешние его пятьдесят восемь, когда всех его ровесников уже давно величали с пиететом по имени-отчеству.

Костя так Костя.

Претензий у него не было.

Да и откуда взяться этим претензиям? В пять лет ему было все равно, как к нему обращаются, а потом... Потом по этому поводу ему было более, чем все равно.

Уж так случилось, что добрые две трети жизни Константина Усольцева прошли на зонах, в тюрьмах да на этапах. А там к человеку и во все не часто обращаются, а если и обращаются, то слишком специфически. Те, кто в погоне, – исключительно по фамилии, те, кто соседи

(по бараку, по камере, по купе в «столыпине»¹⁷), – те, как испокон века в арестантской среде принято, по кличке. В лучшем случае, независимо от возраста, по имени.

Костя так Костя.

В лагерях бывало и так, что человек и три года сидел, и пять, и весь срок отбывал, а его имя и отчество только два-три близких соседа знали. Все остальные кличкой-«погонялом» обходились. Все прочие обращения, по сути, вообще невостребованными оставались.

Кто же этому удивляться будет? Вовсе не принято в тех местах ничему удивляться.

И Константин Усольцев не удивлялся, не задумывался, не заморачивался, как здесь говорят.

Как не задумывался, что то ли пайка, то ли доза жизни, свыше ему отпущенная, уже закончилась и что пришло время собираться в тот последний, то ли заоблачный, то ли просто загробный, этап. Правда, «этап» здесь слово не совсем уместное. Про тот этап, что из тюрьмы на зону или из лагеря в лагерь, всегда предупреждали: когда с вечера – чтобы к утру был готов, когда утром – чтобы к обеду успел собраться.

А тут – никаких предупреждений, никаких сборов. Просто упала откуда-то из очень высокого далеко команда, что улавливалась не слухом, а внутренним чутьем, и было в этой команде единственное слово – ВСЁ!

Эта самая команда с этим самым единственным словом грянула, когда Костя вышел из барака на плац покурить. Мог бы и в бараке покурить. Весь барак круглые сутки смолил, не поднимаясь со шконок, и он так всегда делал. А тут будто что внутри торкнуло – выйди, обязательно выйди!

Вышел Костя на плац, а закурить у него и не получилось – кольнуло в сердце. И в двадцать так бывало, и в тридцать, а уж после сорока на подобные пустяки и внимания не обращал. Понимал, что тут и вся выпитая водочка аукается, и весь употребленный чифир привет передает. Сердце оно и есть сердце. «Покалывать ему просто положено, чтобы о своем наличии-присутствии давать знать», – всегда незаметливо рассуждал в подобных случаях Костя.

И всегда ведь отпускало.

В тот раз кольнуло и не отпустило. Будто кто-то холодный и тяжелый штырь одним молниеносным ударом вогнал в левую сторону

груди и держит его там, не вытаскивая и не поворачивая. А в висках ранее нутром услышанная команда затараторила: ВСЁ, ВСЁ, ВСЁ...

Понимал Костя, что умирает, а ни страха, ни горечи в этот момент не испытывал.

Где-то он читал или от кого-то слышал, будто в подобные моменты перед человеком в считанные мгновения вся жизнь проходит, будто кто с бешеной скоростью кино, про него снятое, прокручивает. «Вот, – удивлялся Костя, – кольнуть-то кольнуло, крепко кольнуло, наверное, умираю...»

А кино это не прокручивают, словно сеанс отменили.

Впрочем, про кино это он только мельком, краешком памяти вспомнил, а на передний план в этой самой памяти какие-то несуразные пустяки полезли.

Вспомнил, что блок фильтровых сигарет Кирюхе Белому с пятого барака он так и не вернул (нехорошо после себя долги оставлять).

Еще вспомнил, что бельишко на нем того, не совсем свежее. Опять нехорошо, ведь принято дела земные в чистом исподнем завершать. Должны были вчера в баню вести, пятница – помывочный день для его отряда, а вода горячая отключилась – перенесли помывку с пятницы на понедельник. От всего этого что-то похожее на беспокойство внутри мелькнуло. Правда, беспокойство это было тихое, легкое и какое-то совсем не близкое.

Зато вспомнил, то ли представил со всей пронзительной отчетливостью, что на сегодняшний день ни в России, ни в Украине (две страны, между которыми плескала его судьба последние тридцать лет) ни близких, ни родственников у него нет. Оно вроде и грустно, а с другой стороны – очень даже хорошо: никому никаких огорчений, никому никаких хлопот.

Последнее слово в нынешних условиях особый смысл имело. Труп из зоны забрать – дело хлопотное: и бумаг массу собирать надо, и по чиновничьим кабинетам ходить, подписи собирать. Мало не покажется. Ну и хорошо, и слава Богу, что один...

Только и успел Костя ухватиться за волейбольную стойку, но ухватился как-то неуклюже, со стороны казалось: то ли пьяный столб обнимает, то ли человеку в черной телогрейке приспичило малую нужду посреди лагерного плаца справлять. Оказался рядом Серега Армян, заготовщик со второго отряда. Присмотрелся, ближе подошел: «Ты чего, Костя?» «Уйди», – только и выдохнул Костя, а сам стойку все крепче обнимал и по ней все ниже сползал.

Еще раз вспомнил он про расхожее мнение, будто перед смертью вся прожитая жизнь перед умирающим пролетает, и снова с грустным удивлением отметил: «Вот, помирая, а кино все так и не крутят». Словно огорчившись за отмененный сеанс, сам попытался вспомнить прожитое. Только не складывалось.

Наугад выдернулись из этого прожитого две не связанные между собой ни временем, ни смыслом картинки.

Первая, как мать его в тазу моет. Лет ему совсем немного, не более трех, потому что помещается он полностью в небольшом тазу, а таз этот стоит на двух табуретках, что одна на одну поставлены. «С гуся вода, с Кости худоба», – приговаривает мать и поливает его из алюминиевого ковшика теплой, ласковой водой, от которой телу и щекотно, и приятно.

Моет его мать, а из-за перегородки музыка доносится, хотя и не музыка это еще, а набор звуков: скрипы надрывные вперемешку со всхлипами и повизгиванием. Это брат, что старше его на пять лет, скрипку мучает. Да нет, все-таки, наверное, не мучает, а уже играет, потому что инструмент этот вскорости стал его профессией, делом его жизни. Училище, потом консерватория, потом концерты, гастролы. Правда, обо всем этом Костя только потом и как-то урывками узнавал, а последние пятнадцать лет между ним и братом и вовсе пустота, молчание, неизвестность. Писал Костя брату пару раз – письма возвращались со штампом «адресат выбыл». Верно, вспоминал Костя брата, но больше из-за любопытства (жив ли, нет, как жизнь сложилась, как родительским домом распорядился), да и практический интерес присутствовал (вот бы посылочку к Новому году сварганил, да и перевод на нужды насущные не помешал бы).

А последние годы и не вспоминал, как-то не складывалось, что-то не находилось места для брата среди прочих дел и забот, как, впрочем, и для всех других уже немногочисленных, вдрызг состарившихся родственников.

Такой порядок Косте Усольцеву вполне естественным представлялся: у них своя жизнь, своя судьба, а у него и жизнь, и судьба совсем иные, другого цвета, разряда и вкуса.

И другую картинку из памяти выстрелило.

Ему ближе к тридцати, он сильный, красивый, удачливый, в руки только-только фарт пошел. Куролесил он тогда по всем просторам еще бескрайнего Отечества, упивался воровской удачей и всеми удовольствиями, что с ней в неразрывной связи находятся. Оказался он как-то по своим гастрольным делам в большом городе, выпало там познако-

миться с женщиной-виолончелисткой. Профессорская дочка (папаша тоже по музыкальной части отметился), молодая, красивая, очень даже обеспеченная, и за границу с оркестром, бывало, выезжала, и ученики, кому она частным делом преподавала, у нее не переводились. Сошелся с ней Костя. Его тюремное прошлое и воровское настоящее виолончелистку, Катей ее звали, вовсе не смущали. Ей, похоже, даже нравилось, что рядом мужчина, который, хотя и не ходит каждый день на работу, но всегда при деньгах, с которым и на улице надежно, и в постели отчаянно весело.

Месяца на два завис Костя Усольцев на профессорской квартире. Утром Катя – по своим музыкально-виолончельным делам (консерватория-филармония), а он – по своим не менее важным, воровским (вокзалы-магазины).

Вечером встречались, темы для разговоров находились, да и тянуло их друг к другу с немалой силой, как женщину к мужчине, мужчине к женщине. Бывало, иногда Катя что-то по своей музыкальной части дошлифовывала, доделывала у окна с нотами со своим инструментом, который Костя полушутя-полусерьезно называл «контрабасом со смычком».

Слушал Костя, но не столько музыкой наслаждался и даже брата при этом не вспоминал, сколько собой любовался. И все у него на это основания были. Не сильно образованный (восьмилетка на воле, десятилетку на зоне окончил), три ходки за плечами, ни кола, ни двора за душой, а вот тебе – обитает в квартире, где на стенах картины в золотых рамах, обласкан хозяйкой по высшему классу и плюет на всякие условности, связанные с отношениями полов, и прочие глупости.

Два месяца приобщался Костя к высокой виолончельной музыке, а потом... затосковал.

И в одно прекрасное утро, едва захлопнулась за Катей дверь, собрал все, что было ценного в доме и что в компактную спортивную сумку помещалось (не любил он большого багажа и всегда старался, чтобы одна рука была полностью свободной), и рванул прочь из того города.

Удивительно, но никогда больше не вспоминал Костя ни Катю-виолончелистку, ни замечательную ее квартиру, в которой золото багета на стенах перекликалось с золотом книжных переплетов в дубовых шкафах. Наверное, это величавое темное золото и было главным и самым явственным в этой второй картинке, что его угасающая память, будто наугад, из себя выдернула.

Быстро кадры-воспоминания в его сознании проплыли, и все на одном дыхании.

В самом прямом смысле привычного этого выражения, потому что как затаил дыхание Костя, когда сердце кольнуло, так и остался недвижимым. И вдыхать боялся, и выдыхать до конца жутко было, потому что точно знал: попробуй вдохнуть или выдохнуть – еще больше увеличится в размерах тот штырь, что воткнулся в левую сторону его груди, и еще холодней от него внутри будет.

И третья картинка сложилась в его уже перестающей различать цвета и звуки памяти.

Только была она не из прошлого, а вроде как из почти будущего, из того, чего еще не было, но что обязательно произойдет, наступит, случится и о чем он как будто во всех подробностях уже знал.

Да и не картинка это даже была, а отдельный сюжет: то ли самостоятельный модернистский короткометражный фильм без начала и конца, то ли отдельный наугад вырезанный кусок из большого кино, в котором есть пролог и эпилог. В этих кадрах узнавались и кусок желто-серой стены барака, и участок серо-черного лагерного плаца, и серо-зеленая волейбольная стойка, и сам он, медленно оплывающий по этой самой стойке.

Бежали кадры дальше, и снова Костя видел себя самого, уже не сползающего по злополучной стойке, а лежащего рядом в самой неестественной позе: нога неуклюже подвернута под себя, а рука нелепо выброшена в сторону.

Следом в этой хронике неслучившихся событий возникли два шныря-санитара из лагерной санчасти со складными брезентовыми носилками, вроде как суетливо подбежавшие и в замешательстве остановившиеся. Тот, что постарше и повыше, кивнул тому, что моложе и коренастей: «Можно не спешить, сходи за мешком».

Кадром позднее этот самый черный мешок, похожий на громадный плащ свободного фасона, надевают на него. При этом еще не застывшие, неудобно раскинутые нога и рука просто впихиваются, заталкиваются, втапываются в этот плащ-мешок, и его тело безропотно принимает габариты и очертания, этим мешком навязанные.

Еще видел Костя, будто издали, с небольшой высоты и чуть сбоку, аккуратно словно из окон барака, что занимал его отряд, как, докурив одну сигарету на двоих, шныри-санитары понесли его, упакованного в этот диковинный то ли плащ, то ли мешок, в сторону санчасти, до которой рукой подать и корпус которой с любой точки плаца был одинаково хорошо виден. Но почему-то очень скоро скрылись из виду,

растворились, впитались в неяркие лагерные декорации, в которых преобладал серый цвет, безжалостно подавляя все прочие цвета.

Зато на том самом месте, где только что курили шныри-санитары, по очереди затягиваясь одной сигаретой, возникла внутренность секции барака, в котором обитал Костя с самого начала срока, и его шконка, с которой было снято все, что в последнее время являлось постелью для него. Матрац, подушка и заношенное до толщины промокашки одеяло лежали рядом на полу, скатанные традиционным арестантским образом, а простыня и наволочка делись неизвестно куда. В итоге шконка представляла в самом неприглядном виде, непристойно растерзанном, выставив на всеобщее обозрение свои изрядно искореженные и погнутые ребра-полосы и неряшливую трубуху шнурков и веревочек, которыми эти погнутости по обыкновению вечно пытались выпрямлять арестанты.

Словом, совсем голая, ничем не прикрытая арестантская койка. Его, Кости Усольцева, койка!

И сидели теперь на ней его ближайšie соседи. Чифирили.

Гоняли по кругу выдавшую виды эмалированную «трехсотку» с ручкой, которая была обмотана красными нитками, прихваченными с «промки». Два маленьких глотка отдающей в кислоту горечи – передай другому.

«Меня ведь поминают», – без горечи и даже без удивления подумал Костя. Собственно, даже и не подумал, ибо думать у него в это время уже не получалось. Просто бледная зарница мысли промелькнула в его сознании.

А само сознание отключалось, сворачивалось, становилось частью чего-то безграничного и непроницаемо черного.

И боли в сердце уже не чувствовалось, будто кто-то вытащил тот большой и холодный штырь. И потребность вдохнуть-выдохнуть куда-то делась.

Словом, умер Костя Усольцев.

Ровно через час произошло все, что ему грезилось, когда он на последнем своем дыхании сползал по волейбольной стойке на лагерьном плацу.

Сначала отрядный «козел»¹⁸ Леха Рыжий снял с его шконки стандартную, общепринятую табличку (ФИО, дата рождения, статья УК, начало–окончание срока).

¹⁸ Козел (*тюремн.*) – заключенный, ставший на путь сотрудничества с администрацией исправительного учреждения.

Потом отрядный шнырь Ромка Железо содрал с постели и куда-то унес простыню и наволочку.

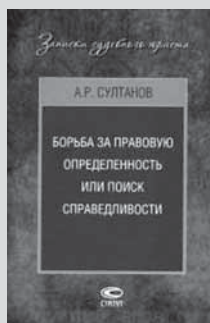
Затем кто-то из соседей скатал «машку» – говоря лагерным языком, закрутил в трубу матрац, одеяло и подушку.

Еще через час на его голой шконке с неприглядно обнажившимися железными полосами, продавленными, переплетенными шнурками и веревками, сидели его ближайшие соседи.

Тянули по кругу из эмалированной «трехсотки» отдающую кислingleй чифирную горечь и перебрасывались неспешными фразами.

Говорили о пустяках.

Костю вспомнили только один раз, в самом начале, когда кружку с ручкой, обмотанной красными нитками, вынесенными с промки, только запустили по кругу...

А.Р. Султанов
**Борьба за правовую определенность
или поиск справедливости**
М.: Статут, 2015. 686 с.

Новая книга известного юриста поднимает серьезнейшие процессуальные проблемы, которые раскрыты через призму собственного опыта участия в судебных баталиях. В книге описываются дела, в которых автор принимал личное участие, что позволило ему раскрыть с полной достоверностью все нюансы дела, в том числе этические проблемы и искушения практикующего юриста. Приведены практически все материалы дела о конституционности «надзора», рассмотренного Конституционным судом РФ, многие из которых с учетом «модернизации» ГПК РФ могут быть весьма полезны.

Книгу можно заказать здесь: <http://www.estatut.ru/book/954/>

Влияние ауры

В сумасшедших домах часто происходят странные вещи с персоналом. Иногда эту группу людей даже трудно определить как персонал – настолько неадекватно их поведение и мышление. Это словно переодетые и хорошо законспирированные пациенты психушки.

«Пока “там” не работал – мужик был как мужик, а тут вдруг совсем крыша потекла...»

«Сумасшедшие» со стажем объясняют это доступностью медикаментов: многие из медиков втихушку балуются «колесами»... Сами доктора факт этот трактуют туманно: «Тяжелая, стрессовая работа» и... «плохая аура»... Кто на чью «ауру» оказывает большее влияние, разобраться сложно. Предоставим это дело самим психиатрам.

История наша произошла во времена дефицитов, когда любая вещь – от джинсовой куртки до автомашины – добывалась окольными путями, или, как тогда говорили, «по блату». И уважаемой профессией в преступном мире были воры-домушники.

В понедельник утром на буйном отделении областной психушки произошло событие: из спецбольницы вернулся домушник Вова Махно.

Областной город события этого не заметил, однако на персонал психушки оно произвело впечатление. Среди сестер началось перешептывание. Врачи событие обсудили за закрытыми дверями. На пятиминутке ему уделили несколько минут, рекомендуя будущему лечащему врачу Владимира «лечить его основательно!». В окончании своей речи главный врач заявил:

– Он должен выйти здоровым!

Эзоповым языком психиатр владеет в совершенстве.

...Старшая медсестра отделения мрачно спросила вновь поступившего пациента:

– Тебя как, сразу в оборот взять или ты вести себя будешь нормально? Или снова за старое?

Персонал еще помнил, с каким шумом отъехал анархист-Вова на спецбольницу и возмутились:

– Мало! Почему так рано отпустили со спецбольницы?

Чем же так насолил Владимир персоналу?

Лет пять тому назад (ни фига себе – мало!) создал он при психушке «фирму» по добыче дефицитных товаров. В фирму вошли сам Вова Махно, его лечащий врач Алан Алексеевич и Вовин друг по кличке Слесарь.

Алан Алексеевич – это был еще тот фрукт. Вначале своей карьеры он работал в женском отделении ординатором. Но потом кому-то и что-то не понравилось в его отношениях с пациентками. Одним он запрещал краситься и держать при себе косметику. (Хотя почему бы женщине и не краситься?) С другими, наоборот, складывались слишком тесные отношения. В конце концов перевели его к пациентам мужского пола – там, решила администрация дурдома, должен он успокоиться и войти наконец в состояние стойкой ремиссии. Ан нет... Как раз в это время поступил в отделение Вова Махно.

Махно в тот раз на дурку привезли за какую-то мелкую кражу, доказать которую менты не смогли. Или не хотели... Так и жил в психушке с неопределенным статусом – не принудчик и не свободный. Не алкоголик. Но и не дурак вроде... так, случайно «попавший» пассажир...

Как лечащего назначили ему Алана Алексеевича.

Видимо, в чем-то они были друг на друга похожи, потому что дружба между ними завязалась почти сразу. С умных разговоров про Анну Каренину. Про Раскольникову... «Про эту самую бабку-ростовщицу... и вот хорошо ли ее топором по голове или нет?» В этих разговорах и было между ними заключено «трудовое соглашение».

Первым делом выбил Алан «генеральному директору» свободный выход за территорию. В «истории болезни» указал «трудотерапия» – иной причины для выхода за территорию быть не может.

После этого все пошло проще: разыскал Махно на этажах знакомых корешей – Фому и Ерему. Эти должны были отвечать за сбыт. Тут же наладили между этажами «дороги». И приступили к «трудотерапии».

Работали со Слесарем «по прозвонке»: с утра обходили подконтрольную территорию и звонили в понравившиеся квартиры. Если никто не отвечал – за дело принимался сам Слесарь.

Махно дело свое знал – домушник он был со стажем. Пока в дело не напросился сам Алан Алексеевич. «Мало ему, козлу, доли было!» – ругался потом Махно.

В тот день отвернулось цыганское счастье от Махно – повязали их на «трудотерапии» вместе с Аланом: кто-то из соседей позвонил, что «три подозрительных типа сначала бродили вокруг дома, а потом взломали дверь и проникли в квартиру». Этаж был не первый и не последний, свалить было никак нельзя, тем более толпой. Пришлось сдаваться.

«Трое – не двое. Вы бы еще всем дурдомом на дело двинулись», – шутили потом зэки в КПЗ.

Когда подъехали менты, позвонили в дверь и предложили выйти, Алан по привычке «включил дурака». Он «просто шел мимо... гулял... и вдруг видит... тогда решил зайти в дом... а там...».

Менты почему-то должного уважения ему не оказали, даже особо не слушали этот бред, а слегка помяли его вместе с подельниками, заковали в браслеты и отволокли в участок.

Но доктор, похоже, перегрелся и в КПЗ начал требовать то прокурора, то главного врача. Или выпустить его. В конце концов терпение у ментов лопнуло и досталось ему по-настоящему.

Не выпустили его даже утром. Дурдом, понятно, от него тут же отказался: кабы он что-то внутри своей вотчины натворил... тогда, конечно, другое дело – даже нужно отмазать, чтобы плохого на докторов не подумали. А так, когда все ясно, – нельзя!

Началось следствие. Его, в числе прочего, интересовало: куда же и как уходил весь дефицит? Дурдом-то – учреждение закрытое... Сразу вышли на «менеджеров по продаже». И выяснилось, что добытые на «трудотерапии» трофеи сбывались среди персонала психушки. Оттого, наверное, и чувствовалось среди них нежелание «сотрудничать со следствием».

Персонал события наблюдал с раздражением, по привычке вину видя только «за дураком»:

«Ну конечно, Алан Алексеевич – врач молодой и неопытный... потому на него все и свалили! У нас всегда так – виноват стрелочник! И чего менты лезут не в свое дело? На Махно бы лучше посмотрели да бумаги его почитали: это же еще та рыбина! Уголовник! Да у него судимостей не сосчитать, и все за кражу личного и государственного имущества. Так кто тут виноват? Подставили Алан Алексеевича... подставили, суки!»

Бумаги для Махно сразу переписали и слепили такие, по которым ему в случае суда меньше расстрела никак не светило.

Но как в дурдоме правдивость докторских ксив проверишь? Это ж не на следствии... Хотя и по правдивым документам Махно ничего хорошего не светило.

Зрителей же из пациентов больше всего интересовало: что же все-таки сделают с Аланом Алексеевичем, посадят его в тюрьму или же оставят в дурдоме на лечение?

Потому что есть в дурдоме такой тест: а с кем поступивший в больницу вошел в тесный контакт? Если с дебилом – велика вероятность, что он сам дебил. А если с уголовником, наркоманом, или с «нетрадиционным», то держись – он и сам таков.

Но на этот раз психиатрическая наука дала сбой.

Комиссия, проводившая коллеге экспертизу, решила, что тут задета честь мундира. И признала Алана Алексеевича «вменяемым на момент преступления». А может, он и вправду был здоровым? А может, доктора и сами не верили в то, что написано в их священных психиатрических талмудах. Ведь доказательств шизофрении никто из них не видел даже на вскрытии: вот пока был жив пациент – она вроде была... и доказательства были! А как умер он и в больничный морг его уволокли – и нет ее... исчезла! Она, получается, как миф, реальность которого всегда можно с пользой для себя оспорить.

Впрочем, не оттуда ли пошло это выражение: «Ну что ты меня лечишь?» (то есть за нос водишь).

Была, конечно, невысказанная мысль, которая руководила экспертами: «А люди-то что про психиатра скажут?!»

У следствия и суда была своя точка зрения на происходящее: ну не создать хворому на голову такую контору без помощи доктора... Тут и ежу понятно – за всем стоял доктор и пациентом манипулировал он!

И пошел Алан Алексеевич по делу «паровозом».

Потом ходили слухи, что получил он четыре года общего режима и год через три откинулся по какой-то амнистии.

Махно же в спешном порядке принялись активно «лечить» галоперидолом и прочими прелестями. В нарушение всех инструкций привязали месяца на три – чтобы неприятностей не было и не сдернул. Когда же документы из суда пришли, отправили его в спецбольницу. Помощников-менеджеров по сбыту добытого товара, вину которых следствие не доказало, раскидали по разным отделениям и психушкам.

Контроль и надзор за докторами в дурдоме не усилили, однако режим содержания дураков почему-то резко ужесточили...

Тюремный телеграф

В Петербурге прошло Всероссийское совещание Федеральной службы исполнения наказаний. Главная тема – экономия. Бюджет ФСИН сократили на 27 миллиардов рублей. В целях оптимизации расходов руководство службы уже сократило надбавки сотрудникам, а теперь укорачивает список строящихся объектов и готовит к расформированию 30 колоний по всей стране. В первую очередь аварийные и те, где надзирателей больше, чем осужденных¹.

Амнистия, объявленная к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, коснулась уже почти 127 тысяч человек, в том числе из исправительных колоний вышли 16 702 человек; от наказаний, не связанных с лишением свободы, освобождено 106 416 человек. Из СИЗО на основании решений органов дознания предварительного следствия, судов, начальников СИЗО (в отношении осужденных с приговорами, вступившими в законную силу) – 3844 человек. Как сообщалось, за все время амнистии планируется освободить из колоний до 60 тысяч человек, а в целом – до 200 тысяч².

Оборотни в погонах

В июне Верховный суд РФ признал законным приговор сотруднику ямальской колонии, который заставлял осужденных брать на себя вину по громким делам, в том числе по делу об убийстве президента Чечни Ахмата Кадырова, редактора русской версии журнала «Форбс» Пола Хлебникова и журналистки Анны Политковской. По версии следствия, подполковник внутренней службы Ю. Сандркин, ранее приговорен-

¹ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2636198>

² <http://ria.ru/society/20150706/1116268938.html>

ный к 3,5 годам лишения свободы, создал целую систему, по которой заставлял осужденных оговаривать себя: сотрудник колонии выбирал заключенного, а затем угрозами, уговорами или силой заставлял его признаться в совершении какого-либо преступления. Люди, уже ранее приговоренные к пожизненному заключению, «сознавались» в преступлениях, совершенных в разных регионах России – от Новосибирска до Калининграда. Всего за восемь месяцев 2010 года офицер «поспособствовал» написанию почти 200 явок с повинной, полагает следствие. «Мотивация Сандркина, по мнению следствия, была следующая: в 2010 году он достиг предельного возраста нахождения на службе, соответственно, работу терял, при этом не имел ни жилья, ни семьи, у него было служебное жилье. Ему нужно было добиться серьезных результатов в своей работе»³.

За требование взятки в виде канцелярских принадлежностей в размере 400 рублей, а также 35 тысяч сотрудник исправительного учреждения поплатится значительным штрафом и отстранением от должности на три года. По данным следствия, в ноябре прошлого года, находясь при исполнении должностных обязанностей, 36-летний начальник отряда отдела по воспитательной работе ФКУ «ИК-6» предложил одному из осужденных за денежное вознаграждение в размере 35 000 рублей и приобретение канцелярских принадлежностей на сумму 400 рублей поспособствовать в подготовке документов для его условно-досрочного освобождения. Осужденный недолго думая обратился в правоохранительные органы, и 17 декабря взяточника задержали с поличным. Примечательно, что подготовка документов о досрочном освобождении входила в круг обязанностей сотрудника. В итоге Куйбышевский районный суд признал вину и вынес приговор в виде штрафа в размере 700 тысяч рублей с рассрочкой выплаты на 5 лет⁴.

Суд Алтайского края вынес приговор бывшему начальнику исправительной колонии № 10 УФСИН, виновному в получении взятки, превышении полномочий, присвоении и растрате. Согласно приговору, в течение трех последних лет подсудимый, не приходя изготавливаемую осужденными продукцию, реализовывал ее, а полученные около 1 миллиона рублей присваивал и тратил на личные нужды. В 2012 году осужденный за денежное вознаграждение предоставлял осужденным

³ <http://ria.ru/incidents/20150608/1068865806.html>

⁴ <http://www.bk55.ru/news/article/53331>

длительные свидания с родственниками. В 2011 году, превышая свои должностные полномочия, требовал от осужденных оказать колонии спонсорскую помощь, в том числе безвозмездно отремонтировать комнаты для свиданий и приобрести для этого необходимые материалы.

Суд назначил ему наказание в виде 6 лет лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима, а также штраф в размере 1 миллиона рублей⁵.

В Татарстане по подозрению в совершении коррупционных преступлений задержали двух сотрудников исправительной колонии № 10 – бывшего начальника учреждения и действующего начальника отряда. Расследование преступной цепочки длится уже больше года, на данный момент в общей сложности задержали 7 работников УФСИН, которые за взятки предоставляли осужденными возможность выйти на свободу условно-досрочно. В общей сложности, по сведениям собеседника издания, по данному факту завели около 20 уголовных дел. Их фигурантами стали и заключенные, которые участвовали в совершении преступлений. Сумма взяток варьировалась от 5 до 140 тысяч рублей⁶.

Осведомителю – пенсия

В России принят федеральный закон от 29.06.2015 № 173-ФЗ, согласно которому тайное сотрудничество со спецслужбами будет засчитываться гражданам в трудовой стаж. Теперь стаж будет начисляться информаторам, которые официально заключили со спецслужбами секретный договор о сотрудничестве, но остались за штатом. Новый закон позволит осведомителям спецслужб претендовать на пенсию, так как весь срок сотрудничества будет засчитываться в страховой стаж, а все необходимые сведения будут передаваться в пенсионный фонд⁷.

Ранее право указанных граждан на то, чтобы их сотрудничество с названными органами в качестве основного рода занятий включалось в трудовой стаж и впоследствии засчитывалось при начислении пенсии, существовало только в теории. С одной стороны, оно было закреплено в Законе «Об оперативно-разыскной деятельности». С другой – не могло быть реализовано на практике ввиду того, что период работы

⁵ <http://www.interfax.ru/russia/446725>

⁶ <http://www.gazeta.ru/social/2015/06/03/6744266.shtml>

⁷ <http://www.rg.ru/2015/07/03/pensiya-dok.html>

таких граждан не включался в перечень периодов, учитываемых при исчислении страхового стажа для назначения пенсии.

Свободу капиталу!

С 1 июля вступил в силу Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами имущества и счетов (вкладов) в банках», в ходе обсуждений (а обсуждали этот закон довольно долго) его еще называли законом об амнистии капиталов. Согласно этому закону, любое физлицо может раскрыть информацию о принадлежащем ему имуществе и счетах в иностранных банках без каких-либо дополнительных платежей и налогов. Задекларировать можно недвижимость, транспорт, акции и доли участия в компаниях. Декларировать все имущество не требуется. Период декларационной кампании – с 1 июля по 31 декабря 2015 года. Под нее подпадут активы, полученные до 1 января 2015 года. В обмен декларанты освобождаются от ответственности за нарушения, связанные с приобретением и использованием задекларированного имущества, по ряду статей Уголовного кодекса, а именно: ст. 193 – уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств, ч. 2 и 3 ст. 194 – уклонение от уплаты таможенных платежей, ст. 198–199.2 – уклонение от уплаты налогов, и от административной ответственности по ряду статей Кодекса об административных правонарушениях – ст. 14.1, 15.1, 15.3–15.6, 15.11 и 15.25. На раскрытую информацию распространяется режим налоговой тайны. Запрещено использовать ее для уголовного преследования или налоговых проверок декларантов. Для имущества, указанного в декларации, предусмотрена безналоговая передача от номинального держателя в пользу фактического (не требуется уплата НДФЛ).

Амнистия может стать спасением для тех бизнесменов, которые уже попали в поле зрения правоохранителей. Суд или следователь могут прекратить уголовное преследование декларанта по «амнистируемым» статьям. Вменяемый ущерб возмещать не придется. Но вряд ли многие бизнесмены захотят этот шанс использовать. «Амнистия – это бонус, если ты решил остаться [в России]», – иронизирует человек, близкий к бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей. Успех кампании будет напрямую зависеть от доверия к государству, отмечает он⁸.

Амнистия капитала в цифрах

1%

от стоимости активов должен был составить декларационный платеж в первоначальном варианте законопроекта об амнистии.

Около
\$100 млрд,

по оценке авторов законопроекта об амнистии, вернутся в Россию в ходе кампании.

13%

составляет ставка НДФЛ, по которой платят налоги по закону.

Под амнистию попадут активы или операции, приобретенные до

**1 января
2015 года**

**До 31 декабря
2015 года**

любое физлицо может раскрыть принадлежащее ему имущество (ценные бумаги, недвижимость, транспорт) и счета в банках за границей.

100%

от суммы по закону составляет штраф за незачисление доходов, полученных за рубежом, на счет в российском банке.

Арест по правилам

В целях установления процессуального механизма, направленного на эффективную защиту в рамках уголовного судопроизводства права собственности других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, которое ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого, был принят федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ. Данный закон вступает в силу с 15 сентября и распространяется на правоотношения, возникшие до этого дня.

Предусмотренные УПК РФ ограничения права собственности позволяют обеспечить сохранность имущества до момента обращения на него взыскания и защиту имущественных интересов лиц, пострадавших от преступлений. Однако в ряде случаев органы предварительного следствия явно злоупотребляют имеющимися полномочиями. Не случайно Конституционным судом РФ было принято Постановление от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена», которым указанные нормы признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой ими не предусматривается надлежащий

правовой механизм судебной защиты прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого⁹.

Согласно ч. 7.2 ст. 3 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в части длительности применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия, **может быть подано в суд в 6-месячный срок** со дня вступления в законную силу приговора либо постановления или определения суда о прекращении уголовного судопроизводства по делу либо со дня принятия дознавателем, начальником подразделения дознания, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа, прокурором постановления о прекращении уголовного судопроизводства, а также до прекращения уголовного преследования или до вступления в законную силу приговора суда, **если продолжительность срока ареста, наложенного на имущество по уголовному делу, превысила 4 года**.

Презумпция исключительности

После внесения в Госдуму законопроекта, который разрешает сотрудникам ФСИН применять спецсредства против заключенных, депутаты сделали еще один шаг, расширяющий полномочия силовых органов. Члены комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции внесли в нижнюю палату парламента масштабные поправки в Закон «О полиции».

В соответствии с документом, сотрудников правоохранительных органов предложено наделить исключительными правами. К существующей норме, на основании которой полицейский при исполнении выступает в качестве представителя госвласти и находится под защитой государства, добавится пункт, гласящий, что государство га-

рантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей. Цель этой нормы – поднять авторитет МВД.

Нововведения расширят права полицейских по применению оружия. Во-первых, стражам порядка разрешат открывать огонь в местах скопления людей, чтобы предотвратить теракт или захват заложников. Во-вторых, будет отменена норма, согласно которой полицейским запрещено стрелять в женщин, – теперь это будет касаться только представительниц слабого пола «с видимыми признаками беременности».

Кроме того, сотрудникам полиции позволят досматривать граждан не при наличии данных о том, что у того или иного лица при себе есть оружие или наркотики, а если «имеются основания полагать» это. Также стражам порядка разрешат проникать на объекты частной собственности для задержания подозреваемых, которые еще официально не получили такого статуса. Наконец, полицейские получат право вскрывать автомобили граждан при условии наличия одного из восьми оснований: предотвращение преступлений, спасение жизни человека, обеспечение безопасности при массовых беспорядках и совершении административного правонарушения, а также если имеются основания полагать, что совершившее его лицо «находится в состоянии опьянения». Если же полицейские проникнут на территорию частной собственности, они должны будут сообщить об этом в прокуратуру и суд, а также владельцу жилья.

Депутаты предложили убрать из закона все указания на то, что сотрудник полиции сделать «обязан». В случае нарушения прав и свобод гражданина полиция теперь не «обязана» принять меры по их восстановлению. Из предложения «сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание», слово «обязан» предложено заменить на «должен».

Однако есть и изменения, которые определяют сферу гражданского контроля над правоохранительными органами. Так, результаты мониторинга общественного мнения о деятельности полиции должны регулярно предаваться гласности. Кроме того, расширяется круг лиц, с которыми может связаться задержанный, используя свое право на телефонный разговор. Что касается лиц, пострадавших от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, то полицейские теперь не только должны оказывать им помощь, но и сообщать о произошедшем родственникам. Из статьи о полномочиях

полиции убран пункт о том, что правоохранители могут «производить при осуществлении оперативно-разыскной деятельности изъятие документов, предметов, материалов»¹⁰.

Партия «Яблоко» выступила с инициативой общероссийской акции против поправок в закон о полиции, который вызвал активную дискуссию в обществе. Председатель партии Сергей Митрохин назвал их законом людоедов. Однако, по его словам, никто на этот призыв, размещенный в Сети, так и не откликнулся¹¹.

Дополнительные полномочия

Группа сенаторов во главе с председателем комитета Совета федерации по обороне Виктором Озеровым внесли на рассмотрение Госдумы поправки к Закону «О ФСБ», согласно которым сотрудникам спецслужбы будет разрешено использовать оружие, спецсредства и физическую силу для пресечения массовых беспорядков или простого административного правонарушения. При этом сотрудники ФСБ будут обязаны предупреждать лиц, в которых они собираются стрелять, но могут этого и не делать, если «промедление» создаст «угрозу жизни и здоровью» гражданам или самим сотрудникам спецслужбы. Проект оговаривает, что офицерам спецслужб запрещено стрелять на поражение или применять спецсредства к женщинам, инвалидам и несовершеннолетним, если они не оказывают сопротивления¹².

Больно, но несмертельно

В конце июня Верховный суд США постановил, что препарат, применяемый в штате Оклахома при смертной казни путем инъекции, не попадает под содержащийся в Конституции США запрет на жестокие и необычные наказания. Это решение стало серьезным поражением для противников смертной казни. Применяемая в Оклахоме процедура смертной казни с использованием трех препаратов оказалась в центре внимания общественности после неудачной казни осужденного за убийство Клейтона Локетта в 2014 году. Очевидцы видели, как Локетт бился в судорогах на каталке после того, как ему неправильно установили катетер с препаратом. После этого заключенные Ричард Глосип, Джон Грант и Бенджамин Коул оспорили в суде данную процедуру.

¹⁰ <http://www.kommersant.ru/doc/2759183>

¹¹ http://www.ng.ru/politics/2015-07-08/1_opposition.html

¹² <http://kommersant.ru/doc/2762295>

Глосспил был осужден за организацию убийства своего работодателя, Грант – за убийство сотрудника исправительного учреждения, Коул – за убийство своей девятимесячной дочери.

Пятью голосами против четырех при большинстве у судей-консерваторов суд отклонил жалобу трех заключенных, заявивших, что эффект седативного препарата мидазолам не дает достаточно глубокого бессознательного состояния для проведения хирургических операций, а следовательно, непригоден и для смертной казни. Судья Сэмюэл Алито заявил от лица Верховного суда, что заключенные, помимо прочего, не смогли доказать наличие альтернативного метода казни, который был бы менее болезненным.

Дело не касалось напрямую конституционности смертной казни как таковой, однако оно привлекло повышенное внимание к давнему спору о том, должна ли смертная казнь сохраняться в США, в то время как большинство развитых стран от нее отказались. В ходе прений сторон в апреле этого года судья-консерватор Сэмюэл Алито заявил, что жалоба на применение мидазолама является частью «партизанской войны» против смертной казни¹³.

*Составил А.Н. Сухаренко,
директор Центра изучения новых вызовов и угроз
национальной безопасности РФ (Владивосток)*

¹³ <http://www.golos-ameriki.ru/content/u-s-supreme-court/2841669.html>

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июль 2015 года)

Кемеровская область

3 июля 2015 года

2 июля 2015 года в 11.25 в ФКУ ИК-44 г. Белово Кемеровской области **скончался осужденный Колмаков Н.А. По информации правозащитников, из-за длительного неоказания медицинской помощи.**

Смерть осужденного переполнила чашу терпения заключенных – колония была на грани бунта, правозащитникам с разных номеров несколько раз звонили родственники и сообщали свои опасения ввиду возможного ввода сил ОМОН в колонию.

В последнее время из данной колонии идет просто поток жалоб на бездействия ГУ ФСИН и отсутствие какой-либо реакции на направляемые заключенными обращения.

В колонию практически в полном составе выехало руководство ГУ ФСИН России по Кемеровской области, усилен оперативный состав колонии. Принимаются все меры, чтобы погасить волнения, вызванные последствиями длительного бездействия, начавшими приводить к смертям. На неблагоприятную ситуацию в данной колонии и на проблемы с оказанием медицинской помощи в целом правозащитники указывали неоднократно.

ЯНАО

3 июля 2015 года

Сотрудника колонии приговорили к пяти годам за помощь в получении УДО. Лабитнангский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего оперуполномоченного оперативного отдела Федерального казенного учреждения Исправительная колония № 18 регионального Управления федеральной службы исполнения наказаний России Александра Одайского, сообщает пресс-служба Генпрокуратуры. Он обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2, 3 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взяток через посредника, в значительном размере, за незаконные действия) и ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями).

Установлено, что с 2010 по 2012 год Одайский временно исполнял обязанности по вакантной должности начальника отдела безопасности. В его полномочия в том числе входило согласование характеристик осужденных для решения вопроса об уголовно-досрочном освобождении, а также выполнение мероприятий по надзору за осужденными.

При посредничестве осужденного Александра Карасева он получил незаконное денежное вознаграждение за оказание содействия 7 осужденным в получении условно-досрочного освобождения и незаконном предоставлении послаблений по режиму содержания и условий отбывания наказания. Общая сумма денежного вознаграждения составила более 650 тыс. рублей.

Обвинительное заключение по уголовному делу утверждалось прокуратурой округа.

За посредничество во взяточничестве Карасев был осужден по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ. Ему назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Суд приговорил Одайского к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, а также к штрафу в размере 6 млн рублей.

Пермский край

6 июля 2015 года

Арестован экс-начальник краевого ГУ ФСИН Александр Соколов. По версии следствия, группа мошенников, среди которых были

бывшие сотрудники ГУ ФСИН России по Пермскому краю, в 2008 году, получив информацию о поступающих в адрес гражданина угрозах со стороны одного из осужденных, отбывающего наказание в исправительной колонии Пермского края, решили воспользоваться данным обстоятельством в целях личного корыстного обогащения. В период с 2008 по 2009 год соучастники, действуя путем обмана, настойчиво убеждали гражданина, что прекратить поступающие в его адрес угрозы возможно лишь путем передачи им денежного вознаграждения в особо крупном размере. За эти деньги бывшие сотрудники правоохранительного органа обещали организовать привлечение осужденного к уголовной ответственности за совершение нового преступления в момент отбывания им наказания и тем самым увеличить срок его лишения свободы. В феврале 2009 года в городе Москве один из соучастников получил от потерпевшего 100 тысяч долларов США. В связи с тем, что угрозы в адрес мужчины не прекратились, в сентябре 2012 года он был вынужден повторно обратиться к бывшим сотрудникам ГУ ФСИН, которые, продолжая свою преступную деятельность, убедили его в необходимости дополнительно передать 400 тысяч долларов США. Гражданин, будучи введенным в заблуждение, выполнил требования и передал 200 тысяч долларов США.

Действия данных лиц были пресечены благодаря совместной работе следователей Главного управления СК России по городу Москве и сотрудников ФСБ России.

Ранее сообщалось о задержании двух участников преступной группы, в отношении которых избрана мера пресечения.

В настоящее время бывшему начальнику ГУ ФСИН России по Пермскому краю предъявлено обвинение и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Расследование по уголовному делу продолжается.

Саратов

6 июля 2015 года

В Саратове госавтоинспекторы устроили погоню за сотрудниками УФСИН. Об этом Саринформ сообщили в пресс-службе ГИБДД Саратова.

Около 22.30 двое сотрудников патруля ДПС на улице Панфилова попытались остановить ВАЗ-2113. Им показалось, что за рулем был пьяный. Однако водитель не затормозил, в итоге за ним устроили погоню. Через некоторое время машину остановили. В ней оказались

двое сотрудников регионального управления ФСИН. Они были пьяны. Мужчины ехали не на служебной машине, но были в форме и находились при исполнении служебных обязанностей.

На место прибыло руководство УФСИН. Оно заявило, что попавшиеся пьяными в служебное время сотрудники управления будут уволены.

Свердловская область

7 июля 2015 года

Задержан начальник свердловской колонии, в которой погиб заключенный. Начальник колонии строгого режима № 46 Невьянска Илья Чикин задержан в качестве подозреваемого в рамках расследования уголовного дела о смерти 26-летнего заключенного, сообщили Znak.com в следственном управлении следственного комитета РФ по Свердловской области. «У органов следственного комитета появились веские основания подозревать, что к совершению преступлений может быть причастен начальник ИК-46. В самое ближайшее время планируется допросить подозреваемого, провести с ним комплекс иных следственных действий, направленных на проверку причастности, и при подтверждении причастности планируется предъявить ему обвинение», – сообщили в следственном управлении.

Также следователи работают над установлением других возможных соучастников преступления. В частности, следственные мероприятия проводятся с другими сотрудниками колонии, которые, как и начальник Илья Чикин, были отстранены от работы после смерти заключенного. Речь идет об одном из заместителей начальника колонии, а также еще о трех сотрудниках пенитенциарного учреждения.

Отметим, 26-летний осужденный, который отбывал наказание в ИК-46 с 2012 года, умер в центральной районной больнице Невьянска утром 4 июля. По факту его смерти сразу же было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего»). Позже было возбуждено еще одно дело по ч. 3 ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия»), так как у следователей «появились основания полагать, что к совершению этого преступления могут быть причастны должностные лица колонии».

По данным ГУ ФСИН, 26-летний осужденный на прошлой неделе был в штрафном изоляторе. В пятницу он пожаловался на ухудшение

состояния здоровья, и после его осмотра врачом-терапевтом было принято решение об экстренной госпитализации.

«Насколько мне известно, первичное обследование показало, что он скончался от сильного удара в сердце. Кроме того, на его теле были зафиксированы многочисленные ссадины, в том числе следы от наручников», – сообщал Znak.com ранее член общественной наблюдательной комиссии Александр Аникин. Однако общественник подчеркнул, что точно о причинах смерти можно будет говорить уже после судебно-медицинской экспертизы. Также Аникин добавил, что осужденные в ИК-46 жаловались на коррумпированность руководства колонии и на применение физической силы, сейчас эта информация проверяется.

В колонии после смерти осужденного около 400 заключенных стали демонстративно отказываться от еды в столовой. При этом, по данным ГУ ФСИН, некоторые из них покупают продукты питания в магазине на территории колонии. В ведомстве уточняют, что «ситуация в колонии контролируемая, массовых беспорядков нет».

Последние два дня в ИК-46 работает лично начальник ГУ ФСИН по Свердловской области генерал-лейтенант внутренней службы Сергей Худорожков. Он встретился с родственниками погибшего и пообещал им разобраться в ситуации и наказать виновных.

Владимирская область

13 июля 2015 года

Замглавы управления ФСИН арестован за поборы с колонии.

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области возбуждено уголовное дело в отношении заместителя начальника УФСИН России по Владимирской области Игоря Ялкаева. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере), сообщает пресс-служба СКР.

По версии следствия, в соответствии с должностными полномочиями Ялкаев являлся ответственным за осуществление проверок деятельности подразделений УФСИН, в том числе финансово-хозяйственной сферы, организации производства в центрах трудовой адаптации осужденных, а также наделен правами первой подписи в финансовых документах и дисциплинарной работы с личным составом.

В марте 2015 года заместитель начальника УФСИН заключил с одним из исправительных учреждений государственный контракт на из-

готовление и поставку бытовых предметов для внутриведомственных нужд на сумму свыше 4,5 млн рублей.

Используя ситуацию и служебное положение, с марта по июль 2015 года подозреваемый систематически обращался к руководителю колонии, требуя передать ему 600 тысяч рублей за общее покровительство и возможность получения новых государственных контрактов, обеспечивающих доход учреждению.

8 июля 2015 года на встрече в одном из районов области в помещении кафе при получении взятки в названной сумме Ялкаев был задержан.

По ходатайству следствия судом в отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления и выявление аналогичных фактов противоправного служебного поведения Ялкаева.

Расследование уголовного дела при оперативном сопровождении регионального управления ФСБ и отдела собственной безопасности УФСИН России продолжается.

Челябинская область

16 июля 2015 года

Двух сотрудников СИЗО-1 обвинили в превышении полномочий по делу о провокации бунта. Следственный комитет предъявил заместителю начальника челябинского СИЗО-1 и начальнику оперативного отдела изолятора обвинения в превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК), сообщает СК.

Суд отстранил замначальника СИЗО от должности, а начальник оперативного отдела уволился из учреждения до возбуждения дела.

Как уточнила изданию «Челябинск Сегодня» помощник судьи Юлия Толстолуцких, от должности замначальника СИЗО отстранен Дмитрий Кирдянов. До судебного разбирательства он будет получать социальные выплаты в размере прожиточного минимума, указывает издание.

Дело о превышении полномочий появилось в феврале 2015 года.

«По версии следствия, в декабре 2014 года заместитель начальника СИЗО-1, достоверно зная о конфликте между задержанными, подписал указание, подготовленное по инициативе начальника оперативного отдела, об их переводе в одну камеру», – сказано в сообщении Следственного комитета.

В итоге в ночь на 9 декабря 2014 года в челябинском СИЗО произошел бунт, в котором участвовали около 100 задержанных, добавляет ведомство.

Члены региональной Общественной наблюдательной комиссии утверждали, что бунт стал результатом провокации надзирателей в преддверии приговора экс-начальнику ИК-6 Копейска: в СИЗО-1 содержался свидетель по делу.

ЯНАО

16 июля 2015 года

ФСИН засудила заключенного за членовредительство. Якутский городской суд удовлетворил исковые требования лечебно-исправительного учреждения № 5 к осужденному о возмещении материального ущерба, причиненного учреждению из-за его членовредительства, сообщает Росбалт.

Как сообщили в якутском УФСИН, осужденный в помещении ЛИУ-5 нанес себе ранение в области грудной клетки. Ему провели хирургическую операцию. Стоимость операции во ФСИН оценили в 63 тыс. 310 рублей, а затраты на этапирование – 527, 40 рублей.

Суд решил удовлетворить требования истца и взыскать с осужденного в пользу лечебно-исправительного учреждения № 5 в возмещение материального ущерба 63 тыс. 837 рублей.

Мотивы и требования осужденного во ФСИН не сообщили.

Саратов

20 июля 2015 года

Осужденного до смерти избили в ИК-13. Следственный отдел по городу Энгельс Саратовской области начал проверку по факту смерти заключенного исправительной колонии № 13. Об этом в понедельник сообщает пресс-служба следственного управления СК РФ по региону.

По данным следствия, 16 июля 2015 года мужчина, был этапирован из следственного изолятора города Саратова в исправительную колонию № 13 города Энгельса. На следующий день осужденный был найден без признаков жизни в одном из помещений исправительного учреждения его сотрудниками.

В ходе осмотра места происшествия на теле погибшего в области головы и туловища были обнаружены телесные повреждения, свиде-

тельствующие о насильственном характере смерти. Согласно данным судебно-медицинского исследования причиной смерти мужчины стала сочетанная травма тела с повреждениями внутренних органов.

Впоследствии от одного из осужденных, отбывающего наказание в ИК-13 за грабеж (ст. 161 УК РФ), поступила явка с повинной, согласно которой он в результате конфликта причинил потерпевшему телесные повреждения, от чего последний скончался.

В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления. В ходе расследования уголовного дела следователями будет дана правовая оценка изложенным в явке с повинной доводам, а также проверены все иные возможные версии обстоятельств смерти потерпевшего. Расследование уголовного дела продолжается.

Владимирская область

21 июля 2015 года

Бывший сотрудник ФСИН осужден за покушение на незаконный сбыт наркотиков, сообщает Владимирская служба новостей. Следствием установлено, что в сентябре прошлого года 31-летний сотрудник ведомства приобрел у знакомого наркотическую смесь в общем объеме более 72 граммов в целях продажи вещества и получения прибыли от продажи. В том же месяце на автомобильной парковке во Владимире в багажнике его личного автомобиля были обнаружены и изъяты бумажные свертки и полиэтиленовые пакеты с наркотиками, в связи с чем он был задержан сотрудниками отдела собственной безопасности регионального управления ФСИН России. Свое поведение осужденный объяснил желанием «поправить» свое материальное положение. Суд назначил ему наказание в виде 6 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Калининградская область

27 июля 2015 года

Замначальника колонии использовал рабский труд заключенного у себя на даче.

По данным калининградского СУ СКР, вплоть до 24 июня заместитель начальника ФКУ ИК-7 ФСИН, 40-летний капитан внутренней службы, незаконно привлек осужденного к работе на личном земельном

участке и придомовой территории своего дома. При этом осужденный был вынужден трудиться бесплатно, опасаясь ухудшения условий содержания.

«По версии следствия, незаконные действия заместителя начальника исправительной колонии были продиктованы корыстной целью избежать расходов по оплате требуемых ему работ и получить, таким образом, выгоду имущественного характера», – считают в СКР.

Возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Признаки преступления выявили сотрудники прокуратуры и ФСБ.

Сейчас следственным путем проверяется версия о том, что пострадавший мог быть не единственным «рабом» замначальника колонии.

Свердловская область

28 июля 2015 года

ВИЧ-положительным заключенным женской колонии Краснотурьинска отказывают в лечении. По словам психолога комплексного центра социальной помощи Ольги Холодовой, специалисты центра предлагали администрации женской колонии провести экспресс-тесты на ВИЧ для всех заключенных, но получили отказ.

Сейчас в женской колонии Краснотурьинска отбывают наказание 65 женщин с положительным ВИЧ-статусом. Антиретровирусную терапию получают только 19 из них, остальные вынуждены надеяться на чудо и остатки своего иммунитета.

Ольга Андреева (имя изменено. – *Прим. ред.*), дочь жительницы Екатеринбурга Светланы Алексеевны, была переведена в краснотурьинскую колонию в марте этого года. По словам матери, дочка знала о своем диагнозе еще до того, как попала в Краснотурьинск. До этого Ольга отбывала наказание в Кировграде и на отсутствие лечения не жаловалась. Сейчас молодой женщине ставят третью из четырех стадию ВИЧ, но никакого лечения осужденная не получает на протяжении последних четырех месяцев. Ольга писала матери, что в последний раз анализы у ВИЧ-положительных заключенных брали после прибытия в колонию – в марте этого года.

По словам начальника пресс-службы ГУ ФСИН по Свердловской области Александра Левченко, в последний раз у женщин в колонии Краснотурьинска кровь на анализ брали 8 июля этого года, что расходится с информацией, которую заключенные передают своим родным.

По обрывкам информации, проникающим «на волю» из застенков женской колонии, у исправительного учреждения не заключены договоры с медицинскими учреждениями для оказания помощи всем заключенным с диагнозом ВИЧ.

Частично эту информацию подтверждает врио начальника ФКУЗ МСЧ-66 ФСИН России Светлана Новикова. Из всех нуждающихся в антиретровирусной терапии осужденных колонии лечение получает лишь третья часть больных. Это связано с тем, что больные в колонию Краснотурьинска стали поступать позже, чем была сформирована разрядка на обследование по медицинским частям, и больные с ВИЧ-инфекцией краснотурьинской женской колонии не были учтены в этой разрядке на обследование. По сути, препятствием к лечению 46 осужденных женщин с ВИЧ-инфекцией стали бюрократические проволочки. <...>

Саратовская область

28 июля 2015 года

Два сотрудника ФСИН задержаны по делу о смерти заключенного в ИК-13 в Энгельсе. Следственным отделом по городу Энгельс следственного управления СК России по Саратовской области возбуждено уголовное дело по факту превышения должностных полномочий сотрудниками ФКУ ИК-13 УФСИН России по Саратовской области (п. «а, в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), сообщает СУ СК Саратовской области.

По версии следствия, 16 июля 2015 года 54-летний мужчина, отбывавший наказание за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство), был этапирован из следственного изолятора города Саратова в исправительную колонию № 13 города Энгельса. В тот же день двое сотрудников указанного исправительного учреждения в отношении этапированного мужчины применили насилие.

Это дело соединено в одно производство с ранее возбужденным делом по ч. 4 ст. 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) по факту обнаружения на территории ФКУ ИК-13 УФСИН России по Саратовской области тела 54-летнего мужчины.

В настоящее время сотрудники исправительной колонии задержаны в порядке ст. 91 УПК РФ. Решается вопрос об избрании им меры пресечения в виде заключения под стражу. Проводятся следственные действия, направленные на сбор и закрепление доказательственной базы. Расследование уголовного дела продолжается.

Александр Пирогов

Дневник обвиняемого

14.11.2013. Поиграться в Нельсона Манделу

Днем был у Д., говорили часа два о планах на будущее, в смысле на защиту. Я сделал его «домашнее задание»: подготовил список доплат. Получилось неожиданно много: 4–4,5 миллиона в год. Привез еще штатные расписания – оказывается, их в деле не было. У меня глаз замылился, а Д. радуется как ребенок. Будем теперь их запрашивать, а не зарплатные ведомости. Так и нам выгоднее, и суду удобнее. Но запрашивать будем за все годы, а не только за «выгодные» для меня 2006–2007 годы, чтобы не вызывать лишних вопросов у суда. Впрочем, надо еще подумать. Рассказываю, что узнал от Мещерякова, что представитель потерпевшего Подболотов присылал ему на сервер редакции его протокол его допроса со следствия. «Это, конечно, огромный скандал будет, но только подтвердит ли это Мещеряков в суде». Это вряд ли, говорю. Но попытка не пытка.

Понятых будем вызывать самым последним ходатайством. После-после всего. «Иначе мы К-ва из себя раньше времени выведем», – говорит Д. Понятых больше двадцати человек. Если хоть кто-то из них не участвовал или не видел, в чем участвовал, – это огромный повод признавать данное следственное действие незаконным.

Самое неприятное, что моя идея закрыться по сроку давности не проходит. Д. учит меня: тебе вменяют не несколько эпизодов, а преступление, объединенное единым умыслом, и срок давности, – шесть лет по «средней тяжести» «злоупотреблениям» – исчисляется по концу действия, а не по началу. И даже отрезать лишние годы не получится. Я говорю: «Сами влезли в этот косяк, сами пусть и выкручиваются.

Я на себя судимость в любом виде вешать не буду. Вот Наталья куда-то будет переходить на другую работу, и что – ей каждый раз писать в кадровой анкете о судимом муже?» – «А то никто не знает». – «Нет, лучше посидим в тюрьме, пообжалуем, поиграем в Нельсона Манделу». – «Ты пойми, я с этим предложением по давности приду, а они меня пошлют».

Д. переходит к теме, что добрый друг его К-в очень не хочет меня сажать, что очень надеялся, что выгорит у меня в Верховном суде, что поддерживает нашу позицию, а злой Х-н его прессует и заставляет. Рассказывает о постановлении Пленума Верховного суда в защиту прав потерпевших, по которому якобы процессуальные нарушения могут и не учитываться, – поищем, поищем лично. В общем, прессует меня мой адвокат, но очень-очень нежно.

Решили, что Д. напишет в Верховный свою жалобу и еще (я или он, или вместе) жалобу на «мое» решение Верховного суда – в последнюю инстанцию: Председателю. И я попробую встретиться с Олегом Михайловичем. Даже хорошо, что уже пенсионер, а не судья. Не должностное лицо. К должностному лицу я не рискнул бы – человека при исполнении напрягать, и вообще душа не лежит. Если бы это был несправедливый приговор – одно дело, а сейчас беспредел беспределом, но лишь промежуточное решение. Это совершенно другая правовая ситуация. Это еще не время кричать SOS. Но с другой стороны, в каких местах я окажусь после приговора и где будет к тому времени он? Натали вечером: «Звони, ищи, пока он в Канаду к своей дочери не уехал». Внутренний тормоз.

Д. удивлен, что Лисова не проинструктировали, как отвечать про эфэсбэшника и «восполнение», что дали возможность наболтать лишнего. Теперь можно говорить, что действия Г. тянут на злоупотребления. И что теперь К-ву очень сложно будет не вызвать следователя на допрос. А там и «поликлиника». Начинаю по частям выкладывать Д. свою страшную тайну. (Натали вечером: «Зря».) Д. уже не воспринимает. Говорит, голова не работает уже от избытка информации. Но опять затягивает старую песню, что К-в хочет вынести решение, которое бы всех устроило, как можно раньше. До всех свидетелей. Рассказываю, что есть предложение от «Эха Москвы» написать колонку и что друзья во Франции готовы озвучивать мою историю среди местных правозащитников. (Натали просто требовала накануне устроить Д. эту утечку).

Договариваемся, что в ближайший понедельник будем задавать свидетелям – репортерской паре Шифрин-Архипов – вопросы об игровых автоматах. Я их посылал в начале лета 2009 года написать

репортаж о нелегальном зале, замаскированном под павильон «Цветы». Зал этот в самом центре города закрыли после нашей публикации, а через месяц с небольшим возбудили против меня уголовное дело. «Что ты хочешь, ты же людей лишил заработка около миллиона рублей в день». Рассказывает, что знал подпольщика по фамилии Михеев, который начинал со «столбиков» – открытых игровых павильонов, а теперь владеет тремя казино в Европе. Азартен русский человек – последнюю рубашку к столбику отнесет. В общем, «закладка» про игровые автоматы в деле на случай шумихи очень пригодится – подытоживает мои мысли Д. Расстаемся до суда.

17.11.2013. Ювентус умер

Не так, как Щепка, но тоже под утро. Прожил на этом свете десять месяцев, день в день. Он был последние дни фактически парализован, но кормили когда вручную или поили – были глотательные рефлексы и глазами реагировал. Ветеринарша говорила, что лечение может быть долгим. Я все боялся, что, когда Натали уедет в командировку, я не смогу его накормить. У меня ни разу это не получилось – все она делала. Еще вечером показывала мне («ничего сложного»), как колоть церебролизин. Как скоротечно все. <...>

18.11.2013. Шестой судебный день

Перед заседанием Д. потерял в кабинете К-ва по привычке. И вот неожиданно заявил, что мы будем запрашивать не только выгодные нам штатные расписания, но и все зарплатные ведомости. Первые два года полностью в нашу пользу, правда, потом начинается путаница. Я вроде не возражаю. И лишь после суда начинаю думать, что это помощь более выгодная К-ву для его «компромисса-предложения». Ну да – и прокурорша поддерживает. Получается, развели меня? Но сразу не сообразишь.

Входим с адвокатом в кабинет судьи. Залов свободных для судилища в очередной раз не оказалось – заседать будем здесь. Прокурорша уже, естественно, в кабинете.

Застаем обрывок разговора обо мне. Жаркий спор хозяев жизни о квалификации моих «преступных деяний». Прокурорша: «Но мы же ему не присвоение вменяем, а раздача денег народу – это и есть растрата». – «Растрата – это вид хищения. А где ты увидела, что он чего-то спиздил», – судья у нас простой, за словом в карман не лезет. «Ну он же и себя, наверное, не обидел», – на этой фразе, царице доказательств, вваливаемся мы. Ничего, ваша честь, что у вас дверь открыта?

Пятеро свидетелей, все журналисты, вопросы: получали зарплату по штатке или выше? По очереди, но хором: «Выше». Как получали? Все путаются. Неудивительно, речь о 2006–2009 годах. (В кулуарах суда все свидетели меня подбадривают, советуют не сдаваться, возмущаются, почему они «свидетели обвинения» именно, а сами показания такие дают, что можно трактовать как угодно. Не врут, не помнят, не понимают.)

Ближе к середине я взорвал действие, начав задавать Леньке Шифрину вопросы про его давнюю заметку, из-за которой закрыли крупнейший в городе подпольный игровой клуб. Грузинская прокурорша взбеленилась: «С какой это целью вы задаете – вам это не вменяют». Судью не поймешь, шутит или нет: «Наверное, с целью спросить, какой свидетель получил гонорар». Ленька пытается вставить свои две копейки показаний, как он связывался с ментами и как организовали проверку после его обращения. Секретарша суда Ира, опытная ... , просто перестает записывать показания. Судья: «Это ваши предположения, что вас, Пирогов, заказали, я не могу основываться на предположениях». Вообще-то свидетель пытается что-то сказать: Ленька слегка заикается – сейчас самое время. Прокурорша: «Тогда бы заказали автора статьи, а не вас». Ну, да вам, прокурорам, виднее, кого и как заказывать. Этот водевильный переполох больше похож на женитьбу Бальзаминова, чем на допрос свидетеля обвинения. Попытка приобщить к делу Ленькину статью не увенчалась успехом. Судья в который уж раз: «Будете давать показания, тогда и приобщите». Бесправно умолкаю. Смирение – добродетель подсудимого. После заседания мне адвокат: «Теперь оставшиеся полдня будут обсуждать, какой фортель ты следующий раз выкинешь». Но главное – забили в материалы дела мотив уголовного преследования. И это уже не мои «предположения», а показания свидетеля. Так у нас устроено: все очевидное надо подкреплять показаниями, все невероятное озвучат лжесвидетели. Сегодня – без них. В конце заседания прокурорша долго и безуспешно пытается Галю Саубанову, почему ей довелось на халяву от редакции в Париж съездить. Отбивается: «Муж, муж, спросите у мужа». А муж – это заместитель мой, лауреат всего чего можно. Прокурорша вцепилась зубами в поездку сотрудников в Париж в 2007 году. Если Париж не растрата – что же тогда растрата? Ибо нечего народ по Парижам возить.

В самом конце, когда текущие свидетели закончились, на закуску – споры об «оглашении» показаний. Тех свидетелей обвинения, кого и защита, и обвинение считает не слишком нужным приглашать в суд,

можно «огласить», т.е. зачитать показания, данные на следствии. Суду выгодно и удобно, и суд на этом сильно настаивает, прокуратуре тем более – быстро и никаких лишних вопросов. Приходится уступать. Я свой список сдал суду еще в прошлый раз. Список прокурорши в два раза больше. Я не соглашаюсь. В итоге «оглашаются» показания совпавших в обоих списках. Начинаю жалеть о своей мягкотелости – ведь и из малозначительного «свидетеля» можно вытащить что-нибудь полезное. Но – проехали, судью злить себе дороже, а я подсудимый смиренный. Помню, что мягкое сломать сложнее.

На 21-е назначили вызвать всех доселе не явившихся. А на 2 декабря – Рагнарек, последняя битва. Вызваны будут вообще все оставшиеся свидетели, человек тридцать, наверное. Это на весь день – от заката до рассвета. (Потом переиграли без меня и разбили на два дня, второе и четвертое декабря, по восемь человек за день – не все то есть.)

До Нового года все хотят получить «результат». Результат – это обвинительный приговор.

Кто к какому результату стремится, уже всем ясно. Судья ведет к обвинительному «компромиссу». Может, конечно, передумать. Особенно, если поможет его судейское начальство сверху, а тому помогут прокурорские упыри сбоку. Я – жду. У меня твердое намерение пройти процесс до конца. А там будь что будет.

Адвокат мой постепенно переметнулся на сторону судьи, то есть на сторону компромиссов. Да и я сам в позу обиженной добродетели не становлюсь, никого ведь с их «предложениями» не послал куда подальше. (Ничего не проси – сами все предложат.)

Но всякий раз задаю адвокату вопрос: «А это может стать причиной отмены приговора? А это?» – «Да, все там должно становиться причиной отмены», – отвечаю себе сам. Но постепенно растворяется моя наивная вера непонятно во что. Читал ведь, знаешь, что в играх с дьяволом еще никто не побеждал.

Ладненько, поторгую еще чуток своим свиным рылом в калашном ряду. Попытка не пытка, спрос не беда.

21.11.2013. Бесстрашие и наслаждение

Сегодняшнее заседание не состоялось. Опять мучительное составление вопросов в последний момент оказалось бесполезным. Не пришел единственный запланированный свидетель дизайнер Колупаев (хороший свидетель). Не пришел и «представитель потерпевшего» – он вообще всего один раз объявился и больше не ходит. Видно, боит-

ся, что будут опрашивать. Но ведь все равно будут. Перенесли на 27-е, на среду. Планируются те же и завхоз Масликова. Д., как и при каждой почти встрече, потихоньку парит мозг, как плохо жить в тюрьме. Я непреклонен: «Любой приговор будем оспаривать. По Лисову – только оправдос. В остальном пусть выкручиваются – мешать не будем». Ощущение, что это я сам себя, а не его уговариваю. А так хочется все послать. Но больше всего боюсь того, что сам же и буду сожалеть. «Всю оставшуюся жизнь». Странно бояться не реальных угроз вроде потери свободы, а такого эфемерного: страх будущих сожалений. И чего я это себе вбил в голову, а? «Бесстрашие спасает, стремление к наслаждениям убивает», – крутится в голове самурайская вроде мудрость. На самом деле я – фаталист, идет как идет. Господь все управит.

После суда долго копировал документы в офисе Д. Он опять затягивал песню вокруг соглашения с «предложением». Я говорю, что если московская пресса заинтересуется, то мне самому уже будет сложно давать задний ход. Но возможность шума в прессе его не впечатляет особо. А вот когда, уходя, я сказал, что думаю, пусть правозащитники подадут в ЕСПЧ, Д. чуть не крикнул от неожиданности. У него в этот момент был уже следующий посетитель, и обсуждать было не с руки.

Вечером дома перевернулся портфель, и все-все-все документы, включая многостраничное обвинительное заключение, вывалились и рассыпались вперемешку. Сунул назад, не разбирая, а сверху на спинку стула бросил свою потную рубашку, дебил. Проснулся от нестерпимого запаха: вся рубашка зассана насквозь, а через нее и все материалы дела. Похоже, оставшиеся в доме самки метили и перемечали запах моего пота по несколько раз. Надеюсь, это любовь. Но мой опыт кошатника-подсудимого говорит, что запах с зассанных бумаг не выветривается абсолютно.

23.11.2013. Два интервью во сне

Снилось, что в какой-то тусовке вроде журналистов ко мне подходит Глеб Фетисов, миллиардер и кандидат в наши губернаторы, говорит, что ему нужно большое имиджевое интервью. Я ломаюсь, говорю: «Вон тут сколько народу, а я уже давно отошел от журналистики». А про себя думаю: сколько же попросить? Тысячу баксов – явно мало, а две во сне кажется безумно много. «Мне нужен ты, а не твои студенты. Вот мой пресс-секретарь, с ним детали обсудите», – говорит Фетисов и подзывает Сашку Слюсарева. Он как раз ко мне студентом пришел, а вышел через пять лет главным редактором. В жизни и меня, и его Фетисов в помощники звал, но мы оба гордо отказались – главные ре-

дактора были. Как потом оказалось, недолго. Проснулся от Фетисова – жуткая головная боль. Выпил таблетку и усилием воли снова заснул.

Снилась мама. Что теперь уже я сам должен дать интервью про свое уголовное дело, а у нее из-за этого могут быть какие-то неприятности на работе. Я возмущаюсь, объясняя, что она в своей библиотеке проработала сорок лет и что нет лучше работника, чем она. А мама говорит, мол, ты не думай обо мне, делай что должен. Настроение во сне очень позитивное. Просыпаясь, понимаю, что мама умерла много лет назад.

Уже почти на грани полного бодрствования, выплывая из сна, я веду машину домой, еду в левом ряду. Вдалеке от меня перебегают дорогу несколько человек и то ли попадают, то ли нет под машину в среднем ряду. Отвлекаюсь на шум чужих тормозов и не замечаю сразу следующую кучку из двух или трех следующих человек, вываливающихся мне прямо под колеса. Я не успеваю затормозить, но эти люди неожиданно превращаются в двухмерное, на какой-то прозрачной пленке изображение, и я прорываю эту пленку и просыпаюсь совсем. Проснувшись, понимаю, что это были прокурор Х. и судья Х-н и, наверное, следователь Г. – я до конца так и не понял, был ли там третий.

Г. вчера вспоминали. Светка, юристка из «Защиты СМИ», живет с ним в одном подъезде. Говорит: «Демонстративный коррупционер». Рассказывает, что он накопил уже три дорогие иномарки за год. Последнюю, «пежо», – для жены. Еще новый «Санта Фе» и «Ланцер». Г. часто стоит на балконе или у окна и что-то высматривает во дворе. Не то что боится, а как будто подсматривает за кем-то. Светке он крайне неприятен даже физиологически – в лифте часто приходится сталкиваться. Я же с нетерпением жду, когда его будут допрашивать в суде. «Встретимся в суде» – это последняя фраза, которую он мне бросил, прощаясь весной. Встретимся, встретимся, урод!

Рассказываю Светке про «предложение»: 80 000 штрафа или пять лет тюрьмы. Она: «Это же иллюзия какая-то судопроизводства. Несопоставимость запредельная».

«Центр защиты СМИ» – никакая мне не защита. Они за британские гранты бесплатно представляют СМИ в судах, если к ним предъявили иски о защите чести и достоинства. Председательша центра самовлюбленная Галочка – ее сегодня нет – считает себя крупным СМИ-лоьером и в перерывах между загранпоездками за счет британской разведки сидит в общественном совете у ментов. На совет нечестивых специально надевает чулочки в крупную сетку – Натали мне про эти ее чулки все мозги вынесла. Дескать, если женщина надевает такие чулки, она

хочет что-то этим сказать. Типа, я – вся ваша, настоящие полковники и прочие мусора, да? Галя далеко не красавица, но человек компанейский. И все ей простительно, потому что у нее офис в центре и удобно затусить или с кем пересечься. Пару лет назад, когда мне навесили новые дела и был самый тяжелый период в моей жизни, я неожиданно ляпнул Галочке, что хотел бы видеть ее своим представителем в суде. Она ошпаренно смотрела на меня, как черт на ладан, не зная, что сказать. Я понял все, но все равно зачем-то попросил ее переговорить о беспределе в моем деле с влиятельной пресс-секретаршей губернатора – у них как раз встреча планировалась. Галочка долго жеманилась, но пообещала и не выполнила. С тех пор я с ней общаюсь редко, хотя и не ссорился. Мало ли, может еще пригодится.

В центре у меня как раз и была встреча с юристом-правозащитником Сиволдаевым. Илья уже знаменит тем, что провел не один десяток дел по фальсификации выборов позапрошлого года. Там, где политика, суды беспредельничали люто, без оглядки на здравый смысл. Все результаты выборов были оставлены в силе, хотя протоколы просто переписывались в вышестоящих избирательных комиссиях по схеме: отнималось у ЛДПР и плюсовалось «Единой России», жириновцы не возражали, не для того их держат, даже если в итоге им оставляли круглый ноль. Больше семи тысяч голосов так «перекинули». Но косвенным итогом этих исков стал пересмотр законодательства в Конституционном суде. Теперь любой гражданин, а не только лидер партии может оспорить в суде итоги выборов. Правда, только на том участке, где сам голосовал.

Сиволдаеву чуть меньше сорока, мягкий голос, сухощав, с бородкой. Привычный в русской литературе тип чеховского земского интеллигента, только пенсне и тросточки не хватает. Совершенно не похож на тот зажавшийся юридический мир, с которым я общаюсь последние четыре года. Это уже радует. Впрочем, я и обманывался часто.

Я накопировал много судебных документов, но все равно парочки отмененных президиумом решений не хватает, их по правилам забирает безвозвратно Верховный суд. Договариваемся встретиться в среду после судебного заседания – подвезу копии. Светка говорит мне, чтобы я на Илью не очень-то рассчитывал, дескать, поверхностно ко всему относится. Но, во-первых, они конкуренты, а, во-вторых, мне и рассчитывать больше не на кого. По Конституционному суду Илья еще не представляет, как и на основании чего можно туда обращаться. А в ЕСПЧ будем оспаривать это злосчастное решение президиума от 14 августа, отправившее дело в цепкие лапы К-ва с резолюцией: осу-

дить во что бы то ни стало. Срок на обжалование – полгода – еще не пропущен. Основание для подачи иска: нарушен принцип правовой определенности. Вступившее в законную силу решение суда можно отменять только ввиду фундаментальных нарушений закона, а президиум отменял законные решения по произволу. Если откажут, говорит, то довольно быстро. Если будут рассматривать, то до двух лет. Звучать будет смачно: «Пирогов против Российской Федерации». Я пытался Илью подбить на подачу иска о реабилитации, но он не сказал ни да, ни нет. Финансовые вопросы не обсуждали, но что с деньгами жопа, я зачем-то повторил пару раз. Деньги за реабилитацию – это единственный видимый источник существования в ближайшем будущем, поэтому откладывать особо нельзя. При этом такой иск – это бесить прокуратуру, идти «на вы».

Мне же до сих пор не прислали из прокуратуры официальных извинений по взятке. Думаю, жалобу по этому поводу на имя прокурора области буду подавать 14 января или накануне – поздравлю упырей с профессиональным праздником. Фортелей будет еще много, Вася.

У нас дома надвигается конец света. Сын в школу почти не ходит – в лучшем случае пару раз в неделю. Натали горюет по Щепке и Ювентусу. «Динамо» мое проиграло в очередной раз главный матч сезона. Погода – понятно, какая в конце ноября погода: ни света, ни снега, ни дождей, то ли явь, то ли сон. Ноябрь по-древнерусски – листоной. Природа вся загнивает. Соответственно, и настроение. Лишь бы до душ наших не добралось. Надо на воздух, в лес, к воде – иначе обессилю совсем. «Завтра, я подумаю об этом завтра». Но, увы... не подумаю.

Затаскивал летние вещи в дом. Вроде недолго, но уже сумерки. Звуки в сумерках и по ночам напрягают, нервы ни к черту. Везде мерещатся убийцы, подосланные системой. У нас тут бывало такое: несколько лет назад у одного богатого и строптивого бизнесмена убили в собственном доме жену и сына. Убили наркоманы вроде, но твердая направлявшая убийц ментовская рука очень чувствовалась. Пришли с «чистыми» стволами на дело. Сложно ли прокурорскому генералу ко мне таких подослать? Да раз плюнуть.

30.11.2013.

Саша Космачев, дизайнер и приятель по 90-м, донес слух, что мне прокурор попросил 19 лет лишения свободы. Спрашиваю, кто слухи распространяет, – не отвечает. Хрен с ним, хотя я и догадался – кто. И распространяют-то целенаправленно. Говорю, хочешь жить не слухами, приходи сам на суд – заседания открытые.

Обещал. Если придет, то будет первым зрителем за все время. Два года назад «на взятку» Андрюша Книжник ходил, а теперь не может – по утрам занят, да я и не звал. Думаю, К-в неприятно удивится, если будут зрители. Но на свое выступление, или если будут вызывать Гладкыха, народ надо звать однозначно – нечего тонуть в молчании.

Седьмой судебный день начался с неожиданных свидетелей. В коридоре суда – рекламщица Марина с невыговариваемой фамилией Эскычакыт – у нее муж турецкоподданный. И второй электрик Боженков, через «о», Колобок. То, что с Колобком поработали, стало ясно еще в коридоре: про работу Лисова в «Коммунаре» он напрочь «забыл», хотя в момент последнего нашего с ним общения он рассказывал и называл фамилии людей, которые с Лисовым в «Коммунаре» работали. Теперь я вспоминаю ехидную ухмылку Г.: «Не понимаю, зачем вы нам сдали свидетеля». Мы боялись, что не сможем найти или вытащить этого свидетеля в суд и сильно рассчитывали на него – ведь он с братом в доме работал, а не Лисов. Он менял всю фабулу обвинения. Зимой во время второго осмотра дома Д. задал Лисову единственный вопрос: «Сам ли он все делал из того, что он описывает?» Прыщи на лице Лисова вздулись, и он начал вспоминать про Колобков. И теперь именно Колобком измеряется разница между вторым обвинительным заключением и третьим. Я думаю, что это очень серьезная процессуальная «зацепка»: это такое «восполнение» – «восполнее» некуда. Впрочем, на фоне всех беспределов такая мелочь.

Перед началом успели с Д. обсудить, что с Колобком поработали и что «Предложения по электрике» за подписью Лисова-старшего мы будем пытаться приобщить в конце. После всех свидетелей обвинения. Про себя думаю, что неплохо было бы эти «предложения» через свидетеля защиты сисадмина Валентина реализовать – важно не забыть эту интересную мысль.

Всего свидетелей сегодня четверо. Когда мы уже разместились в зале (в этот раз выделили большой), подтянулись уже поминавшаяся Масликова и некая Танцура, мать наркоманки. Псевдопотерпевшего опять нет. Прокурорша взбеленилась, когда узнала, что есть свидетели, о которых она не знает, и начала отчитывать секретаршу Иру. Я пытаюсь взять у Колобка телефон – я же до сих пор кое-что (термостат в бане в первую очередь) из электрики не доделал, а звонить ему не рисковал: а то еще припишут давление на свидетелей. Прокурорша смотрит на это совершенно удивленным, непонимающим взглядом. Телефон записать не успел, вошел «встатьсудидет», зачитали права

свидетелям. Масликова рвется выступить первой, но судья твердо оставляет ее на закуску.

Начали с Колобка. Из хорошего: сказал, что Лисов в доме фактически не появлялся, а только привозил материалы и один раз настроил реле и лампочки в коридоре, что за всю их с братом работу они получили чуть больше тридцати тысяч (а не ста пятидесяти, как мне вменяют) рублей, что работали около двух (а не девяти, как гнал Лисов) месяцев. Из плохого: подтвердил, что деньги получали от Лисова наличкой. Еще Колобок начал говорить, что то ли я, то ли жена договаривались с Лисовым о работе. На мой вопрос: «Знает ли он об этом достоверно или это его предположение?» – «Предположение». Допрос окончен. Колобок обещал, кстати, сам позвонить после суда, но так и не звонит уже три дня. Придется его телефон в протоколах допроса искать – суды судами, а баню до ума доводить надо. А то два года стоит без толку.

Рекламная жена турецкоподданного быстрым-быстрым говорком рассказывает обо мне. Надо на премию Матери Терезы выдвигать после таких показаний. Ну да, редакция помогла ей купить комнату в коммуналке, а потом она и ипотеку на нормальную квартиру взяла. Рассказывает, что все, почти все рекламные агенты, работавшие у меня, стали коммерческими директорами или издателями (сама Марина давно издает рекламный журнал, жалуется на конкуренцию с моей сестрой). Рассказывает про неофициальные ведомости, про крупные доплаты сверх официальных зарплат. Но сейчас главное, что она может вспомнить Лисова – их отдел как раз переезжал в отремонтированное помещение. Это хорошая помощь, тем более это свидетель обвинения.

Короткий свидетель – мать наркоманки по фамилии Танцура. На ее дочь оформлена одна из помоечных фирм. Неожиданно и она говорит совершенно не то, что записано Г. в ее допросе. И все, что записано, – она узнала от следователя, который свою версию записал от ее имени. Суд эту маленькую забавную историю сглатывает.

И наконец, Масликова, наш сталинский завхоз. О. О-о. О-о-о. Я уже писал, что в наших судах свидетель расположен к подсудимому жопой. Расстояние – метр от силы. Если перднет, мало не покажется. И если жопа худенькой Эскычакыт приятна взору, то жопа Масликовой – это нечто. И это нечто шире, чем аналой, за которым вещают свидетели. О-о-о-о. Четыре турецкие жопы.

Задавая свой первый вопрос, грузинская прокурорша зачем-то растекается в комплиментах: «Вы сотрудник, которых начальство особенно ценит». Слышал бы это Мещеряков.

Но прокурорские комплименты не идут на пользу, и неожиданно Масликова начинает рассказывать совсем не то, что написано в протоколе допроса. О-ё-ёй! Нет, хитрая жопа по-прежнему врет, делая вид, что не помнит то, что она прекрасно помнит. Дескать, брала ключи и открывала ремонтникам и все тут. Припиливает гадость в мой адрес, которую понимаем только она и я – знак явно отработан и обозначает, мол, я еще могу тебе пакость устроить.

Главной неожиданностью является то, что Масликова признает, что Лисов работал в газете, а в протоколе допроса написано ровно обратное. Более того, вопрос следователя совершенно о другом, а Масликова начинает ни к селу, ни к городу упоминать именно Лисова. Что выглядит в протоколе совсем странно – Д. уцепился за это. Мне приятно, что я успел ему подложить полный протокол допроса. Вы скажете, что сам адвокат должен тщательно готовиться к допросу каждого свидетеля – ну-ну. В лучшем случае: «я знаю, о чем его буду спрашивать» или даю ему конспект своих предполагаемых вопросов перед заседанием. При этом Д. владеет искусством допроса в совершенстве – этому учат, и это талант. Как бы я на него иногда не злился из-за «соглашательства» с судьей, без него мне было бы совсем худо. Кроме того, я помню, что он работает на энтузиазме – окончательный расчет договорились сделать после завершения дела.

Вторая часть допроса едва ли не важнее первой. Электрик электриком, но он – мелочовка, если влепят хищения хотя бы в части бумаги, мало не покажется – там два миллиона за четыре года набежало. Масликова занималась закупкой бумаги, закупали через посредников. Говорит, что выполняла задание руководства – меня то есть. Неожиданно вспоминает одного поставщика, не упомянутого следствием, – просекаю, что это можно хорошо использовать.

Ее ложь в протоколе допроса сводилась к тому, что я сам ей давал реквизиты помоечных фирм. После моих расспросов она «сознается», что уже не помнит, как это было. Но тут встречается обалдевшая от неожиданности прокурорша и зачитывает старые показания Масликовой. «Хорошо, пусть будет так, как записано в протоколе», – пытается врубить задний ход завхозиха. К-в встречается в образовавшийся галдеж: «Да вы сами, Пирогов, скажите, как было дело». Класс, а не допрос свидетеля. Расскажи и веревку еще себе на шею сам надень. В конце К-в начинает пытать свидетельницу, не пробовал ли кто ее склонить к изменению показаний, и, получив отрицательный ответ, предъявляет Масликовой ее подпись на протоколе. Подпись Масликова признает, и на этой победной для правосудия ноте ее отпускают.

Провожая взглядом, как эта жопа с трудом протискивается в дверь. В конце заседания К-в неожиданно говорит: «Если есть какие ходатайства об истребовании документов, подавайте заранее». Для меня очевидно его желание завершить все до Нового года. Но я не хочу заранее, я хочу после допроса Г.

Встречи с Сиволдаевым на этой неделе так и не состоялись «по моей вине»: двое суток пытался получить копии решений, но, пробежав по всем судебным кругам, уперся в секретаршу Иру с ее вечным: «Вы думаете, вы тут у нас один такой». Пообещала в понедельник дать копии, если К-в разрешит. Чтобы отксерить положенные мне по закону десяток страниц, я убил два дня и ничего не добился. Пытаюсь вспомнить Евангелие про то, что лучше снять с себя последнюю рубашку, чем идти в суд.

Следующие два судебных дня должны оказаться решающими: там и Миша-обнальщик, и бухгалтеря, и проверяющие из счетной палаты. Ничего хорошего – со всеми «поработали», можно не сомневаться. Но меня почему-то волнует, когда будет назначено следующее заседание – до или после двенадцатого декабря, то есть до или после амнистии. И чего я ее жду, сам не понимаю. Если оправдываться стараться – так она не нужна, если закрыть дело до приговора – так она не подходит. Там даже переквалификацию не придумаешь, похожую на законную. А вот жду.

2.12.2013. Бессонница перед судом

Уже все способы испробовал: и кошками обкладывался, и жрал, и воду пил, и душ принимал. Нету сна. Почти пять утра. Пять часов до начала суда. Совсем не готовился к суду – первый раз это со мной. В голове фраза Д.: «Я знаю, о чем я буду Мишу спрашивать». Дай Бог. Но фатализм мой подсказывает, что сегодня ничего фатального не произойдет. Может, Миша не объявится, а может, и Щелоков заодно.

В Киеве – революция. А поскольку и Натали, и тещь с тещей чистопородные полтавские хохлы, разговоры только об Украине. Все надеются и болеют за то, чтобы Януковича свалить. А потом и самим на вольную Украину свалить. Натали всерьез – ловить в России нечего, а она на Украине выросла. Я себе ее то ли планами, то ли мечтами голову не забиваю: есть впереди день – его надо прожить. Про завтра подумаем завтра.

2.12.2013. Восьмой судебный день

День совсем мрачный. Были Миша-обнальщик и три его «подопечных» – директора помоечных фирм. Обещавший появиться первый зритель Космачев так и не появился. Зато Андрюша Книжник интересовался, когда можно будет прийти к концу событий – он интуитивно, думаю, понял, что я не очень-то расположен, чтобы он сидел весь процесс. Но поддержать, послушать приговор или посмотреть, как забирают, – от этого события в жизни он не откажется.

Первым из свидетелей выступал Иван Щелоков – бывший начальник областного управления по делам СМИ, которое учредитель газеты. Иван все хорошо рассказывает, что газета на хозрасчете, что дотации 20–25%, что дотаций не хватало даже на ту мизерную зарплату, которая установлена по тарифной сетке, остальное зарабатывали сами. К-в что-то ему задает, потом сам же и комментирует: «Ясно, плохо контролировали».

Пошли «фунты», так их называл Г., – зиц-председатели. Первый видно, что хронический алкаш. Второй завязавший наркоман – автослесарь. Третий – больной церебральным параличом. Все гладко рассказывают версию знакомства с Мишей – видно, что учили под диктовку. В первом деле по взятке было два провокатора – молодой наркоман и старая мошенница, которые в суде не смогли заранее придумать, как они познакомились, их допрашивали два раза, чтобы состыковать – не получилось. И только, когда дело вернули в следствие, Г., передопрашивая их в нарушение закона, склеил разбившийся горшок показаний. В этот раз работа над ошибками проведена. Но не идеально: алкаш, рассказывавший, что он хорошо знает Мишу, на мой вопрос про «Коробова» уверенно отвечает, повергая всех в шок, что не знает никакого «Коробова». Я: «Вопросов нет». И судья, и прокурор начинают подсказывать, что Коробов – это Миша. «Ах, Миша – тогда знаю». К-в: «Вы, Пирогов, загипнотизировали свидетеля». Церебральник никак не смог признать, что на него были «навешаны» не одна, а три фирмы. Его переспрашивали и я, и судья: «Нет – одна». А в протоколе допроса – три. Понятно теперь, как вел допросы Г. И кстати, протоколы допросов алкаша и автослесаря написаны слово в слово. И не только у них – у полиграфического отдела то же самое.

Интересно, что и алкаш, и автослесарь в один голос утверждают, что их допрашивали всего один раз, хотя в деле два протокола допроса. Выходит, второй протокол попросту переписали и подделали подпись. То же самое потом говорит и Миша. Причем, о том, когда допрашивали, отвечает – два года назад и, только когда судья называет

дату протокола, соглашается: «Выходит, что год назад». Миша также уверенно забыл, что кроме Г. его еще и эфэсбэшник допрашивал. Явно это «домашняя заготовка», чтобы не возникло лишних вопросов.

Вообще, Миша говорит гладко, складно, с некоторой наглостью. Прокурорша его прессует немножко. По его легенде он – оптовый торговец стройматериалами. Как со мной познакомился, не помнит, водку вместе не пили, но чай в кафе пару раз. Деньги от газеты получал за бумагу и агентские вознаграждения, себе ничего не брал, отправлял дальше; фирм, куда отправлял, не помнит. «Работали» так пару лет всего, в 2008 году из-за кризиса свернулись. По материалам дела не так: три года и девять месяцев в 2009 году, но это суд проглотит, не сомневаюсь. Вопрос адвоката: «Откуда Пирогов узнал, что вы можете оказывать такие услуги?» Нет вразумительного ответа. Потом судья долго, проглатывая смысл, читает ту часть допроса, где указаны бухгалтерские проводки, – положено устно все оглашать в суде. Коробов соглашается.

После ухода Коробова судья опять начинает меня прессовать: огласить непришедших свидетелей, отказываюсь. «Вы не думайте, что сможете затягивать, до Нового года закончим». Потом начинает комментировать, какие бестолковые и ничего не значащие свидетели были от газеты. И снова уговаривает «огласить», теперь уже вызванных на четвертое сотрудников счетной палаты: «А то они мало ли что тут наговорят». Соглашаюсь: «Они – люди подневольные, но лучше послушаем». Видно, что К-в раздражается. Назначил еще одно заседание – на девятое, опять понедельник. Видно, что гонит.

Все уже оделись на выход, и тут появилась «молодая» бухгалтерша Журова. Опоздала, потерялась и нашлась. Суд возвращается на свое место. Журова рассказывает, что работала в газете пять месяцев, основная бухгалтерша Свиридова оставалась еще пару месяцев консультантом после увольнения. Про то, кто готовил акты выполненных работ с фирмами Миши, не знает (хотя она и готовила), откуда они появлялись в бухгалтерии – не помнит. Про электронную подпись рассказала, что я не мог самостоятельно отправить деньги куда-либо, а распоряжения на проплаты давал устные или через визу на платежке. В деле нет ни одной моей подписи на платежных документах. После суда Д. бесится почему-то: «Ты что думаешь, если твоей подписи нет, это значит, не ты распорядился деньгами?» После суда он опять быстро убегает – успеваю только напомнить про необходимость написать жалобы в Верховный.

Получил наконец недостающие копии и передал Сиволдаеву. Он обещал через неделю сделать жалобы в ЕСПЧ и Конституционный.

За работу взял всего лишь тысячу рублей: «Это такие правозащитные расценки». От ЕСПЧ результат будет лет через пять, если повезет. Присудят около трех тысяч евро морального вреда и тысячу евро за компенсацию юридических услуг. Будут ли отменять решение – будет зависеть от воли президиума областного суда. Про Конституционный он советовался с парой юристов, которые на этом специализируются, ответ – шансов мало: никто не хочет менять из-за одного человека сложившуюся практику. Всего 30 дел в год от физических лиц КС рассматривает. Нас может удовлетворить и мотивированный отказ, но это зависит от «настроения» судьи – может, и мотивированный, а может, и отписка. В итоге решили, что попытка не пытка.

4.12.2013. Очередная бессонница перед судом

Те сорок восемь часов, которые образовались между судами, употребил на сон и пьянку. С вечера – каберне с Натали, ночью – поллитра сорокоградусной Бехеровки, похмелился бутылкой дешевого шампанского – ничего другого в доме не было. Потом полдня, ночь и еще полдня – на откисание. Никакой подготовки к свидетелям, а это «бумага» – поставщики и типография, проверяющие и основной бухгалтер Свиридова, и еще несколько менее значимых.

Алкоголь – причина депрессии, или депрессия – причина для алкоголя, теперь уже не важно. Готовность сесть в тюрьму не то чтобы куда-то улетучилась, я до сих пор не верю, что посадит меня К-в, но убыстряющийся темп событий не вдохновляет, мягко говоря. Столько лет мытарств, и на защиту от силы пара-тройка заседаний. Сегодня все существенные свидетели обвинения должны закончиться. Опять будет прессовать на «оглашение». На девятое соберут остатки, а потом действия защиты.

Уже восемь тридцать утра, не сплю с двух ночи. Заседание назначено на два часа дня. Как уснуть? Как не проспать? Как все это закончить? Ни сил, ни желания защищаться просто нет. И так все ясно, и ничего при этом не ясно. Угнетает бессмысленность усилий. Но верю: выветрится алкоголь, и соберу остаток сил. Не на сегодня, а на следующие дни. Завтра обязательно – прогулка по лесу или баня.

Поспал часа три. Снились какие-то погони на катерах по южной части земли, на одном из которых мой сын, и за ним гонятся, а я наблюдаю это, происходящее как на глобусе, откуда-то со стороны и сверху. Потом те, кто гнались за сыном, напали на меня, перед этим были какие-то наличные деньги в кошельке, мне передавали очень для меня неожиданно, а они вроде бы про них все знали и пытались

меня убить, я один из пистолетов отнял, пытался отстреливаться, но были осечки одна за другой, и я пистолет выбросил в окно, понимая, что это важная улика, и проснулся.

4.12.2013. Девятый судебный день

«Прежде чем вы посадите меня на пять лет реального срока, я бы хотел вам объяснить, почему вы это сделаете», – начинаю репетировать свою погребальную речь. Или все-таки добавить «ваша честь»? «Вы» – абстрактное, это обращение к системе. Пафосно, зато не так обидно. А вот с «вашей честью» – это уже явный намек, и может счесть за оскорбление. Сегодня, ваша честь, Д., он уже скорее ваш маклер, чем мой адвокат, сообщил мне после судебного заседания, что вы уже пять раз звонили в президиум облсуда по моему делу, и от вас требуют вести себя согласно решению президиума. То есть выносить заведомо незаконный приговор по тяжкому обвинению. По-моему, это преступление, ваша честь, и, по-моему, срок давности у него 10 лет. Кроме того, угрозы, передаваемые мне через Д., – это еще один состав, но не ссыте, ваша честь, Д. вас не сдаст, а я его подставлять не намерен. Да и доказательной базы нет. А ваш приговор и будет доказательной базой, не мне – вам. И, кстати, вы уверены, ваша честь, (мат – зачеркнуто), что за эти 10 лет в нашей (мат – снова зачеркнуто) стране ничего не изменится? Или ваши подельники предпримут попытку убить меня в тюрьме? Да, сразу составляю завещание: часы отремонтируй (на официальном сайте) и отдай Андрею, репродукцию Брейгеля отдай Андрею Книжнику, смени адвоката и все уголовные дела доведи до конца. Ну, там – старые вещи приличные в детдом. А еще надо похудеть – а в тюрьме худеть удобнее всего. И вообще, Новый год в камере СИЗО – это ж такой экстрим, да за такое надо деньги доплачивать. А с семьей Новый год можно и заранее отметить. В Питере есть ресторанчик – каждую полночь Новый год отмечают: праздник, который всегда с тобой. Почему бы и нет. Хорохорюсь, нервничаю.

Вот елку до последнего дня наряжать не дам. Эгоист я. Вообще, все эти новогодние приготовления раздражают, а еще ведь в супермаркете не завезли подарки, наборы, шары.

В общем, после суда старая песня о главном в исполнении Д.: соглашайся или сядешь. На пятницу мой адвокат забил мне стрелку на десять. Два или три раза: «Приходи с женой». Потом: «Хватит в декабриста играть. Я всегда договаривался, и у меня никто не садился. Мне это не надо, я тогда откажусь от защиты». Отказаться от защиты за две-три недели до приговора – это несмыаемый позор. Я думаю, ты

не решишься, Д., как бы тебе ни был дорог твой друг К-в. А если так – есть и запасной вариант. Вопрос упирается в деньги, которых нет.

Вечером Натали поддерживает мою позицию: сначала забыть в дело все ходатайства, выслушать всех свидетелей. Говорит: «Я же вижу, ты не хочешь садиться». «Но еще больше я не хочу ПЕРЕД НИМИ каяться». Говорит: «Надо все дела завершить до посадки». Обещаю, что подадим все четыре жалобы: по две с Д. и с Сиволдаевым. И переговорю с Цапиным про Олега Михайловича. Даже если не удастся самому связаться до посадки, будет ясно, поможет ли Цапин. Да, и совсем обязательно причаститься, но на это сил явно нет. Так что и причащаться в тюрьме. В СИЗО церковь есть. Туда направили лет десять назад батюшку из нашего старого прихода (после переезда так и не определился – и в церковь хожу когда попало и куда попало). «Нет, обязательно сходи помолись перед судом». – «Давай вместе». – «Это не колхоз. Да и причастись в субботу». Я, пережевывая рис с тушенкой: «Не успею, не постился». – «Не обращай внимания на формальности». В уме прикидываю, когда можно причаститься.

Нет, но, допустим, он блефует. Они ведь всегда блефуют, и в продолжение процесса этот блеф как-то получится вскрыть. Если не хочется ему меня сажать, да и не за что уже по материалам дела, даже если каким-то образом оставит «растрату», никакой президиум ему руки не вывернет. Надо стоять, надо занести в дело «медицину» и поддельную подпись Ковалева. А вот с показаниями на Х. надо подождать – по смыслу дела они бесполезны, а окончательный переход на личности до добра может не довести.

Этим днем фактически закончились свидетели обвинения. Были двое проверяющих из счетной палаты, двое из типографии, поставщица бумаги Таня Жерлицына и главный толстяк-главред муниципальной газеты Саня Белявцев. И гвоздь уголовного сезона – основной главбух Ирина Ивановна Свиридова. Гвоздь в мой гроб подсудимого.

Перед началом треплемся с директрисой типографии Светланой Ипполитовной. Ей далеко за шестьдесят (юбилей был еще до начала дела). Мы знакомы четверть века, все эти годы она работает в типографии. Мы – асы своего дела, мне приятно поговорить обо всем на свете с этой исполненной достоинства холеной теткой. Она хорошо знает сидельца Микаилова, начальника управления госимущества, которого задерживали по взятке в одну неделю со мной. Эфэсбэшное дело было, и наживкой был друг семьи. Микаилов уже отсидел, причем, на строгом режиме. Если сама статья свыше десяти лет предусматривает, то всегда «строгий», вне зависимости от того, сколько дадут.

А дали четыре с половиной. В Верховном – думаю, заносил – скостили до трех. Потом и УДО, вернулся и где-то работает, пытался снять судимость уже. У него адвокат был в 2009 году тот же, что и у меня, отжал у него две новые большие квартиры. Ипполитовна: «Мы тут считали, сбились, сколько же лет твое дело длится. Пять уже?» – «Не, пять еще нету». Секретарь суда направляет нас в зал на втором этаже. Веду за собой табун свидетелей обвинения, которые не ориентируются в местных закоулках. В коридоре неожиданно вижу Г., с какой-то высокой женщиной беседует, не из местных, я тут все лица уже за четыре года изучил. Наверное, свидетельница – «освежает ей в памяти показания, чтобы слово в слово или близко к тексту». Явно, чтобы не видели – на втором этаже только гражданские дела и, соответственно, лишних глаз-ушей нету. Я и сам так делаю, когда надо с кем-то конфиденциально перед судом поговорить. Здороваемся: «Вы не к нам пришли давать показания?» – «Нет». Глазки невеселые сразу. Чего это вам взгрустнулось вдруг?

Первой допрашивают главную проверяющую в 2009 году Наталью Чернышову, немолодую одинокую блондинку. Раньше была брюнеткой вроде. Мы ей за хорошую проверку кондиционер подарили, а покупали – дальше смейтесь – на деньги, всунутые нам милицейским провокатором. Мы ж тогда не знали, что он провокатор. В общем, кондиционер пришлось вернуть в редакцию. Чернышова сразу развеселила: «А я ничего не помню, а мне позвонили и сказали, что все зачитают и надо просто подтвердить». Секретарша суда, сегодня новая, опускает глаза. К-в: «Это вам потом зачитают, а пока вспоминайте, говорите только то, что знаете». Кое-как рассказывает про агентские договора, что показалось, что много платим, что обращала внимание руководителя, но в итоговый документ не вошло, потому что это коммерческий оборот и никаких нормативов нет. Представления в правоохранительные органы не было, потому что не было повода.

Вторая проверяющая, Кошелева, показала, что всю проверку провела на больничном с ребенком. В показаниях, данных на следствии, ничего подобного не было.

Белявцев, от которого я ждал подвоха, неожиданно показал, что за поездку в Париж платил не я, а Натали. «Наталья Витальевна». Все уже давно забыли, что он еще до поездки перешел к ней в подчинение. Надо ли говорить, что и этого в протоколах допроса не было. Еще один маленький плюсики.

И вот Ирина Ивановна. Я читал ее многочисленные допросы, в которых нескрываемая ненависть и злоба, желание выгородить себя.

Одинокaя женщина, вся жизнь – работа, и какaя, все бухгалтера больные на голову – чего я себе только не придумывал. Сейчас-то я понимаю, что половина слов выдумана и, вероятно, заранее приготовлена Г., тем более что у него была возможность переделывать допросы при «перекидывании» их из старого дела в новое. Улучшал качество показаний он виртуозно: ненависть и ложь вливал, как яд алхимик, мелкими, точно выверенными дозами. Какое это отношение имеет к самой Ирине Ивановне?

Эмоционально все по-другому. Ирина гладко и убедительно рассказывает детали, но врет в главном. «Все в белую». Ясно, что никому неохота идти вслед за паровозом. Но опять все сводится к тому, что был коммерческий оборот. Ирина смешно называет дотацию «манной небесной», рассказывает, что с нее платили зарплату и то целиком не хватало. Прокурорша в надежде на «своего» свидетеля: «А бюджетные деньги Пирогов на эти фирмы переводил?» – «Нет, надо отдать должное. Зарплата для него всегда была превыше всего». Еще одно важное свидетельство: «Мещеряков мог подписывать платежные поручения в отсутствие Пирогова».

Поставщик бумаги, моя однокурсница Татьяна Жерлицына, показывает: «Мы за эти четыре года один раз-то и виделись всего. Сказали друг другу: “Работаем”, и все». Какой состав преступления в слове «работаем» заключается? А ведь на бумагу у судьи особый «настрой» – ему понятнее как впать разницу цен.

В конце заседания – типография. И снова неожиданность. Маленькая, незнакомая мне бухгалтерша по бумаге начинает рассказывать, что кроме Жерлицыной был и второй поставщик – ООО «Роль». Следующая – Ипполитовна, – и она подтверждает: «Еще был “Роль”». Судья просек быстро, что фабула обвинения рушится все дальше, начинает перебивать: «Вы говорите не как думаете, а то, что знаете точно». Под таким прессингом и многоопытная Ипполитовна чуть тушуетсa: «Возможно, был “Роль”». Возможно-невозможно, это уже предположения, а на предположениях строить ни обвинения, ни защиту нельзя. Впрочем, обвинению все можно.

В конце заседания обсуждаем возможность оглашения. Свидетельница «ни о чем» Бакулина отказывается идти в суд – не желает оставлять одного двухмесячного ребенка. Разрешаю огласить – я добрый на свою голову. Тут же определились (на самом деле все давно «определились» без меня, а мне только объявили – и на том спасибо), что следующие заседания будут 9 и 12 декабря и на 12-е нужно приглашать свидетелей защиты.

Д. на выходе почему-то опять несильно, но отчетливо психует. Видно, что его мое поведение в процессе раздражает. Пытаюсь объяснить, что упоминание «Роля» как миноритарного поставщика рушит все схему обвинения по бумаге. Д. не впечатляет. «Ты можешь “Роль” в качестве свидетеля пригласить?» – он мне с напором. Я в голове думаю, почему бы и нет. Ребята приличные. Но искать, объяснять – уже нет сил. «Не знаю». В конце концов Д. назначает мне стрелку на пятницу. «С женой приходи, обязательно с женой». Прессуют его, видно, по полной.

На выходе начинаю обзванивать тех, кого планировал пригласить в свидетели защиты. Не отвечает телефон водителя, возившего Свиридову, не отвечает и Ольга Симонова – мой секретарь-референт и по совместительству работник бухгалтерии. Изо всех сразу нашелся – да он и не терялся – только Валентин Воронцов, системный администратор. Самое плохое отсутствие Симоновой, она – главный свидетель защиты.

5.12.2013. Invictus. На смерть Нельсона Манделы

Всякий раз, когда мне грозили тюрьмой и прочими бедами, а грозили и грозят с регулярностью, я отвечал себе или собеседнику: «Ничего, ничего, мы еще поиграем в Нельсона Манделу». Мы еще набедокурим.

Думаю, сегодня умер самый великий человек планеты Земля вне зависимости от расы, веры и других вторичных признаков. Невероятный образец силы духа. Истинный ариец.

Из-под покрова тьмы ночной,
Из черной ямы страшных мук
Благодарю я всех богов
За мой непокоренный дух.

И я, попав в тиски беды,
Не дрогнул и не застонал,
И под ударами судьбы
Я ранен был, но не упал.

Тропа лежит средь зла и слез,
Дальнейший путь не ясен, пусть,
Но все же трудностей и бед
Я, как и прежде, не боюсь.

Не важно, что врата узки,
Меня опасность не страшит.
Я – властелин своей судьбы,
Я – капитан своей души.

Посмотрите, обязательно посмотрите иствудовского «Непокоренного» с Морганом Фрименом. Там все до мелочей документально. Тот случай, когда жизнь сильнее вымысла.

6.12.2013.

Итак, встреча у Д. втроем. Последняя (?) попытка уговора. Пока заваривается чай, начинаем с болтовни ни о чем. У Д. новый клиент, и он за ним мотается с утра до ночи. Суть дела: в Аннинском районе два предпринимателя госзаказ на пять мультов не поделили. Более подментованным оказался проигравший. У победителя, Игорем его назовем, менты тут же забрали со стройки трех узбеков-нелегалов. Отправил прораба разбираться. Менты попросили по три тысячи за голову: «Ну, десятка для ровного счета». И тут же, пока деревенский прораб ездил за деньгами, слепили дело, подготовились к видеозаписи, заявление, понятые, то-се. Приняли. Это взятка, часть четвертая – так как должностному лицу при исполнении. До восьми лет. И только когда возбудили уже уголовное дело, поняли, что не того, кого хотели, хлопнули. Думали, это сам директор фирмы – в лицо Игоря менты не знали. Прораб, конечно, Игоря сдал. По приезду Игоря этого поставили перед фактом: или посадка в СИЗО, или дача показаний. Д. объяснил своему доверителю, что показания – это десять шагов вперед к приговору, но Игорь выбрал показания. Господи, все-таки у меня так прямо вопрос не стоял ни разу. В итоге – одиннадцать часов допросов и очных ставок. Чем закончится дело, непонятно еще, но госзаказ уже перешел к тем, кто лучше дружит с ментами.

Созваниваюсь с прорабом, который лучше всех может опознать обоих Лисовых, рассказать во всех подробностях, как они работали в газете. Он меня с ними и знакомил. То есть он мне подогнал людей, которые подвели меня под уголовную статью. Встретились. Как и предполагала Натали, этот бывший мент, поднявший на мне всяко миллион, а то и больше, оказался последней трусливой свиньей. «Лисовы мне друзья. Я с ними поговорю. Я же деньги получал без расписки». Я сказал ему, что хочу, чтобы он пришел сам, но, если что, вызову повесткой. Он сказал, что будет думать до воскресенья, и зачем-то спросил фамилию следователя. Я не стал перезванивать ему ни в воскресенье,

ни потом. Не знаю, волновался ли он в ожидании звонка, отключал ли телефон, гнал ли панику, советовался ли с Лисовыми или еще с кем. Во всяком случае, сам мне не перезвонил, да я и не ждал. Пусть остается наедине со своей совестью. «Ненадежные свидетели нам не нужны», – прокомментировал Д.

9.12.2013. Десятый судебный день. Терпила

Никто из свидетелей защиты не пришел вообще. Допрашивали псевдопотерпевшего. Фамилия его, я уже, по-моему, писал, Подболотов. Раньше был по договору, теперь выделили ставку начальника правового отдела газеты. Жучок, крученный-верченный. Таких направляют, чтобы втирались в доверие, профессиональный провокатор. На суде несет околесицу. Что считает: деньги, мной украденные у газеты 20 миллионов, необходимо вернуть. Что поддерживает заявленный на предварительном следствии иск. Д. начинает пытаться про правопреемственность. Две реорганизации – довольно сомнительная правопреемственность. Потом начинаю задавать вопросы я: когда узнал, что нанесен ущерб? Не помнит: «Я тогда не работал», хотя работал по документам. Разоблачаю, начинает блять дальше: «Это экономический отдел обнаружил». – «А разве был такой отдел?» – «Ну, я имел в виду бухгалтерию». – «Почему не подавали гражданский иск и не оспаривали сделки?» Мычит бессвязно. Начинаю пытаться про два иска: оба ли действительны до сих пор? Мычит. К-в раздраженно: «С исками суд сам разберется». И тут, о чудо, терпила говорит, что он отказывается от старого иска. Молчу, не комментирую. Ведь разве можно, отказавшись от одного иска, подавать новый по тем же основаниям? Я уже не говорю о том, что он отказался от имени уже несуществующей организации.

И вот финал. Я: «Вы делали фотокопии при ознакомлении?» – «Нет». – «А как получали материалы дела?» – «У следователя в электронном виде». – «Кому-то из свидетелей вы показывали их показания, данные на следствии?» – «Нескольким сотрудникам показывал». (Оба на – я такой честности не ожидал.) – «С какой целью?» – «Ну, освежить в памяти показания». – «А кому конкретно вы показывали?» – «Масликовой». – «Вы сказали нескольким». – (После долгой паузы) «И Шатову».

Судья задает «рабочий» вопрос про наказание. Дескать, какое наказание нужно применить к подсудимому, связанное с лишением свободы или нет. Для меня это неожиданно. Хуже того, должно быть мерзко и унижительно, что какое-то «чмо» по доверенности от другого

«чма», завербованное третьим «чмом», будет решать – жить мне на условной, но свободе или гнить в тюрьме. Но я ничего этого не испытываю. Наоборот, возникло ощущение, что судья даже мне подыгрывает, собирая основания для «условного». Подумалось, что шансы на посадку уменьшились, но никто не знает, что в голове у прокурорских упырей. У меня давно нет сомнений, что К-в будет дублировать в приговоре срок, запрошенный прокуратурой, ну чуть скостит. Но стоять надо. Надо. Как бы бессмысленно это ни казалось. Увернуться от брошенного жребия, обмануть судьбу. Чтобы потом при каждой неудаче корить себя. Как потом сыну в глаза смотреть? Нет – лучше рулетка.
<...>

10.12.2013. Борьба, брат!

Андрюха Книжник был у меня после обеда озабоченный: он хорошо выспался и приехал в облГАИ ставить тачку на учет не с самого утра. Пятнадцатилетняя «аудюха», взятая по случаю за сто тысяч рублей, с целью перепродажи. Из-за небольшой трещины на лобовом стекле ставить отказались. А добровольные помощники гаишника, которыми всегда кишит смотровая площадка, к обеду растворились. Побегав по окрестностям, Андрюха нашел мрачноватого вида кавказца, предложившего урегулировать проблему за три тысячи рублей. Вставить новое стекло стоит четыре. «Раньше ж тысячу всего брали!» – «Э, что ты хочешь: борьба с коррупцией, брат!»

Андрюхе с этой борьбой не везет. На днях с арендатором его помещения пришлось скидываться пожарнику по тридцать пять за проверку. Думали, что пятеркой обойдется. Не обошлось: борьба, брат! На фоне ситуации Д. с предпринимателем из Аннинского района – это вполне безобидная история.

Наконец нашел Ольгу Симонову, приехал с тортиком. Долго трепались – рассказывал свое движение по уголовному делу, мы полтора года не виделись. Не хотел я светить ее, и без того и ей, и мужу много угрожали во время предыдущих серий этого дела. С тех пор как не виделись, Ольга вышла из второго декрета. Год проработала кредитным агентом. Она теперь босс филиала банка. Прет по жизни как танк. «Всегда было видно, что она не потеряется», – резюмирует Натали.

12.12.2013. Одиннадцатый судебный день. Триста адвокатов

Сегодня сыну восемнадцать. Проснулся в пять писать, а скорее подделывать уже давно заготовленные жалобы. Новое – только «медицина». Подделка Г. справок из поликлиники. Пришел ко мне сынок,

продолбившийся всю очередную ночь в игрушки. Начал ему впаривать про любовь, как заправский проповедник. Дескать, все приложится. Тогда казалось нормальным, без гона. А сейчас думаю, чего это я? Пафос, как будто на тот свет собрался.

В суде получилась сборная солянка из свидетелей обвинения: аудитора Мининой, бывшего начальника управления по СМИ Смольянова, при котором дело началось и меня уволили, и дизайнера Колупаева. От защиты были: секретарь Ольга Симонова, сисадмин Валентин и журналистка Женя Дубровина. Была и Наталья, но очереди своей так и не дождалась.

День был безусловно одним из лучших по результатам. И Валентин, и Симонова подробно разъяснили о Лисовых. Валентин, правда, не знал фамилии, а только имена. Ольга же, наоборот, не знала о существовании старшего Лисова – Алексея, зато хорошо знала и общалась с Романом. Кроме того, Ольга рассказала, что сама раздавала дополнительные зарплаты сотрудникам в 2009 году. Это, видимо, понравилось прокурору. И рассказала, как Свиридова самостоятельно, не ставя никого в известность, подписывала акты выполненных работ по агентским договорам. Это то, что понравилось мне. Показания всех трех бухгалтеров полностью скомпрометированы.

Свидетели обвинения тоже ничего получились. Минаина хоть и ни о чем, но подтвердила, что по проверкам до меня были обращения в правоохранительные органы. Смольянов долго и подробно рассказывал о смысле реформирования государственных газет из формы госучреждения в форму автономного учреждения – тоже лыко в строку. Я начал допытывать Васю, чтобы рассказал об обстоятельствах моего увольнения. Допытал, что никакого увольнения по собственному желанию не было. К-в тут же прокомментировал: «Ну, тогда отстранили бы». – «Я б тогда хоть зарплату получал». Д.: «Зачем это ты?» – «На случай, если восстанавливаться захочу». Вроде шучу. А кто его знает?

Последним был Антуан Колупаев, дизайнер. Он рассказал, что Г. по сути фальсифицировал его показания, не дав внести изменения в протокол. «Вот тут вы не совсем точно записали». – «Это не важно». Для меня это ой как важно. Спасибо, Антуан. Только боюсь, это даже в протокол не войдет.

Кстати, решил не вычитывать протоколы, чтобы не расстраиваться, если криво записали. Все равно, попытка внесения изменений в протокол – это только лишний раз без толку злить судью. Да и никто не даст еще их внести. Разве что замечания приобщат. Отвлечение сил только.

В конце заседания попросил выписать повестки на Дубикова (экс-начальника КСП) и водителя Кадушкина, возившего Свиридову. Кадушкина опрашивали «по согласию» мои старые адвокаты еще два года назад, но он был из тех свидетелей, кого решили Г. на следствии «не отдавать», а оставить до суда. И он может подтвердить, что Свиридова привозила наличку от «юристов». По Дубикову К-в отказал: «Мне и так все ясно, что по проверкам у вас все хорошо было». А по Кадушкину заинтересовался: «Вот кого надо было на следствии за-являть, а не сотрудников правоохранительных органов». Повестку выписал, хотя грузинская прокурорша и возмущалась: «Я против того, чтобы подсудимый сам повестки развозил». Конечно, Кадушкин их приблизит к переквалификации на «злоупотребления», но хотя мало ли как они смогут его использовать.

На Натали времени не хватило, и она расстроилась. В итоге после заседания ее перепалка с Д. вылилась в неожиданный скандал. При начале я не присутствовал, услышал лишь последнюю фразу Д.: «У нас еще триста адвокатов в городе к вашим услугам». После нее Д. ушел демонстративно, ни с кем не пообщавшись. Присутствовавшие при этом свидетели хором стали меня уверять, что Натали ничего такого не сказала и что у меня «странный адвокат». В итоге через полчаса позвонил Д., надо же понять, что у него на уме. Может, он и вправду решил отказаться и мне надо уже нового адвоката искать, чуть ли не извинялся. Все остыли, но видно, как Д. уже надоело мое дело.

Потом поехал искать Кадушкина, но так и не разыскал. Мрачнова-тый дом на окраине признаков жизни не подавал. Соседи сказали, что давно его не видели. Видно, судьба.

15.12.2013.

На завтра допрос последней свидетельницы – Натали. Я начинаю писать показания и последнее слово. С последним – формальность и красоты. Более-менее ясно. С остальным не очень. Надо посчитать сколько раз меня должны оправдать, если применять конкретную норму УПК. Хорошая мысль: раз пять-семь точно получится.

16.12.2013.

Я уже был за рулем, когда Д. позвонил и сказался больным. И было это в 9 часов 10 минут. Сказал, давление подскочило, но по времени звонка (уже начался рабочий день понедельника) стало абсолютно ясно, что болезнь носит дипломатический характер – это просьба К-ва. Стало быть, еще не договорились, что делать с «медициной». Как

мне отказать. Мне все равно предстояло приехать к К-ву. Когда приехал, там уже сидела грузинская прокурорша с томом «Надзорное производство Пирогов». Я такой и не видел – впрочем, это мои проблемы. К-в усмехается: «Что же вы, Пирогов, своего адвоката довели». «Договорились», что показания жены и мои показания совместим в один день. К-в живо поинтересовался, разыскал ли я свидетеля водителя Кадушкина. «Нет. Дом закрыт. Непонятно, живет там, кто или нет».

19.12.2013. Двенадцатый судебный день. Когда мычат прокуроры

В общем, есть моменты в жизни, которые стоят того.

Сначала пытали Натали, она еще с вечера написала показания, но сказали, что ей выступать можно только устно. В общем, в основном подробно говорила про Лисовых. Прокуроша потом пыталась ее про стоимость дома – «не помню». Про Париж, про продавца дома – отказалась отвечать.

По медицине отказали. «Болел?» – «Болел». – «Вот если бы не болел, а он приостановил, тогда другое дело – имел право». Запросить документы не дал, вызвать свидетелей отказал, но имеющуюся у меня справку забрал: вроде как приобщил. Я ловлю шулера-следователя за руку – это служебный подлог, фальсификация доказательств, а мне: «ничего это не значит». Снова ничего не значит.

И наконец я начал давать показания. Мог бы договориться. Мог и не давать вообще – на следствии-то не давал. Более того, если бы мне не отказали в «медицине», я бы и не стал давать в таком виде, а может, и не давал бы вообще, но что сделано, то сделано. Слово назад не воротишь.

Сколько в подсудимых ни ходи, все равно каждый раз, когда даешь показания, сухость в горле неимоверная. Когда закончил – картина Репина «Не ждали» – грузинская прокурорша минуту мычала открытым ртом: «не знаю, что... мне надо... а вот...» – это она так думала, вероятно. Ах, а как она хамила «плохим» и льстила «хорошим» свидетелям, как поучала Мещерякова со Щелоковым, как делать газету. Как воспитывала аудиторов: «Ясно. Плохо проверяли». Когда наконец гособвинение закончило думать ртом, я ей сказал: «Я все сказал уже. Против себя свидетельствовать не желаю. Пятьдесят первая». – «А-а. Занесите в протокол, что он не хочет отвечать на вопросы гособвинения». – «Я желаю воспользоваться своим конституционным правом». В общем, сегодня закончилось четвертое судебное следствие по делу Пирогова, длящемуся четыре года и четыре месяца (444 – прикольно).

Вообще, я не много-то и заявлял ходатайств. Не дали вызвать ни одного сотрудника следствия, ни одного понятого. Теперь вот отказались запросить подлинные документы, установив, что в деле фальшивки. Но я уже ко всему привычный. У нас презумпция невиновности заменяется презумпцией достоверности материалов предварительного следствия. На фига суд, не пойму, Разрешили бы уже нас прямо на рабочем месте... Допросил, во двор и в расход. Какая экономия.

Так называемое «судебное следствие» закончилось. После заседания грузинская прокурорша сказала, что «по этому делу» она ничего не решает, и убежала докладывать мои показания своему начальству, а уж оно будет думать, на сколько лет такого наглеца упечь. К-в тоже будет советоваться в облсуде.

Мне вот, может быть, дней десять на свободе ходить осталось. Однако же доволен собой хожу.

<...>

20.12.2013. Свобода – это то, что у тебя внутри

За своими уголовными делами упустил вчерашнюю «помиловательную» сенсацию. При всей продуманности и эффектности путинского преодоллимпийского пиар-хода и одновременно отсутствии достоверной информации от МБХ не изменилось самое важное: и Путин остался тем, кем был, и Ходорковский остался тем, кем был. И холуи, рассуждающие кто кого «сломал» и «смирил», тоже остались теми, кем были. Суть вещей не изменилась. Она вообще не меняется. Характер, закалявшийся десятилетием тюрьмы, невозможно изменить в один миг.

Написал. Порадовался за Ходора. А потом пошли все эти альбац и собчаки, и я не понимаю: то ли мне жалко уже, то ли обидно из-за понимания, что вот он такой же, как они. Да, сложно быть памятником самому себе. Мученик – да, но за полтора суток стало ясно, что это чужой мне мученик. Может, это и подсознательная ревность из-за нежелания садиться в тюрьму. Он – оттуда, я – туда. Да. Очень точные слова сказал про МБХ тот, от кого и не ждали, дьякон Кураев: «Я рад, что благодаря его многолетней работе в своей душе его (и отчасти наш) мир оказался интереснее и человечнее, чем можно было предположить».

Смотрели пресс-конференцию МБХ всей семьей, даже сынок проникся, что совсем уж редкость. «И мне кажется, ему задают совсем не те вопросы. Ему есть что сказать о чем-то гораздо более серьезном, чем Олимпиада в Сочи» – это снова цитата из Кураева. По прессухе,

которая стала главным информационным событием нашего земного шарика, видно, насколько МБХ внутренне крепкий мужик стал. Но это не тот мужик, за которым бы я поднялся из окопа. Да он и звать никого из этого окопа и не будет – сам сказал. А Натали в восхищении, проводит ребенку ликбез по истории жизни Ходорковского. Строит на него планы с моей посадкой: «Вот он создаст фонд для политзэков, и я ему про твое дело напишу». У меня тихо растет то ли ревность, то ли уже классовая ненависть.

А еще зло на Ходора за то, что он, именно он, «съел» широкую амнистию. Амнистия для женщин с детьми, малолеток и стариков. И МЕНТОВ. Выпускают ментов только потому, что они были ментами. Издевательская амнистия. И теперь уже ясно, что в контексте с амнистией было помилование Ходора. Путин не хотел, чтобы выход Ходора произошел на общих основаниях. Без его личного участия, поэтому кинул, бросил гнить сотню-другую тысяч ненасильственных, даже с самыми маленькими сроками зэков. Мерзость. Я уговаривал себя, что не воспользуюсь амнистией, но она ведь сидела в голове. Сидела. И она давала мизерный шанс закончить мое дело с минимальными потерями. Теперь ясно, что предстоят еще и еще круги судебного ада. Вопрос только – с условного или с кичи.

22.12.2013. Готовлюсь к прениям. До сих пор ничего не написано

На подготовку к прениям судья К-в отпустил четыре полных дня, назначив заседание на два часа дня 24 декабря. Уже то, что в обед радуется. Мучительная бессонница перед заседанием не страшна будет. Высплюсь – и в тюрьму.

Сайт «Блокнот» присылал на прошлое заседание корреспондентку, потом вывесил отредактированную компиляцию моих показаний. Над редактированием явно потрудились ребята в погонах с целью вывести из себя прокуратуру и облсуд. В таком виде текст провисел полдня, потом после нашей с Натали просьбы редактор сайта Дима Носков заменил провокационный текст на настоящие показания.

Натали двое суток в полной истерике: «Теперь тебя точно посадят. Хотел покрасоваться в “Фейсбуке”. Ты меня всегда подставлял. Зачем нужно было трогать Х.? Могли бы Новый год вместе встретить. Я же видела судью, если бы ты не тронул Х., он бы тебя не посадил». Кру-глосуточный вынос мозга, и в ответ, конечно, вместо подготовки к прениям мелкое бытовое пьянство. Бутылка красного в день – это не так уж и пьянство, но и не работа. С утра до ночи слушаю «Ленинград».

Натали вчера пришлось ездить оперировать Иву, наевшуюся накануне целлофана. Это ее как-то отвлекло от моих проблем и успокоило. Целлофана в желудке, кстати, уже не оказалось. Считай, что все обошлось. Если не считать, что опять последние деньги потрачены. Еще и Хонда со дня на день родит: «Ну ты, Пирогов, как в воду глядел, решил повязать, чтобы она в день твоего приговора родила». Натали грустно, но смеется. Пишет: «Что такое быт? Это когда думаешь, как уместить в один день укладку, приговор мужа, корпоратив и кошкины роды».

Под пресс-конференцию Ходора успел набросать план текста по прениям. Минут за сорок уложился. Времени на сам текст остается ночь и день. Осложняется все тем, что надо все время ссылаться либо на нормативную базу, либо на конкретные места в уголовном деле. Последнее даже сложнее – долго искать по времени. Все в памяти, но не постранично же. По ходу набросал и черновик «Последнего слова». Прения же не даются. Но надо сделать первый шаг. Начну-ка я со ста пятидесяти коньячку этот шаг.

Накатил. И вот в «Блокноте» неожиданно появляется комментарий к моим показаниям: «Фамилия лжесвидетеля и псевдопотерпевшего Сергея – Коптев. На его показаниях Г. с Щепкиным осудили и сделали инвалидом бывшего начальника Железнодорожной инспекции Минакова. Описанные методы очень знакомы. Игорь». Ух ты. Надо будет дополнения к показаниям и ходатайство о запросе дела Минакова из облсуда – проверил по Интернету, он раскаялся по «взятке» и получил весной этого года приговор в виде штрафа 5,6 миллиона. Ответил там же, в комментариях, если что, пусть видят враги: «Для Игоря – вывесите, пожалуйста, здесь номер уголовного дела Минакова. А еще лучше, если есть, что сказать про Щепкина, Г. и дело Минакова, приходите с паспортом прямо в Ленинский суд во вторник 24 декабря к 14.00. Судья Курьянов, третий этаж. Со мной можно связаться через Фейсбук. Пирогов».

В общем, ночь на дворе, а я еще и не начинал текста прений. Есть только написанное еще днем оглавление.

23.12. 2013. Несостоявшееся последнее слово

День переполз за полночь, а прения так и не пишутся – ну ни строчки. Показал Натали черновик последнего слова: «Сложно двумя словами сказать, что испытывает человек на четыре с половиной года выкинутый из нормальной жизни и вынужденный не по своей воле бороться со страшной системой, называемой «правоохранительные органы». И я ведь даже не за справедливость боролся, а за простое

и прямое соблюдение законности в моем деле. Я ведь реалист и не сильно рассчитываю на оправдательный приговор. Наверное, наверняка, если бы я отказался от борьбы, я бы получил какое-то мягкое или совсем символическое наказание, и это бы устроило все стороны, участвовавшие в процессе. Наверное, физическая свобода человеку важнее, чем эфемерные понятия. Но мое сопротивление этой системе – это мое достоинство. Самое главное в жизни человека – это сохранить свое человеческое достоинство вопреки всему. Потому что человек без достоинства – неполноценный человек, а я не хотел бы дальше жить неполноценным человеком. У меня сын растет, и мне надо подавать ему пример.

Я хотел бы еще раз вспомнить статью УПК.... И надеюсь, что вы, ваша честь, в совещательной комнате будете вспоминать и примените те статьи УПК, которые должны быть применены в настоящем деле: 162-ю, особенно часть 2 – и часть 6, 237-ю, на полном игнорировании которой постоемо все это дело, и связанную с ней по смыслу 252-ю. Вспомните все возможные из толкования и разъяснения Верховным и Конституционным судами.

Говоря, что я не верю в оправдательный приговор, я не выражаю тем самым недоверие или неуважение к суду. Знаете, когда мне было четырнадцать лет, я впервые выпил водки, причем много – были похороны соседа. Дома стало плохо, и я блевал, всю квартиру заблевал. Утром отец невозмутимо сказал мне: «Каждый свое дерьмо должен убирать сам». Я убрал за собой и с тех пор не блюю.

Это уголовное дело – полное дерьмо. Вы это знаете, гособвинитель это знает, президиум облсуда, вернувший это дело на новое рассмотрение, это тоже знает, и лучше всех это знает следственный комитет. Верните его тем, от кого оно пришло. Пусть постараются убрать за собой».

В общем, сказала, что это для Фейсбука, а не для суда, что литературные изыски мои никто не оценит. И что, вообще, она за мной блевотину не раз убирала. Так что мне придется этот сюжет выкинуть. И, конечно, в пример привела Ходорковского про практическое, утилитарное отношение к судебным документам. А то я не читал его пафосных судебных речей про «мы за все хорошее, а вы за говно/ бьетесь словно коршуны, ждете уж давно,/ что падут головушки в золотую рожь...» Нет, нас не на@бешь.

<...>

24.12.2013. Приговор завтра

Грузинская прокурорша попросила пять лет реального срока. Плюс запрет занимать какие-то муниципальные должности, плюс иск в полном объеме на 20 миллионов. К-в сидел черный. Потерпевший присутствовал, даже что-то сказал. Д. выступал очень качественно. Так что, если я тут какие глупости про него писал, – в очередной раз беру слова обратно. Приобщить ничего не дали. Последнее слово без пафоса, без бумажки: «Я понимаю все формальности. Наверное, тут надо сказать, зачем все это было мне надо. Если бы прекратил борьбу, я бы остался без своего человеческого достоинства. А без него человек – неполноценный. Так что еще поборемся». Приговор на утро завтра. Если что, ходить на свободе осталось один вечер. Заеду к Андрею Книжнику за деньгами – надо же поужинать последний ужин. Как на-зло, Д. не сможет присутствовать – у него процесс завтра. Одному на приговор нельзя. Д. до конца не верит, что дадут реальный срок. «Я надеюсь на благоразумие судьи». Говорит, может, даже переквалифицирует «растрату» в «злоупотребления».

Самое сложное было позвонить Натали, но она, как чувствовала, позвонила сама. Рассказал, и про черное лицо судьи тоже. Говорит: «Точно посадят». Лишь бы не было истерики вечером. Сиволдаев, Цапин – ничего не успею. Жаль. Что испытывает человек? Да ничего. Не верю до конца. В любом случае все, что ни делает Бог, все к лучшему. Посадят, значит, надо пройти. Не посадят – хорошо. Главное, оставаться собой и продолжать бороться.

Делаю буженину, открываю армянский коньяк, пластиковое все купил, термобелье тоже. Нет только пластмассовой ложки – не продают их в супермаркетах. В общем, собраться в тюрьму оказалось довольно просто.

Все – конец истории. Дальше будет новая серия. Доволен ли я собой? А разве для этого...

Владимир Шаман

Взгляд через годы

Вместо предисловия. Школа на зоне: уроки по программе или душевное общение?

Есть в жизни исправительной колонии – зоны – одна сторона, о которой нечасто вспоминают. Это школа, и в ней я работаю учителем русского языка и литературы. Не секрет, что школа в колонии сейчас представляет собой странное явление. Долгожители-учителя в нашей школе еще помнят то время, когда на уроки шли именно те, кто хотел получить образование или (как минимум) аттестат об этом образовании, потому что жизнь впереди лежала длинная и лишний документ не мешал, а в иных случаях и помогал лучше устроиться «на воле». Сейчас все изменилось, причем не всегда понятно, что же с этим образованием и этой школой делать. С одной стороны, есть Указ президента о том, что все лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы и не достигшие 30 лет, обязаны получать среднее образование вне зависимости от желания самих осужденных, поэтому начальники отрядов, отчитываясь о выполнении Указа, регулярно отправляют этих самых лиц, отбывающих наказание, на уроки. С другой стороны, эти самые лица забыли про школу давным-давно, да и в былые времена в свои 7-е или 8-е классы ходили только для того, чтобы увидиться с приятелями, пообедать в школьной столовой, сшибить немного денег у маменькиных сынков, очкариков да чтобы училка домой не бегала слишком часто, не жаловалась мамке на прогулы и безобразия, которые творил непутевый сынок, тем более что «все эти запятые, подлежащие, прочие причастные обороты вместе с синусами и строением черепа галки для полной цепи с жаберной крышкой в кислотной среде при царе Иване

Скольконадцатом в жизни обычному человеку совершенно не нужны», как убеждал меня один из учеников.

Сказать, что он совершенно не прав, я не могу – до сих пор в стране есть масса профессий, дающих толстый слой масла на солидный кусок хлеба и без всякого образования: самый толковый электрик в нашей колонии, способный устранить любую неисправность, учится у меня уже третий раз в 7 классе и про закон Ома даже не слышал. Впрочем, учится он только на бумаге, потому что за ним регулярно прибегают дневальные с воплем: «Леха, бросай все, в котельной напряжения нет!» Да, у нас не только в колонии, но и в стране еще долго будет полно таких рабочих мест, где нужно плоское тащить, а круглое катить, и за это будут платить, конечно, не очень большие деньги, но на пиво хватит. А если без насмешки, то в России сейчас качественное образование совершенно не является гарантией достойной зарплаты и обеспеченной жизни, и мои ученики прекрасно это знают.

Но учить этих нестандартных школьников нужно, и поэтому учителя школы в колонии стремятся создать то, что красиво именуется «привлекательным образовательным полем». Это и насыщенность уроков видеоаудиотехникой, и учебные фильмы, и приглашенные в школу с беседами и лекциями специалисты. При этом учителя математики взывают к здравому смыслу: «Вот будешь ты строить себе дом – тебе нужно рассчитать, сколько шифера требуется на крышу, сколько досок на облицовку, где поставить колодец, иначе набранная тобой бригада такой счет выставят...» А физик и химик добавляют: «И какой мощности должен быть насос, чтобы обеспечить водой весь участок и второй этаж твоего коттеджа, и как далеко колодец должен быть от компостной ямы твоего соседа...»

Литераторам несколько проще, потому что урок литературы – это единственное время в жизни осужденного, когда можно поговорить о любви, о женщинах и мужчинах, о семье и чувствах без необходимой для битого зэка пренебрежительности («Все бабы стервы!»), а я могу не только завладеть вниманием своих взрослых учеников фразой на первом уроке 1 сентября: «Мы будем весь год читать только книги о любви!» – но воздействовать примерами из классики, а также и эпизодами из отличных фильмов, которые раскрывают душу вернее и ярче, чем опытный друган из твоего «проходняка» – мой умный ди-

ректор, очевидно, предчувствуя трудные финансовые времена, тратил бюджетные деньги, отпускаемые школе, и на видеотехнику, и на покупку хороших русских экранизаций известных книг, поэтому я могу показать и «Войну и мир», и «Отцы и дети», и «Жестокий романс», и «А зори здесь тихие», и «Ромео и Джульетту», и «Барышню-крестьянку», и актеры в этих фильмах прекрасные, еще той, советской школы, и, кстати, смотрят эти фильмы очень хорошо – американские стрелялки или наши, российскийские, подражания уже поднадоели.

А еще я провожу школьные творческие конкурсы и сочинения. Мои взрослые ученики довольно охотно пишут сочинения. Конечно, если бы я задал тему: «Нравственные искания героев Ф.М. Достоевского в романе "Преступление и наказание"», то все демонстративно закрыли бы тетради. А вот над темой «Как ты воспринимаешь рассказ Сони Мармеладовой о том, что заставило ее стать проституткой?» мои многоопытные и много всего повидавшие ученики с жаром трудятся, доказывая, что девушка не может, не должна... И я с тихой радостью отмечаю, что эти уркаганы, эти зэки, эти з-з-злодеи в глубине души все равно видят девушку тихой и нежной, способной понять и простить, согреть душой... или, как с каким-то отчаянным выражением произнес один из моих учеников, «встретить бы девочку в белых носочках, а не с бутылкой пива!». На мой робкий вопрос: «Может, ты не там искал, ведь не зря наши бабушки говорили, что невесту ищут в огороде, а не в хороводе», – этот философ со смутным взглядом ответил: «Вот выйду – поищу в библиотеке».

Нет, конечно, не все и даже не очень многие пишут такие сочинения. Но это прекрасный способ выплеснуть те чувства, которые тебя переполняют, разрядиться эмоционально, а я еще добавляю куража, сообщив, что у Генки напечатали его стихи в «Неволе», а рассказ Сергея опубликован в журнале «Нарконет», а Костя прошел во второй тур конкурса стихов памяти Ошанина... Что, плохо выйти на волю с журналом в руках, где твоя фамилия? Да, многие смеются: «Лучше выйти на волю не с журналом, а с бутылкой в руках!» – но кто-то и задумывается.

Результатом одного такого творческого конкурса стала работа моего ученика, одиннадцатиклассника, которую я представляю сейчас вашему вниманию. Человек очень сложной судьбы, полный и принципиальный одиночка, оказался в на-

шем городе проездом, попал в драку, получил срок, ни родных, ни друзей, никакой поддержки, но сумел сохранить себя, не сломаться, да еще и выразить себя в слове. Здесь, в колонии, он начал писать стихи, очень необычные, такие своеобразные баллады о былом, случившемся с ним или с его друзьями, а потом и очень личную прозу. Это действительно и крик души, и попытка понять самого себя и то место в жизни, которое ты занял, и раздумья над тем, как идет эта жизнь и почему именно так. От себя добавлю, что как-то править это очень откровенное, личное повествование я не посмел, только убрал слишком уж заметные (и, кстати, не очень частые) ошибки в словах да расставил пропущенные знаки препинания.

Игорь Холодяков

Странно, что человек не может быть до конца откровенен даже с самим собой, но зато полностью доверяется бумаге, причем глупо и наивно надеясь, что она способна сохранить тайну лучше самого близкого человека, проверенного годами.

У меня нет ни одного близкого или дальнего, кому я мог бы довериться, откровенно поговорить, излить душу, поэтому я предпочитаю бумагу: она не предаст, не оскорбит и не осудит, тем более в наше непростое время, полное обмана и фальши; она молчаливо стерпит, и ее можно просто сжечь, уничтожив все свои откровения, мысли, которые понятны тебе, но которые сложно объяснить другим, твои минутные слабости и душевные порывы, все то, чем ты не хочешь делиться ни с кем.

Каждый человек когда-нибудь задавался вопросом: «В чем смысл жизни?» И каждый человек имел на него свой, именно свой, ответ. До недавнего времени смысл моей жизни заключался лишь в одном: найти и убить собственного отца за обиду, нанесенную мне в детстве, которая, как я считаю, испортила мне всю жизнь. Когда мне было шесть лет, он практически у меня на глазах убил маму. Я помню почти до мелочей ту ночь, все удары, все крики и стоны, пол и стены, забрызганные кровью, ее тело, почерневшее от побоев и все в крови, но она была еще жива, она пыталась улыбнуться мне сквозь боль – это был последний раз, когда я видел ее живой. Я был бессилен что-либо сделать, даже моя попытка напасть на него с кочергой не помогла. В ту ночь вместе с мамой умер и я.

Утром его забрала милиция, а меня отправили в детский дом. С шести и до двадцати четырех лет меня не покидала жажда мести. Именно тогда, над гробом матери, я поклялся во что бы то ни стало отомстить,

и это стало смыслом моей жизни. Я не жил, а существовал, выжидая времени и часа. Мне был двадцать один год, когда он должен был освободиться, но он вышел по УДО, и я потерял его след. За все это время он не написал мне ни одной строчки. Оставшиеся три года я потратил на его поиски, и они увенчались успехом, хотя он уже был в другой стране, но это для меня не было помехой.

Без всяких средств я отправился через всю страну, с Дальнего Востока автостопом на Украину, где и должен был закончиться мой путь, где должны были прерваться две жизни: его и моя.

Время от времени я останавливался и зарабатывал деньги на дорогу. Одна такая остановка пришлось на этот город. Я нашел работу, а в один из выходных решил погулять по городу, но случилось то, что иногда происходило со мной: на меня четко и ясно напали воспоминания ночи, пережитой в детстве, а от них я избавлялся только конскими дозами алкоголя. В остальное время я не пил вообще.

Я пил в каком-то парке, мешая водку с коньяком, утром, едва стоя на ногах, брел, сам не зная куда, главное было не заснуть, выветрить алкоголь. Я прислонился к дереву, и тут проходивший мимо человек, тоже нетрезвый, оскорбил меня, как это пишут в протоколах, «на национальной почве». Мне всегда не нравились мои торчащие уши и разрез глаз, но вот так неожиданно, да еще нецензурно... Меня с детства дразнили ушастым и узкоглазым, я воспринимал это близко к сердцу, но один раз дал себе обещание, что больше не оставлю оскорбления без ответа, и с тех пор никогда не нарушал это слово. Я кликнул парня, возникла словесная перепалка, в результате я его ударил, он упал и потерял сознание, я хотел уходить, но в этот момент на меня обрушился град ударов – это был его брат.

Дальнейшая цепь событий для меня потерялась, до сих пор я помню лишь отрывки: два удара в затылок, тьма в глазах, вот я стою с ножом в руке, сразу же мелькает мысль, вбитая в голову еще в юности: «Взялся за оружие – иди до конца!» Я ударил в живот и попал.

Время для меня как будто остановилось, я почувствовал, как нож входит в тело до упора, как какая-то волна энергии разливается по руке, подобно удару тока, пронизывает мою руку от кисти и до локтя, придавая ощущение силы, власти, мощи, как мгновенно это ощущение исчезает, но появляется дикое желание испытать его опять, еще раз, и тогда я наношу второй удар, третий, но больше этого чувства нет, лишь только то, как нож входит в тело...

Я отпрыгиваю от противника, а он стоит и смотрит на меня, и я думаю: «Если он сейчас не упадет, то я ударю в ямочку за ключицей».

Он набрасывается на меня, я бью его, и он падает. Во мне вспыхивает какая-то буря эмоций, но над всем преобладает страх и отчаяние, что пути назад уже нет. Я тут же решаю, что нужно перерезать горло и второму, потом бежать, но взгляд мой упирается в черный глазок пистолетного дула. «Бросай нож!» – кричит мужчина с пистолетом, и я понимаю, что это конец. В голове роятся мысли: «Бросай в него нож и беги!»; «Нет, не успеть!»; «Главное – схватить нож поудобнее!».

Я напрягаю руку для броска и понимаю, что мне не успеть, и я подчиняюсь приказу.

– Стой, не стреляй! – говорю я и убираю нож в карман куртки. В этот момент я резко пригибаюсь, прыгаю вбок и бегу, сзади раздается выстрел, но я только втягиваю голову и бегу. Сердце бешено колотится, а горло пересохло до такой степени, что невозможно вдохнуть. Я остановился. Несколько секунд – и двое мужчин возле меня, у одного наручники, у другого пистолет, но затворная рама уже в заднем положении, значит, он стрелял много раз, пистолет разряжен, а я не слышал. На запястьях защелкнулись браслеты, и меня повели туда, откуда я только что убежал, и только сейчас я почувствовал боль: в меня дважды попали, джинсы сзади пропитаны кровью.

Приехала «скорая» и забрала двоих пострадавших, несколько милицейских машин, какая-то суета, все идет мимо меня, наконец меня усадили в машину и увезли в участок. Полдня меня продержали в «аквариуме», от нечего делать я выковырял одну пулю из ноги, вторая была слишком глубоко. Потом допрос, заключение под стражу на время следствия, затем в больнице зашили раны и увезли в изолятор временного содержания. Я заснул сразу же, как лег на шконку.

Первое, что я почувствовал, когда проснулся, это боль в ноге и страх, страх оттого, что все произошедшее было не сном.

Меня увезли в СИЗО и положили в санчасть, в палату, где было еще около десяти человек, все в наколках. Страх стал еще сильнее, но теперь я уже боялся за свою жизнь и здоровье. Я смотрел на этих людей даже не моргая, ожидая нападения, и был готов стоять до конца, защищая себя, даже убивать, если кто-то попытается напасть, но все мои опасения оказались напрасны, людьми они были приветливыми и даже доброжелательными, мне налили чай, я рассказал о себе и тут же получил «погремуху», «погоняло» – я назвался так, как звали в детстве – Шаман.

Полмесяца пролетели незаметно, многие вещи, которыми занимались подследственные, я не понимал, для чего и как делается, потом все стало ясно.

Потом меня перевели в камеру, и я был удивлен тому, как люди приспособляются к выживанию, и все действия и приспособления были и просты, и уникальны одновременно, все имело смысл и цель.

Потом меня начали «учить понятиям», рассказывать о будущей жизни, говорить «за лагерь», но какое-то время спустя я замкнулся в себе, здесь говорят «загнался». Меня мучили и совесть, и страх перед неизвестностью, но преобладало отчаяние и невозможность что-либо изменить. Я начал ненавидеть себя за все свои поступки, за свою жизнь, но больше всего сожалел о том, что не смог добраться до отца.

В СИЗО люди все свое время проводят в камере, в которой почти всегда не хватает места, но самое главное заключается в том, чтобы настроение, отчаяние тебя не одолело, «не загоняло». Сидеть в тесном пространстве месяцами, видеть только зарешеченные окна было почти невыносимо, время приобретало иной ход, оно будто переставало двигаться, стояло на месте. Три раза в день приносили еду, подавали через окошко в двери. Двери – «тормоза» – постоянно закрыты, только на утренний и вечерний счет открывались, да когда выводили на полтора часа в день на прогулку в «дворики», где небо все равно было видно через решетку, или когда кого-нибудь забирали на «слезку» – вызывали к следователю. Мне, привыкшему к дороге, к простору полей, к широкой тайге, любителю природы, в основном дикой, было совершенно невыносимо сидеть в маленькой камере. Дошло до того, что я проклял все на свете и решил «наглухо вскрыться» – перерезать вены, чтобы умереть, но у меня это не вышло, смог лишь пару раз чиркнуть по руке мойкой, и меня уволокли к врачу.

Какое-то время сокамерники, а среди них были и те, кто уже сидел раньше, изо всех сил меня поддерживали, прежде всего морально, а потом я незаметно привык к монотонному режиму.

Вся моя надежда была на возможность условного срока, но суд вынес приговор: «Три года общего режима», – и вернулись отчаяние и безнадежность. О лагере, куда я должен был попасть, рассказывали много страшных вещей: о том, что там «сажают на пику», делают инвалидами, «петушат», но большинство этих рассказов оказалось байками, страшилками для укрепления морального духа, а я, наивный, всему верил, поэтому на этап ехал, готовый убивать всех и каждого, кто хоть попытается ко мне прикоснуться, но мои предосторожности оказались излишними, хотя пару месяцев я просидел на шконке, готовый ко всему, почти не спал по ночам. Из всего, что рассказывали о лагере, правдой оказался только жестокий режим со стороны администрации,

а вот сами зэки «жили по понятиям», и если ты их соблюдаешь, то со стороны заключенных тебе ничего не грозило.

Я попал в колонию в переломный момент, при мне в последний раз, по словам старожилков, сделали человека инвалидом перед освобождением, избив до полусмерти за то, что он курил в «стакане». Кто не знает, скажу, что это у нас маленькая камера с прозрачными стенами-решетками из толстых прутьев с одной лавкой, где могут держать зэка, поймав на нарушении или придравшись к чему-то (было бы желание, а найти у зэка нарушение всегда можно!). В этом стакане могут держать часами и сутками, не выпуская даже в туалет, без еды и воды, что и проделали с этим парнем, а вдобавок избили, но он решил бороться, подал в суд, кого-то уволили, кого-то понизили в звании или должности, но только откровенные избиения прекратились, но он, возможно, заплатил за это своим здоровьем.

Когда я приехал в колонию, «баланда» в столовой была не просто плохая – очень плохая. Можно было найти в миске и тухлое мясо, и опарышей, и гнилую картошку, и черную капусту. В рыбном супе тоже водились опарыши, а в каше встречался крысиный помет. На обед в тарелках плавали куски волосатого свиного сала, мы называли это «шкура белого медведя». После нескольких проверок из Москвы питание явно улучшилось, но бытовые условия в бараках лучше не стали. Я еще застал то время, когда клопы не давали спать по ночам, блохи грызли ноги, а в дождь многие шконки были влажными из-за прохудившейся крыши. Что происходило зимой, вспоминать не хочется...

За два года, что я здесь провел, изменилось очень многое, главное, начали делать ремонт в бараках, и поэтому резко уменьшилось количество больных. Теперь мы, те, кто застал прежние времена, живем как в раю, но молодые, приходя, ужасаются местному быту.

После того как я немного «отдулся», освоился на новом месте, пришел в себя, мне стали «доводить» принципы здешней жизни, объяснять «по понятиям» лагерную жизнь, и разница между тем, что рассказывали в СИЗО, и тем, как реально живет колония, была огромной. Здесь очень трудно, а может, и невозможно, остаться одиночкой. У каждого заключенного есть своя «масть», своеобразная ячейка общества. Большинство – это «мужики», те арестанты, для которых честь, достоинство, порядочность являются самым ценным в жизни, они поддерживают «понятия» и живут «общим», то есть уклад, образ жизни, арестантский этикет для них важнее всего. «Общее» для арестанта свято, ведь именно это помогает ему сохранить человеческий облик, не дает стать зверем, у которого только свое на уме.

Есть активисты, «козлы», – заключенные, работающие на администрацию лагеря. Есть пинчи (мне расшифровали это название: Путь Их Ниже Человеческого). Это те заключенные, которые убирают бараки, территорию, моют туалеты. Обычно в эту категорию попадают заключенные, чьи преступления вызывают отвращение даже у уголовников, в основном это насильники, педофилы, людоеды и им подобные.

Есть «петухи» – те, кто был изнасилован на воле или готов отдать себя за сигареты, конфеты, чай. Кстати, именно сигареты, конфеты, чай – это единственная валюта в лагере, это самое необходимое, за исключением средств гигиены, а для тех, кто не может себе это позволить, существует «общак». Это та корзина, куда может обращаться каждый нуждающийся. Обязанность каждого порядочного арестанта – поддерживать «общак», чтобы он никогда не был пуст, ведь есть такие, как я, у кого нет никакой помощи с воли.

«Воров в законе», или «бродяг», я не застал, зато есть «стремяги» – те, кто не просто стремится в воровскую семью, но и хочет занять в ней видное место. Есть и «положенец» – тот, кто смотрит за «общим» в лагере, кто разруливает все конфликты. Я живу «мужиком» и, естественно, придерживаюсь «понятий».

После того как я осмотрелся на новом месте, я начал знакомиться с другими арестантами. Сидели, пили чифир с барабульками и разговаривали, каждый рассказывал о себе – это традиция, ты должен знать, с кем живешь в одной секции.

Полгода прошли незаметно, а потом началось то, через что проходит каждый заключенный: тоска по дому, по воле, по родным, невозможность просто побыть одному... Дальше приходит полоса, когда ты начинаешь как-то переосмысливать прежние жизненные ценности. Человек, не имеющий никого, без поддержки с воли, ощущает это намного острее. Поддержка, прежде всего моральная, вот то, что помогает держаться, жить ради чего-то или кого-то, не становиться зверем, хотя даже после всех перемен условия жизни здесь такие, что не стать зверем очень тяжело. Я потерял сочувствие, сострадание, жалость, но где-то в душе, в самой глубине, теплились искры этих чувств, хотя я понимал, что они постепенно угасают, вырастает стена злости и ненависти.

Я помню тот переломный момент, то состояние, когда здесь, не имея практически ничего, я потерял то единственное, что помогало мне противостоять всем ударам судьбы, то, что грело душу, то, что я бережно хранил с самого детства, – это была старенькая, черно-белая фотография моей матери. Я хранил ее все девятнадцать лет, пока в

один из дней во время шмона на бараке ее выкинули, а я в это время был в училище на занятиях.

На шмоне вместе с вертухаями присутствуют козлы и пинчи, они наводят марафет после шмона. Козлам заходить в проходняк (две двухъярусные кровати, тумбочка между ними для личных вещей) можно, а пинчам нет, они вообще не имеют права прикасаться к чужим личным вещам. Когда я вернулся, многие уже приводили в порядок вещи в своих проходняках, у нас же все было «взорвано», но это и не удивительно, ведь сотрудники обычно так и поступали – приводили в негодность почти все, что могли: ломали тумбочки, вырывали доски из пола, раскидывали вещи.

Я сразу же стал перебирать вещи, что-то осталось, а что-то выкинули, но главное – фотографию. В этот момент я понял, что у меня не осталось больше ничего из того, чем я дорожил бы так, как и жизнью. У меня отняли единственную вещь, которая была для меня святой.

Я спросил у козла, кто шмонал мой проходняк, ему хватило одного взгляда, чтобы понять: я буду узнавать ответ любым способом, даже если мне придется пойти на крайние меры, и он назвал имя вертухая. В этот момент мне было совершенно все равно, мне были безразличны последствия, ведь у меня второй раз отнимали мать.

Я достал из «курка» заточку и пошел в дежурку, чтобы найти его, но там его не было, это вообще был последний день его работы в колонии. Но для меня этот день стал границей, я понял, что в этот день потерял привычный страх перед смертью, уже был готов идти до конца, даже убивать, и стал готов к тому, что убьют меня.

Другой случай произошел, когда в лагерь вошли «маски» – сотрудники ОМОНа – на плановый шмон. Я был в школе, на перемене все вышли в курилку, но зашедший к нам омовец в маске стал орать, чтобы все вышли. Все так и сделали, остался один я, курил – это не запрещено, перемена! Это я ему и сказал, что его взбесило: какой-то ээк нагло не выполняет его требования! Он выцепил меня после окончания уроков и приказал «встать на звездочку» – руки в стороны, упереться в стену, ноги шире плеч. «Маски», войдя в лагерь, имеют полную свободу действий, им же нужно показать, что они хозяева положения, даже если они превышают полномочия, то есть просто избьют заключенных до полусмерти, им ничего не грозит, ээки просто бессильны. Я подчинился, встал так, как он велел, и тогда он ударил меня берцами по лодыжкам. Я сжал зубы от боли, вытерпел, а потом попросил больше так не делать. А в ответ он ударил меня еще раз. Я выпрямился, резко повернулся к нему. Не знаю, что он прочитал у

меня на лице, но он схватился за резиновую дубинку, а я еще раз твердым голосом попросил еще раз и отвернулся к стене. Он спросил:

– Ты что, самый о..евший?

– Нет, – ответил я.

– А почему так себя ведешь?

– А разве я был не прав?

– Так ты ищешь правды и справедливости? Здесь их никогда не было и не будет!

Его слова я запомнил, я понял, что он прав, но для себя я решил раз и навсегда: «Если я прав, то буду за свое стоять “до талого”!»

Был еще случай, может быть, незначительный, но для меня важный: есть на лагере сотрудник, про которого говорят, что у него «февраль в голове». Считается, что с ним лучше не связываться. Вот он-то и докопался до меня, утверждая, что у меня нагрудный знак пришит неправильно, хотя я твердо знал, что все нормально. Возникла словесная перепалка на повышенных тонах, он меня обложил нецензурно, я ответил так же, тогда он приказал идти в «стакан», я повернулся и ушел в барак, в душе я был готов ко всему, только дальше ничего не последовало. Он встретил меня еще раз, мы спокойно поговорили и поняли друг друга.

Эти три случая выходили за рамки обычной жизни, но в целом у меня репутация человека спокойного – правда, только в том случае, если меня не задевают. Об этом знают и зэки, и сотрудники. С моим характером, да еще в наших условиях трудно избежать «кичи» – штрафного изолятора. Пока мне это удается.

Конечно, жизнь на зоне может показаться адом, однако человек ко всему привыкает, умудряется приспособиться. Здесь человек легко доходит до такого состояния, что под натиском обстоятельств, не зависящих от него, способен пойти на самые радикальные меры, невзирая на последствия, но зачастую приходится самому себя обуздывать, приложить немало усилий, чтобы избежать этого, и все-таки решительность порой достигает предела.

Доклад о неэффективности бюджетных расходов на уголовно-исполнительную систему

В рамках поручений Президента и Председателя правительства РФ о сокращении дефицита бюджета и ограничении неэффективных расходов представители общественности в лице Института проблем современного общества провели анализ структуры бюджетных расходов, в ходе которого самыми неэффективными расходами были признаны расходы на Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН).

Объем расходов. В структуре бюджета расходы на ФСИН занимают 6-е место, их доля составляет 2,2% – больше, чем расходы Минздрава, Минсельхоза, Минпромторга или Минтруда.

Бюджет ФСИН на 2015 г. был скорректирован в сторону понижения почти на 10%, аналогичные сокращения были произведены и по другим силовым ведомствам (МЧС, МВД). Однако с учетом массовой амнистии к 70-летию Победы сокращение бюджета ФСИН явно недостаточно, в ходе амнистии из мест лишения свободы планируется освободить до 60 тыс. чел., т.е. примерно 9% от общего числа содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. При этом о соответствующем сокращении штата сотрудников ФСИН не сообщалось.

Следует отметить, что штат уголовно-исполнительной системы непомерно раздут, общая численность сотрудников ФСИН составляет 325,5 тыс. чел., притом что в местах лишения свободы содержится всего 668 тыс. чел., т.е. соотношение составляет 1:2 (один сотрудник в расчете на двух заключенных), что явно чрезмерно с учетом использования современных средств автоматизации и контроля, на закупку

Табл. Основные бюджетные расходы Российской Федерации на 2015 г.

	Расходы		Изменения	
	млрд руб.	доля в бюджете	млрд руб.	в %
Всего бюджетные расходы	12 139	100,00%	-194	-1,57%
Министерство финансов РФ	4 759	39,21%	311	6,99%
Министерство обороны РФ	1 585	13,06%	-57	-3,49%
Министерство внутренних дел РФ	1 032	8,50%	-107	-9,41%
Федеральное дорожное агентство	517	4,26%	-56	-9,84%
Министерство образования и науки РФ	388	3,20%	-21	-5,24%
Федеральная служба исполнения наказаний	266	2,19%	-28	-9,51%
Министерство промышленности и торговли РФ	236	1,95%	-3	-1,39%
Министерство сельского хозяйства РФ	211	1,74%	15	7,91%
Министерство здравоохранения РФ	188	1,55%	-9	-4,60%
Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий	178	1,47%	-21	-10,69%
Федеральное космическое агентство	165	1,36%	-16	-8,63%
Судебный департамент при Верховном суде РФ	164	1,35%	-4	-2,17%
Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»	159	1,31%	-18	-9,94%
Министерство труда и социальной защиты РФ	130	1,07%	-4	-2,98%
Министерство транспорта РФ	124	1,02%	-14	-10,44%

которых государство в последние годы не скупилось и внедрение которых уже дало позитивные результаты (число побегов и совершенных преступлений в местах лишения свободы за последние годы уменьшилось).

Если же сравнивать с численностью сотрудников МВД, значимость которых для общества существенно выше, то она всего в 3 раза больше – 1113 тыс. чел., причем МВД уже заявило о планах по сокращению порядка 10% сотрудников ведомства (110 тыс. чел.).

Основной объем расходов ФСИН приходится на содержание личного состава и сопутствующие социальные обязательства – свыше 70% бюджета. Остальные расходы относительно невелики – на долю капитальных вложений приходится всего 5% бюджета ФСИН, расходы на свое содержание осужденные обязаны возмещать самостоятельно согласно УИК РФ (у работающих осужденных деньги вычитаются из их и без того небольших зарплат, после вычетов на руки остается в среднем 1–2 тыс. руб.).

Сотрудники ФСИН, как и других силовых ведомств, имеют большое количество льгот, компенсируемых за счет бюджета, в т.ч. имеют право на досрочный выход на пенсию, компенсацию на приобретение жилья, на проезд к месту отдыха и т.д. Соответственно, чрезмерная численность сотрудников ФСИН создает повышенную нагрузку на бюджет.

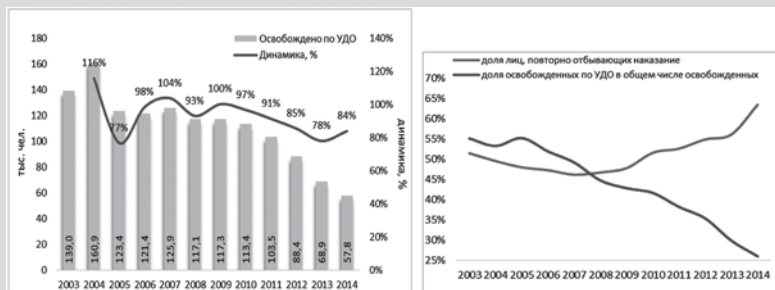
Неэффективность расходов. С 2003 г. расходы на уголовно-исполнительную систему (УИС) выросли в 6 раз. При этом уровень рецидивной преступности за этот период существенно увеличился, доля повторно осужденных выросла с 51 до 64%. Тот факт, что люди вновь попадают в места лишения свободы, свидетельствует о неэффективности ФСИН с точки зрения выполнения своей основной задачи – исправления преступников, несмотря на огромные финансовые вливания государства в эту систему.

Более того, создается впечатление, что ФСИН заинтересована в сохранении максимальной численности осужденных. Ежегодно количество освобождаемых условно-досрочно сокращается. Если до 2007 г. по УДО ежегодно освобождалось свыше 120 тыс. чел. в год, то к 2014 г. – менее 60 тыс. чел. При принятии решения об УДО суд в первую очередь ориентируется на рекомендации исправительного учреждения, в последние годы положительные характеристики осужденным даются все реже. Из этого следует: либо в сроки, предусмотренные для условно-досрочного освобождения, не достигаются

Табл. Оценка эффективности расходования средств на УИС в 2003–2015 гг.

	Расходы на УИС (бюджет ФСИН)		Содержалось в учреждениях УИС			Содержалось в исправительных колониях для взрослых	
	млрд руб.	доля в бюджете страны	тыс. чел.	в расчете на тысячу человек населения	расходы в расчете на 1 чел., тыс. руб.	тыс. чел.	доля повторно осужденных
2003 г.	46	1,9%	847	5,84	54	681	51%
2004 г.	48	1,7%	763	5,29	63	600	50%
2005 г.	62	2,0%	823	5,73	75	645	48%
2006 г.	78	2,0%	872	6,09	90	697	47%
2007 г.	103	1,8%	883	6,19	117	716	46%
2008 г.	123	2,1%	888	6,22	138	734	47%
2009 г.	156	1,8%	864	6,06	180	724	48%
2010 г.	163	1,8%	819	5,74	199	694	52%
2011 г.	180	1,9%	756	5,29	239	640	53%
2012 г.	212	1,9%	702	4,91	302	585	55%
2013 г.	216	1,9%	677	4,73	319	560	56%
2014 г.	274	2,4%	672	4,68	408	551	64%

цели исправления осужденных, либо ФСИН России намеренно не рекомендует осужденных к УДО.

С точки зрения оценки эффективности системы УИС весьма показательно наличие прямой связи между уровнем рецидива и условно-досрочным освобождением. Чем ниже доля освободившихся по УДО, тем выше доля рецидива. Из этого можно сделать вывод о том, что лица, которым неоднократно было отказано в таком акте гуманизма, как условно-досрочное освобождение, более склонны к повторному совершению преступлений.

При этом в целом криминогенная ситуация в стране за последние годы улучшилась. В период с 2005 по 2014 г. число зарегистрированных преступлений уменьшилось на 38% (причем сокращение числа тяжких и особо тяжких преступлений еще значительнее). Возникает вопрос, почему пропорционально не сократилось количество заключенных – за этот же период их численность уменьшилась всего на 18%.

Табл. Количество совершенных преступлений в России в 2005–2013 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Зарегистрировано преступлений, тыс.	3554,7	3855,4	3582,5	3209,9	2994,8	2628,8	2404,8	2302,2	2206,2	2190,6

Характерно, что уровень рецидивной преступности резко вырос после того, как началась реформа, направленная на гуманизацию исправительной системы, и увеличились объемы финансирования. Несмотря на объявленную «гуманизацию», правозащитники говорят об ужесточении режима содержания, продолжаются бунты в колониях, самоубийства заключенных.

Летом 2012 г. во ФСИН РФ было назначено новое руководство, однако по итогам трех прошедших лет каких-то заметных позитивных сдвигов так и не появилось – финансирование продолжает расти, уровень рецидивной преступности не снижается, количество осужденных все еще остается значительным, их права по-прежнему нарушаются, дополнительные доходы от использования дешевого труда заключенных так и не появились.

Неэффективная работа ФСИН России, не обеспечивающая решение задачи по исправлению осужденных, создает дополнительную угрозу для общества, нивелирует работу МВД по предотвращению совершения преступлений, ложится тяжким грузом на финансовую систему страны.

Табл. Бюджет ФСИН на 2015–2017 гг.

Год	Бюджетные расходы, млрд руб.	Динамика бюджетных расходов
2015	266	-3,0%
2016	258	-3,1%
2017	228	-11,6%

Бюджет ФСИН на 2015 г. составляет 266 млрд руб. Для сравнения – бюджет Республики Крым с ее двухмиллионным населением на этот же период – 66,5 млрд руб. Если посчитать затраты государства в расчете на одного осужденного, то получается свыше 400 тыс. руб. в год, что сопоставимо с материнским капиталом. При этом до самих осужденных, в целях гуманизации условий наказания которых и был расширен бюджет, деньги по-прежнему не доходят, большинство бытовых проблем в колониях все еще решается за счет родственников заключенных.

Комментарии по содержанию доклада можно получить по e-mail: o.kiyutsina@yandex.ru

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Фото Юрия Тутова

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы.

Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Александр Сидоров

Батяка Махно, Беня Крик и одесская цыганка: союз нерушимый блатной песни и советского кино

(«Молодой Кучеренко» и «Любка-голубка»)

Несмотря на заглавие очерка, песни о «молодом Кучеренко» и «Любке-голубке» не звучали ни в одном советском фильме. Хотя бы потому, что они родились в середине 20-х годов прошлого века, когда кино было немым. Да и о названных персонажах картин никто не снимал. А вот поди ж ты: оба эти имени крепко связаны и с блатными песнями, и с молодой советской кинематографией...

Молодой Кучеренко

*По широкой Амурской дороге
Молодой Кучеренко шагал,
Вооруженный наганом и финкой,
И такую он речь напевал:*

*– Посещал я кафе, рестораны,
Часто-часто я в карты играл,
Воровством, грабежом занимался,
Из-под выстрелов часто бежал.*

*А теперь я лежу в лазарете,
Пули вынули мне из груди.
Каждый знает меня по примете,
Что разбойником был на пути.*

*Одиночка моя, одиночка,
До чего ты меня довела!
Иссушила мне грудь молодую,
Рано-рано в могилу свела.*

*Не дождусь я того воскресенья,
Когда мать на свиданье придет
И своей материнской слезою
Молодую мне грудь обольет...*

*Ой вы, пейте, друзья, веселитесь!
Вспоминайте дружка своего...
Был в Ростове младой Кучеренко,
А теперь расстреляли его!*

Честно говоря, повествование настолько сумбурно, что понять из него ничего нельзя. Отчаянный уркаган шагает по широкой Амурской дороге, распевая о своих «подвигах», – и в тот же самый момент... лежит в лазарете, где из него «вынули пулю» и собираются расстрелять.

Далее вклеен куплет о «матери-старушке», которая придет в воскресенье на свидание, – вольная интерпретация популярной народной «В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла»:

*В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачку принесла...*

Остальное – рестораны, карты, воровство, грабежи, перестрелки, лазарет, вынутая пуля и расстрел. Ну, тут вопросов нет.

Песня успешно дожила до наших дней. Ее охотно исполнял Аркадий Северный, она часто включается в сборники блатного шансона. Но никто так и не может ответить, о каком «знаменитом разбойнике» идет речь.

А мы попытаемся. Поможет в этом украинский сериал из 20 эпизодов «Легенды бандитской Одессы». Созданный в 2008–2009 годах режиссером Владимиром Шегедой при помощи Сергея Оратовского и знатока криминальной Одессы Виктора Файтельберга-Бланка, этот сериал поведал зрителю сразу о нескольких Кучеренках. Правда, ни один из них не жил в Ростове, как утверждает песня. Зато Одесса-мама прославилась сразу несколькими претендентами. Напрашивается вывод: первоначально известная строка могла звучать как «жил в Одессе младой Кучеренко», а в дальнейшем сохранилась «ростовская» версия, ставшая в силу неведомых пока причин более популярной. В кон-

це концов, переместилась же знаменитая ростовская Богатыньская пивная на Дерибасовскую улицу...

Коля – Божья воля?

Кровавые деяния первого «младого Кучеренко» относятся к Одессе начала 1920-х годов. Этот разбойник приятной наружности свирепствовал со своими подельниками, именую их «апостолами». У каждого на правом предплечье была наколка-символ: череп со слезой, которая катилась из глаза. Внизу – две перекрещенные пальмы. По теории главного «апостола», человек должен обрести вход в царствие небесное через страшные муки. И этот «благый план» Кучеренко четко приводил в действие, совершая разбои, налеты, грабежи, убийства...

В 1923 году банда угодила в засаду и была перебита. Да только вся ли? Известно, что двумя годами позже из камеры смертников «одесского кичмана» бежал... опасный рецидивист Николай Кучеренко – после того, как расстрел ему заменили на 10 лет лишения свободы. Согласно документам, «побегушник» был симпатичным молодым человеком 27 лет. Тот ли это легендарный «апостол» Кучеренко или какой другой? Точного ответа на этот вопрос нет. Но, похоже, тот самый.

На воле побегушник сколотил банду в 16 человек и совершил налет на «Винделуправление», оставив два трупа. Затем лихая ватага переключалась в Бердичев, устраивая грабежи бакалейных лавок и частных квартир. В те времена такие банды свирепствовали по всей степной Украине.

Вскоре Коля – Божья воля возвращается в Одессу, узнав, что его жена «захороводила» с самогонщиком. Самогонщик успевает сигануть в окно, но его гнездышко дербанят до основания. Далее банда Кучеренко потрошит квартиру местного муллы и снова уходит в степи. Но милая сердцу Одесса вновь манит к себе атамана. Он возвращается сюда в 1926 году. На сей раз Кучеренко повязали. Понимая, что ему светит «вышка», бандит снова пытается бежать, несколько раз бросается на конвой... Затем в камере Кучеренко опера́ отшмонали искусно слепленную из хлебного мякиша и окрашенную в черный цвет модель браунинга. С помощью этой дурилки бандит предполагал обезоружить своих церберов.

Не повезло... В конце 1926 года Кучеренко вместе со своими подельниками – известными налетчиками Ванькой Шклярком и Иваном Банабаком¹ – был расстрелян.

¹ Банабак – неевропейский инородец: кавказец, азиат, араб и проч. (Одесса, жарг.).

Ковбойский цирк

Возможно, именно об этом Кучеренке блатной народ и сочинил свою безыскусную балладу? Тогда при каких делах тут кино?

Однако я уже предупреждал, что «младые Кучеренки» в Одессе – товар ходовой. Самое время ввести новую фигуру мерлезонского балета. Пока еще не Кучеренко, а идейного большевика Павла Бляхина. В 1920-м он успел отличиться в районе Екатеринославля, где куражились отряды «народной армии» батьки Махно, а затем 34-летнего коммуниста направили со своим семейством на партработу в Азербайджан. Бляхин стал сочинять по дороге для малолетнего сына приключенческие истории в духе Фенимора Купера и Луи Буссенара, только не о ковбоях, индейцах и отважных бурях, а о славных красноармейцах и махновских бандитах. Так к концу пути он слепил «революционный вестерн» «Красные дьяволята», записывая текст орызком карандаша на обрывках оберточной бумаги.

События повести происходят на Украине во время Гражданской войны. Троица подростков – Мишка, его сестра Дуняшка и китаец Ю-Ю – борются против отрядов Нестора Махно. Ребятам приходится стрелять, прыгать, вступать врукопашную... В конце концов они проникают в штаб самого батьки Махно, похищают его и в мешке привозят к командарму Семену Буденному!

По приезде в Баку Бляхин направился в местный крайком комсомола и предложил «дьяволят» для публикации. Руководители азербайджанского комсомола с энтузиазмом отнеслись к идее. В конце 1922 года «Красные дьяволята» выходят отдельной книгой в Баку и буквально сметаются с прилавков.

После успеха книги Бляхин решил не останавливаться и перенести «Красных дьяволят» на экран. Судьба сталкивает писателя с режиссером Иваном Перестиани, который был широко известен еще до революции. Режиссеру повесть понравилась: «Будем снимать!»

Закавказский крайком РКСМ выбил для «революционной фильма» госсредства и выдал режиссеру мандат, который предписывал всем организациям «оказывать т. Перестиани всемерное содействие». Командующий Закавказским военным округом Александр Егоров даже задействовал в батальных сценах свой личный состав.

Но где найти подростков на роли дьяволят? Ведь в повести Бляхина ребяташки исполняют такие кунштюки – взрослому мало не покажется! Главных героев отыскивали среди молодых актеров цирка: клоун Паша Есиковский по прозвищу Пач-Пач, проволочная

эквilibристка София Жозеффи и негритянский боксер Кадар Бен-Салим по прозвищу Том Джексон (китайчонка найти не удалось).

Премьерный показ «Дьяволят» состоялся 25 сентября 1923 году в Тифлисе, 30 ноября 1923 года «дьяволята» вышли на экраны страны.

Прикосновение к тайне

«Правда» назвала фильм «Красные дьяволята» «лучшей советской картиной». «Киногазета» в номере от 27 ноября захлебывалась от восторга: «Этот фильм – чудо советской кинематографии». Зрители штурмовали кинотеатры, чтобы увидеть фильм. Появились даже группы «красных дьяволят».

Дьяволиада охватила всю страну. В 1926 году на «Госкинопроме Грузии» выходят сразу четыре фильма-продолжения «Красных дьяволят», снятые тем же Иваном Перестиани: «Савур-могила», «Преступление княжны Ширванской», «Наказание княжны Ширванской» и «Иллан-Дили» («Змеиное жало»). Тут и побег Махно с парада на Красной площади к атаманше Марусе, куда проникает Дуняша, переодетая в мужской костюм, и прибытие в СССР из Парижа под видом циркачей княжны Ширванской с коварными поделщиками, чтобы уничтожить азербайджанские нефтепромыслы, и похищение злым хозяином гарема дочери мельника Оксаны и героической Дуняши. Все завершается освобождением девушек и свадьбами Миши и Оксаны, Дуняши и Тома.

На этом благополучно завершаются приключения киношных «красных дьяволят». А вот о криминальном Сатане, который вырвался с киноэкрана в реальность, широкие народные массы так и не узнали. Между тем история эта не менее интересна...

Начнем с небольшой тайны. На склоне лет, в конце 1950-х годов, режиссер Иван Перестиани решил засесть за мемуары. Немалую часть воспоминаний он предполагал посвятить работе над «Красными дьяволятами». Однако архив фильма, хранившийся на киностудии «Грузия-фильм», полностью исчез! Пришлось режиссеру полагаться только на память. А вскоре, 14 мая 1959 года, в возрасте 89 лет Перестиани умер, не завершив мемуаров.

Исследователь Федор Раззаков убежден, что уничтожение архива связано с травлей приключенческого кино в целом. В начале 1930-х годов в СССР поднялась по этому поводу волна критики:

«В номере пятом журнала “Молодая гвардия” за 1929 год была помещена статья критика Я. Рыкачева под названием “Наши Майн

Риды и Жюль Верны". В ней автор ничтоже сумняшеся требовал безоговорочного отказа от традиций классического романа приключений, мотивируя это тем, что они, дескать, пропагандируют "лихую индивидуальную предприимчивость", изображают "вульгарную романтику игры со смертью и с многочисленными препятствиями"... На этой основе Рыкачев на полном серьезе требовал запретить издавать в Советском Союзе все приключенческие романы с героями-индивидуалистами, а конкретно книги: П. Бляхина, А. Беляева, В. Каверина и др. ...В номере 2–3 журнала "Пролетарское кино" за 1931 год некто Ю. Менжинская доходит до того, что пишет о вредном влиянии на детей "Красных дьяволят"».

Раззаков делает вывод о том, что «руководители Тбилисской киностудии просто избавились от всех материалов по этому и многим другим фильмам, снятым в подобном жанре».

Маленькое уточнение. В начале 1930-х не существовало «Тбилисской киностудии»: она действовала с 1938 по 1953 год. Что вполне понятно: до 1936 года город носил название Тифлис. Травля приключенческого жанра в СССР быстро угасла. Сам Сталин являлся поклонником «ковбойских» фильмов и хотел видеть нечто подобное на советских экранах (с 1935 года так и происходит – «Золотое озеро», «Джубарс», «Тринадцать» и проч.). Кроме того, явная нелепость: уничтожить все материалы о фильме – **но оставить целой саму картину!**

«Дьяволятам» не пофартило по другому поводу. Поводом оказалось то, что на экраны Ростова-на-Дону «Красные дьяволята» вышли в редакции, где остался запечатлен подлый образ Троцкого, – и это в пору разгула бескомпромиссной борьбы против троцкизма! Мама дорогая! А ведь с октября 1934-го Павел Бляхин являлся уже председателем ЦК Союза кинофотоработников СССР! Засланный казачок?

9 февраля 1935 года «Правда» публикует разгромную статью «Притупление бдительности». Но как-то обошлось – Бляхину объявили строгий выговор: как автор сценария и представитель Главреперткома он не устранил из картины кадров и текста с контрреволюционным содержанием.

Писатель на страницах газеты «Кино» напечатал слезное покаяние, был помилован, а подправленные «Дьяволята» продолжали шествие по экранам страны, хотя со 139 минут сократились до 79. Возможно, именно в это смутное время руководители тифлисского кинематографа и уничтожили злополучный архив – чтобы бдительные чекисты еще чего не накопили.

Батька Махно снялся в кино...

Но есть и другой вариант разгадки таинственного уничтожения архива, куда более аргументированный.

Дело в том, что «Красные дьяволята» ставились по свежим следам отгремевшей Гражданской войны, и все это следовало учитывать даже при самом фантастическом сюжете. В картине главным врагом отчаянной троицы юных героев выступает Нестор Махно. Режиссеру Перестиани хотелось большей достоверности, особенно с историческими личностями. В «Дьяволятах» актеры играли целый ряд исторических лиц – и Лейбу Троцкого, и Семена Буденного, и батьку Махно. Все трое были живы, и Перестиани стремился к близкому воссозданию оригинала. Семена Михайловича и Лейбу Давидовича подыскали без особого труда – и они сами, и их фотографии были под рукой. А вот Махно успел сдернуть «за бугор». Тут надо быть тщательнее, это не какой-нибудь негр-циркач. Махно – фигура необычная, эксцентричная. На украинских землях его каждая собака знала, не исключая некоторых сотрудников Одесской кинофабрики и не говоря о многих одесситах и прочих будущих зрителях. «Накосячить» обидно: местная публика враз раскусит, а злые языки страшнее пистолета.

Вообще-то фильму снимали в Тбилиси да Батуми плюс в павильонных интерьерах. Но за Махно пришлось отправиться в поисках подходящего типажа на Украину, еще точнее, в Одессу-мату, на кинофабрику ВУФКУ (Всеукраинское фотокиноуправление).

Перестиани повезло. Быстро нашелся артист, который идеально вписывался в роль батьки. Даже отчаянные критики не нашли бы изъяна. Претендент в 1919 году двадцатилетним парнем попал в полудармию-полубанду атамана Николая Григорьева, одного из самых «безбашенных» авантюристов Гражданской войны, который то метался от Петлюры к Антанте, то заключал союз с большевиками, то расстреливал и вырезал коммунистов, то вовсе объявлял себя диктатором, захватывая крупные города...

Актер-претендент сподобился увидеть и самого Нестора Махно. С 1919 года батька разругался с красными и объединился с Григорьевым, однако через некоторое время лично Махно вместе со своими помощниками Чубенко и Каретниковым расстреляли Григорьева за еврейские погромы, мародерство и попытку перевернуться на сторону белых.

Встреча с командиром «народной армии» произвела на нашего героя сильное впечатление. И вообще жизнь молодого человека можно назвать бурной. Он промышлял контрабандой, торговал поддельными спиртными напитками, был натурщиком для порнографических фото-

графий. А когда ситуация стала устаканиваться, закончил курсы театральных актеров и стал одной из звезд одесского немого синемаатографа.

Звали этого киноактера... Стоп-стоп! Здесь скрыта вторая загадка. В титрах «Красных дьяволят» фамилия исполнителя роли Махно «В. Сутырин». Жена известного российского актера Евгения Дворжецкого Нина Дворжецкая (ее бабушка была замужем за Владимиром Сутыриным) вспоминает: «Он был одним из создателей Грузинской киностудии. В старом фильме “Красные дьяволята” играл батьку Махно. Помните кадр, как батька стреляет из нагана, сидя на карусели?»

Однако к роли Махно в первой серии «Красных дьяволят» Владимир Сутырин отношения не имеет. В Закавказье его перевели лишь в 1926 году по личной просьбе Григория Орджоникидзе – руководить отделом печати. А «Красные дьяволята» вышли на экраны в 1923-м. Да и не было в фильме эпизода с махновской каруселью: Дворжецкая спутала «Дьяволят» с экранизацией эпопеи Алексея Николаевича Толстого «Хождение по мукам».

А в первой версии «Красных дьяволят» образ батьки Махно воплотил тот самый актер, которого выбрал Иван Перестиани. Звали его Владимир... КУЧЕРЕНКО! Авторы сериала «Легенды бандитской Одессы» сообщают:

«Во время кинопроб Кучеренко показал выдающееся знание воровского жаргона, козырял золотыми фиксами, великолепно знал биографию играемого образа и для роли Нестора Махно это был идеальный вариант. С молодым человеком сразу же подписали контракт, и вся группа сразу же поехала в Тбилиси – там была основная съемочная площадка фильма».

Ну и что? Мало ли на Украине всяких Кучеренко... При каких делах одесский актер в истории о песне про легендарного бандита?

Но давайте начнем все-таки с правильного вопроса: ***а зачем, собственно, позднее заменили фамилию Кучеренко на Сутырина?*** Ведь должны быть на это достаточно весомые причины... И они были!

Тут начинается самое интересное. В 1923 году, когда вышли в свет «Красные дьяволята», в Одессе среди бела дня совершается наглое вооруженное нападение на склады пароходства. Отчаянную конную атаку провели двадцать лихих наездников. Они мгновенно разоружили охрану, связали телефониста и умыкнули огромную партию дорогих дефицитных товаров.

Вот что рассказывают создатели фильма «Легенды бандитской Одессы»:

«Самым невероятным в этой истории было то, что свидетели и потерпевшие в один голос утверждали, что предводителем банды был не кто иной, а сам батька Махно.

Сотрудники уголовного розыска такому сообщению свидетелей не поверили. Ведь по оперативной информации лидер анархистов был тогда за границей... Советская власть, конечно же, опасалась, что он будет пытаться организовать вооруженное восстание и даже тайком может посещать СССР. Но дерзкое вооруженное нападение в самом центре Одессы – такое нафантазировать и даже в мыслях допустить не могли даже самые отчаянные фантазеры.

С неимоверной скоростью начали распространяться панические слухи, и даже кое-кто из перепуганных граждан уже начал подумывать про эвакуацию из портового города, который, казалось, вот-вот окажется в круговерти новой повстанческой войны».

Справка: в 1923 году Махно находился в Польше, куда бежал после того, как Советы потребовали от боярской Румынии выдачи батьки. В Польше по странному стечению обстоятельств в ноябре 1923 года, когда экранные «дьяволята» ловили Махно и доставляли его Буденному, в Варшавском окружном суде слушалось дело по обвинению Нестора Махно, его жены Галины Кузьменко, а также его боевых соратников Ивана Хмары и Якова Домащенко. Их обвиняли в обратном: в попытках связаться с советским руководством, чтобы то организовало их освобождение. А уж Нестор Иванович в долгу не останется: поднимет восстание в Восточной Галиции и оттяпает ее у Польши, присоединив к Советам. Впрочем, всех оправдали, но для верности поместили в данцигскую тюрьму, откуда махновцы удрали во Францию.

Между тем «одесские махновцы» продолжали грабить квартиры богатых одесских ювелиров, валютчиков, адвокатов и прочей зажиточной «сволочи». Оперативники выяснили, что бандой действительно руководит атаман по кличке Махно. Внешность – соответствующая.

Вскоре «махновцы» переключились с Одессы на другие регионы Одесской и Николаевской губерний, где грабили продовольственные и оружейные склады, совершали массовые погромы в маленьких степных городах, а награбленное вывозили на тачанках и подводах.

Расследование преступлений «махновской банды» было поручено следователю Петренко.

Беня на броневике, или Новый взлет «молодого Кучеренко»

Дело «махновской банды» оставалось нераскрытым несколько лет. Следователь Петренко вернулся к нему лишь спустя три года: никаких зацепок не было. Толчком стало ограбление квартиры финдиректора заготконторы Арнольда Исаяна ночью 2 апреля 1926 года. Незнакомый священник вломился в дверь, спрашивая, не здесь ли собираются отпевать покойника. Получив от хозяйки дома отрицательный ответ, он показал ей огромный револьвер, и та лишилась сознания. Затем внутрь ворвались еще четверо неизвестных, швырнули с постели на пол полусонного мужа и стали пытаться насчет денег и драгоценностей. Исаян поспешил удовлетворить любопытство гостей. Но после их ухода тут же позвонил в милицию.

Примет разбойников Исаяны не запомнили. Но Петренко зацепился за обстоятельство, которое в последнее время стало встречаться в подобных налетах: один из грабителей оказался страстным любителем переодеваний. То он священник, то – при ограблении Одесского мыловаренного завода – чекист в черной кожаной куртке, то миловидная высокая женщина. И главное: некоторыми приметами бандит смахивал на известного одесского киноартиста Кучеренко. Того самого, который когда-то воплотил на экране образ батьки Махно. Так, может, не случайно и предводитель шайки носит столь необычное прозвище?

Петренко поначалу не очень верил в свою «дикую» версию, однако для очистки совести направился во Всеукраинское фотокиноуправление, чтобы взять показания у Кучеренко. Тот вежливо посмеялся, а вскоре Петренко вызвали «куда надо» и приказали не порочить светлое имя товарища киноартиста. У Кучеренко оказалось много поклонников во властных структурах. Следователя даже приглашали в партийные органы: вы что творите, товарищ?! Клевещете на пролетарский талант, а он ранимый, может перенервничать, сорвать киноленту, в которой сейчас снимается, – о Бене Крике по сценарию нашего одесского гения товарища Бабеля, автора знаменитой «Конармии»!

Действительно, в это время на ВУКФУ в Одессе снималась картина «Карьера Бени Крика» по киноповести Исаака Бабеля «Беня Крик», которую в 1926 году опубликовал журнал «Красная новь». Поначалу режиссером порывался стать сам Эйзенштейн – возжаждал снимать параллельно с «Броненосцем Потемкиным». Однако Эйзенштейн не смог разорваться надвое, и за Беню взялся театральный режиссер Владимир Вильнер.

Прототипом Бени Крика стал известный одесский бандит Мишка Японец (Япончик) – Моисей Винницкий. Предваряя публикацию первого рассказа «Король» (журнал «ЛЕФ», 1923 год), Бабель прямо заявлял: «Герою является знаменитый одесский бандит “Мишка Япончик”, стоявший одно время во главе еврейской самообороны и вместе с Красными войсками боровшийся с белогвардейскими армиями, впоследствии расстрелян». Примерно в том же духе поставлен и фильм: Бенья с подельниками ведет в Одессе разгульную жизнь, грабит обывателей. После революции уркаганы переходят на сторону красных (Японец действительно возглавил 54-й имени Ленина советский стрелковый полк 3-й армии, состоявший сплошь из уголовников и недоучившихся студентов), но продолжают уголовщину, за что в финале подвергаются жестокой каре. Бенья погибает...

Одесситы с гордостью восприняли фильм про «собственного бандита». Зато представители советской власти возмутились. Одесская пресса писала, что в картине пропагандируется «идеал молдаванских подонков», «происходит открытое прославление уголовного хулиганства». «Карьеру Бени Крика» раскритиковал сам Лазарь Каганович как «романтизацию бандитизма». А вскоре цензура «Первой фабрики ВУКФУ» наложила на фильм арест: искажает действительность и отвлекает строителей коммунизма от светлых целей и идеалов.

Но для нас важнее другое. Вернемся к «Легендам бандитской Одессы»:

«Летом 1926 года, находясь в здании одесского губернского уголовного розыска, следователь Петренко нервно читал рапорт, присланный из Балтского уезда, где произошло дерзкое ограбление уездного банка.

Налетчики смогли захватить пять тысяч карбованцев и ценные бумаги... Пострадавшие рассказывали, что среди грабителей был один тип, одетый полностью под Бенсиона Крика: такая же шляпа, бабочка “кис-кис”, канареечный пиджак и малиновые штаны. Лица было не видать – ведь его скрывала черная маска.

Но самым главным в этом деле было следующее: товарищи грабители, которые обобрали финансовое учреждение в Балте, очень спешили и случайно забыли в конторе револьвер. На рукоятке остались отпечатки пальцев, но в картотеке чекистов таких отпечатков не было. Получается, что это был человек, которого милиция никогда не задерживала и он просто не попадал ранее в ее поле зрения, а поэтому и не было их в оперативной картотеке.

Теперь оставалось выяснить, кому именно принадлежали изъятые с места преступления следы пальцев рук. Следователь Петренко еще раз тщательно анализировал факты. Ведь получается, что этот костюмированный грабитель мог запросто доставать одежду для постоянных переодеваний именно на кинофабрике, а это значит, что он имеет туда доступ. По всей вероятности, знаком с кем-либо из актеров или же еще худший вариант – он сам был одним из актеров.

Следователь вновь и вновь возвращался к своей догадке относительно Владимира Кучеренко, но все это еще предстояло перепроверить и найти доказательства совершенным преступлениям».

И надо же такому случиться! Как раз в это время Петренко как неумолимому «спецу по киношке» одновременно с ограблением банка в Балте поручают дело по хищениям реквизита на кинопроизводстве. Ясен перец, следак первым делом бросается проверять реквизит «Бени Крика». И обнаруживает отсутствие тачанки, двух револьверов, костюма главного героя, грима, а заодно даже исчезновение... армейского броневика!

Сыщики стали тщательно исследовать данные на каждого из актеров, режиссеров, осветителей, уборщиков и гримеров фильма. Оперативники негласно взяли отпечатки пальцев всего персонала, чтобы экспертиза сравнила их с отпечатками пальцев, изъятых с револьвера на месте преступления в Балте. Персонально за актером Кучеренко следователь под личную ответственность устанавливает постоянную слежку. Впрочем, она ничего не дает: «звезда экрана» легко запутывает следы и отрывается от «хвостов».

Вскоре происходят события, по наглости своей превосходящие даже выходку с Бенсионом Криком, ограбившим балтовский банк. Вот как подают это украинские документалисты:

«Уже через две недели из глухого на тот момент района под названием Куяльник² в управление уголовного розыска в ужасе и с просьбой немедленно приехать позвонили местные жители. Они сообщили, что в округе началась настоящая война и что бандиты всех могут убить. Чекисты, которые приехали по вызову, расспросили у перепуганных жителей про все обстоятельства дела».

² Лиман в 3 км к северо-западу от побережья Одесского залива Чёрного моря; также село в Котовском районе Одесской области.

Из рапорта следователя одесского уголовного розыска:

«Из тайного сообщения агента Валянка стало известно, что на блат-хате Крысиса состоялся бандитский сходняк. Члены банды Махно, чтобы окончательно урезонить конкурентов, прибыли на встречу переодетыми чекистами на броневике и даже дважды выстрелили в воздух из пушки».

Члены банды Кольки Золотого Зуба сразу же бросили свое оружие и с перепугу от того, что происходит, просто убежали. Урки подумали, что это настоящая облава и задерживать будут всех подряд.

Как оказалось, в инциденте с перестрелкой грабители использовали бронетехнику. Именно этот броневик и числится пропавшим из реквизита на киностудии. Его арендовали в одной из войсковых частей.

После такого громкого шухера знаменитая «махновская» банда предпочитает на время исчезнуть из Одессы. Лихие ребята перекочевали на «гастроли» в Крым, где обчистили заготконтору в Симферополе и нескольких толстосумов в Феодосии и Симферополе.

Что касается актера Кучеренко, следователь продолжал тайную слежку за ним, но безрезультатно.

И тут помог случай. Снова цитируем «Легенды бандитской Одессы»:

«В милицейский участок на Молдаванке прибежала испуганная женщина, которая сообщила, что она является свидетельницей гнусного преступления.

В квартиру роженицы ворвались несколько налетчиков, под угрозой применения оружия положили на пол всех и в том числе рожавшую хозяйку, после чего ограбили всех присутствующих.

Затем свалили все награбленное добро в телегу и удалились. При выяснении обстоятельств этого налета выяснилось, что у акушерки сняли с пальца очень редкое кольцо с тремя бриллиантами.

Именно эта драгоценность и вывела работников милиции на неуловимую банду. Так есть сейчас и так было раньше – одним из показателей успешности было наличие любовницы. Они выделялись стильной модной одеждой, купленной за кровавые деньги.

Часто бандиты дарили любовницам кольца, сережки и другие ювелирные украшения, снятые с очередной жертвы.

Во время облавы на воровской притон один из работников милиции заметил на руке Любки Цыганки интересный редкий перстень,

который полностью подходил под описание перстня с грабежа акушерки.

Работники уголовного розыска начали задавать Любке неудобные вопросы и выяснять, где она взяла это ювелирное украшение. Результатом дальнейшего допроса стало то, что женщина призналась, что получила этот подарок на одном из притонов на Молдаванке.

Милиционеры предложили подозреваемой сыграть по их правилам в обмен на свободу, и Любка согласилась – она вместе с работниками милиции подошла к названному притону.

Увидев ее, бандиты открыли дверь притона, и милиционеры без промедлений оказались внутри. Каково же было их удивление, когда они увидели в притоне известного киноактера Владимира Кучеренко».

Кучеренко долго не отпирался. Во-первых, выяснилось, что именно он оставил свои отпечатки пальцев на револьвере с места преступления в Балте. Во-вторых, на очной ставке его опознала жена финдиректора Исаяна. Дальше – дело техники и слабых духом поделщиков. В ходе следствия Кучеренко взял на себя двадцать два преступных эпизода, в том числе одиннадцать убийств:

«Под давлением фактов Кучеренко рассказал, что в составе киногруппы были двое его сообщников: осветитель Федор Смирнов по кличке Светляк и грузчик Петр Джунжула по кличке Льюис...»

Банда грабила квартиры, поместья, банки и почтовые отделения. Часто выезжала на бандитские гастроли в Сочи. Следователи разделили его преступную деятельность на Кавказскую, Одесскую, Харьковскую и Крымскую. Кучеренко был прекрасно ориентирован в том, что воровские малины в большинстве своем контролировались оперативными работниками милиции. Поэтому все награбленное он сбывал в других городах через комиссионные магазины, через ломбарды и заготовительные учреждения.

Выяснилось, что банда Кучеренко гастролировала по всему югу Советского Союза, и это также добавляло сложностей в ее поимке. Грабители наследили именно там, куда переезжала для работы творческая группа фильма «Красные дьяволята»».

Согласно «Легендам бандитской Одессы», Кучеренко был расстрелян в конце 1927 года.

«Место его могилы неизвестно, а его имя невозможно отыскать ни в одной советской энциклопедии.»

Позже его фамилию убрали со всех титров. Советская власть просто выбросила эту фигуру из истории советского кинематографа с одной лишь целью – чтобы никогда больше не повторялись такие перевоплощения».

И вот тут нам самое время перейти к истории песни о Любке-голубке...

Любка-голубка

*Тихо ночью темной, только ветер воет,
Там, в глухом подвале, собран был совет:
Злые уркаганы, эти хулиганы
Собирались ночью в темный кабинет.*

*Речь держала юбка, ее звали Любка,
Гордая и смелая была.
Даже наши урки все ее боялись –
Любка воровскую жизнь вела.
Помнишь ли малину, шухерную жилу?
Любка уркаганов продала.*

*Здравствуй, моя Любка,
Ты моя голубка,
Здравствуй, моя Любка, и прощай!
Ты зашухарила всю нашу малину,
А теперь маслину получай.*

*Разве тебе плохо, Любка, было с нами?
Разве не хватало барахла?
Или не носила лаковые туфли,
Шелковые платья и атлас?*

*Как-то шли на дело, выпить захотелось,
И зашли в фартовый ресторан.
Там она сидела с агентом из МУРа,
У нее под лифом был наган.*

*Здравствуй, моя Любка,
Ты моя голубка,
Здравствуй, моя Любка, и прощай!
Ты зашухарила всю нашу малину,
А теперь маслину получай³.*

Коварная Шура и Любка Фейгельман

Современный читатель сразу поймет, что перед нами – вариант знаменитой «Мурки». А что если наоборот? Ведь в мемуарах одеситов старого поколения песня о том, как коварная предательница получила пулю, называется именно «Любка». О «Любке» вспоминает Константин Паустовский в мемуарах «Повесть о жизни» (часть «Время больших ожиданий»):

«Почти все местные песенки были написаны безвестными одеситами. Даже всеведущие жители города не могли припомнить, к примеру, кто написал песенку “Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая!” – Жора со Стеновой улицы или Абраша Кныш?»

А в другой части «Повести о жизни», «Начало неведомого века», есть тоже любопытный эпизод, имеющий отношение к нашей теме:

«Люсьена поправила волосы, села на нары и запела нарочито визгливым и разухабистым голосом:

*Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая,
Здравствуй, дорогая, и прощай!
Ты зашухарила всю нашу малину –
Так теперь маслину получай.*

Ксендзы дружно подхватили эту песню. Потом Люсьена подумала и сказала:

– Вот убьют, так похороните меня в цыганской шали».

Филолог Владимир Бахтин считал, что Паустовский во «Времени больших ожиданий» назвал Мурку Любкой потому, что «просто не хотел произносить это одиозное имя». Но подобное предположение нелепо. «Любка» дожила минимум до середины 1930-х годов. В том же 1934-м появляется известное стихотворение Ярослава Смелякова

³ Запись студентки Вечернего рабочего литературного университета Н. Холиной в 1934 году.

о Любке Фейгельман – отчетливая пародия на раннюю блатную «Любку», на что автор прямо указывает в тексте:

*Как я от райкома
ехал к лесорубам.
И на третьей полке,
занавесив свет:
«Здравствуй, моя Любка»,
«До свиданья, Люба!» –
подпевал ночами
пасмурный сосед...*

*Мне передавали,
что ты загуляла –
лаковые туфли,
брошка, перманент.
Что с тобой гуляет
розовый, бывалый,
двадцатитрехлетний
транспортный студент.*

*Я еще не видел,
чтоб ты так ходила –
в кенгуровой шляпе,
в кофте голубой.
Чтоб ты провалилась,
если все забыла,
если ты смеешься
нынче надо мной!*

*...Стираная юбка,
глаженая юбка,
шелковая юбка
нас ввела в обман.
До свиданья, Любка,
до свиданья, Любка!
Слышишь?
До свиданья,
Любка Фейгельман!*

Явные параллели с блатным фольклором не только в форме прямых цитат от соседа по вагону, но и саркастически переосмысленные. Если «герой» блатной «Любки» упрекает подругу за то, что она «спуталась с ментами», хотя он ее шикарно одевал, то у Смелякова другие претензии: Любка спуталась с нэпманами, «продав» высокие идеалы за тряпки (даже фигурируют, как и в уголовном романсе, «лаковые туфли»).

В том же 1934-м студентка Холина записывает и текст «Маша». Судя по всему, как раз эта версия является одной из ранних. Приведем наиболее характерные отрывки:

*Кто слышал в Одессе банду из Амурки?
В этой банде были урки, шулера...
Часто занимались темными делами
И всегда сидели в Губчека.*

*С Машей повстречался раз я на малине –
Девушка сияла красотой –
То была бандитка первого разряда
И звала на дело нас с собой.*

*Ты ходила с нами и была своею,
Часто оставались мы с тобой вдвоём,
Часто мы сидели вместе на малине –
Полночью ли летней, зимним вечерком...
Я в тебя влюбился, ты же все виляла,
А порой, бывало, к черту посылала.*

*Разве было мало вечеров и пьянок,
Страстных поцелуев и любви
Под аккорд усталых, радостных гулянок
И под пьянство наше до третьей зари?*

*И в глухую полночь бегали до Маши,
Прикрывая трепетную дрожь.
Уходила Маша с пьяными ворами,
Приходила Маша пьяная домой.*

«Героиня» здесь выведена вовсе не в качестве «авторитетной воровки», она даже начинает с того, что предает помаленьку своих подруг-проституток (шмар). Маша помимо «бандитки первого разря-

да» рисуется как любовница уркаганов. Однако в песне повествуется лишь о совместных кутежах, нет даже упоминания о «воровской жизни» и о «речи на совете», а также о том, что «бандитку» «боялись злые урки». Всё это пришло позже, когда песня стала московской. Тогда и Любка становится «муркой» («мурками» называли сотрудников Московского уголовного розыска, существовала даже присказка «урки и мурки играют в жмурки»). Возможно, и вместо Маши сначала стояло имя Любка. Дело в том, что «машами» тогда звали воровских подруг и проституток.

Но когда же возникла в песне именно Любка? Паустовский относит это чуть ли не к первому десятилетию XX века, заставляя Люсьену распевать «Любку» вместе с ксендзами на нарах. Однако эпизод с Люсьеной – все же художественный. Более заслуживает доверия мимолетное упоминание Паустовского о «Любке», неизвестно кем сочиненной. Это с 1919 по 1922 год, когда власти в городе менялись с невероятной быстротой. Впрочем, мемуары Паустовский писал в 1960-е, посему вполне могла произойти небольшая абберация памяти, то есть легкое смещение дат.

Хотя возможно, что песня о бандитке-предательнице впервые прозвучала в Одессе действительно во время Гражданской войны. Например, питерский филолог Михаил Лурье отыскал текст, записанный в Курском исправдоме в 1925 году, с пометой: «по словам исполнителя, песня услышана им в 1919 году в одесском исправдоме. В записи указано, что поется на мотив еврейской песни». Как сообщил Лурье, песня попала в архив Пушкинского дома из материалов Московского института по изучению преступности и преступников (правильно – Государственного института по изучению преступности и преступника, открыт 1 октября 1926 года). В записи героиню зовут Шурой:

*Здравствуй, Шура, славная девчонка,
Здравствуй и прощай.
Ты зашухерила всю нашу малину,
А теперь маслину на вот получай.*

И все же одесситы того времени упорно называют песню «Любка». Конечно, блатной фольклор чрезвычайно вариативен. Исполнители нередко подставляют самые разные имена «героев», если нет точной привязки к конкретной личности. То, что Михаил Лурье обнаружил альбомную тюремную запись 1925 года, где упоминается героиня Шура, позволяет нам сделать вывод о том, что к этому времени имя

«коварной предательницы» еще не определилось окончательно. Даже в 1934 году совершенно равноправно действовали и Любка, и Маша, и Мурка.

Кольца и браслеты для Любки-цыганки

Итак, баллада о предательнице блатного братства появилась в уголовном мире раньше, чем бандитская шайка киношного Махно в «Красных дьяволятах» была разгромлена, а ее лихой атаман плохо кончил звездную карьеру в обеих ипостасях. Известно также, что первоначально имя песенной предательницы широко варьировалось, пока не свелось к «Любке» и «Мурке», причем «Мурка» все же вытеснила «Любку», но до середины 1930-х они сосуществовали. Рискну предположить, что это параллельное существование началось именно в конце 1926-го – в 1927 году: именно тогда и Любка, и Мурка стали настоящими, эпическими предательницами. Причем в Одессе преимущественно пели «Любку», а в Москве и Центре (далее – по всей России) – «Мурку».

Сначала – о «Любке». Помните, я настаивал на том, что баллады о «младом Кучеренко» и «Любке-голубке» тесно взаимосвязаны? Теперь сама история Кучеренко нам на это указывает. Как в песне поется:

*Кольца и браслеты,
Юбки и жакеты
Разве я тебе не добывал?*

Авторы сериала о блатной Одессе тоже подчеркивают: «Часто бандиты дарили любовницам кольца, сережки и другие ювелирные украшения, снятые с очередной жертвы» (вспомним к слову Маньку-Облигацию с ее браслетом-змейкой). Но ведь именно Любка-цыганка попала на одном из таких украденных колец («редкий перстень, который полностью подходил под описание перстня с грабежа акушерки»)! Именно она выдала блат-хату, где погорел Кучеренко. Есть и еще один любопытный штрих. Помните отрывок из Паустовского, где он вкладывает в уста своей героини Люсьены куплет из «Любки»:

*Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая,
Здравствуй, дорогая, и прощай!
Ты зашухерила всю нашу малину –
Так теперь маслину получай.*

И вдруг далее идет:

«Потом Люсьена подумала и сказала:

– Вот убьют, так похороните меня в цыганской шали».

Опа-на! Почему во второй половине 1960-х писатель, вспомнив песню о девушке, которая «зашухерила малину», вдруг заставляет Люсьену упомянуть о похоронах «в цыганской шали»? Похоже, реальная песня, которую процитировал писатель, связана именно с предательницей-цыганкой.

В любом случае, если верить истории о разоблачении актера Кучеренко, выходит, что имя Любка в одесском варианте к 1927 году закрепилось не случайно: одесский народ прямо связал коварную «Любку» с песней о «молодом Кучеренко». И долго этот узелок не развязывал.

Между тем примерно в это же время в блатном фольклоре закрепляется и «Мурка». Скорее всего, это было связано с успешной операцией ленинградских оперативников угро. В 1926 году питерские опера сумели внедрить свою молодую сотрудницу Марию Евдокимову в осиное гнездо матерых уголовников – трактир «Бристоль» на Лиговке. Затем в ноябре 1926 года в результате масштабной облавы на «Бристоль» (участники прибыли на нескольких десятках машин) были убиты пятеро бандитов, в руки милиции попали «авторитеты» и руководители крупных криминальных формирований. Ленинград получил свою «Мурку», переделанную из одесской песни («Мария-Мура-Мурка»). В Питере возник и знаменитый припев о Мурёночке. Исполнял его артист эстрады Василий Гущинский, работавший под босняка, а написал припев другой эстражник – Валентин Кавецкий:

*Мура, Маруся Климова,
Ты бы нашла любимого.
Эх, Мура, ты мур-мурёночек,
Марусечка, ты мой котеночек.*

...

*Мурку хоронили пышно и богато,
На руках несли ее враги,
И на гробе белом*

⁴ Из интервью Бориса Савченко с Вадимом Козиным (Козин относит появление куплетов с Муркой-Марусей Климовой к началу 1920-х годов, но Савченко предупреждает, что знаменитый певец отличался слабой памятью и постоянно путал цифры и даты).

*Написали мелом:
«Спи, Мурёнок, спи, котенок,
сладко спи!..»⁴*

Однако в ранних вариантах песни этот припев не встречается. Нет там и версии с похоронами. Вообще куплет редкий: обычно песня завершается картиной, как «в темной переулке Мурка окровавлена лежит». Похороны возникают лишь в поздних «питерских» и «московских» вариантах, где Одесса даже не упоминается. Так постепенно «маша» – любовница, сдавшая шлюх и уркаганов одесским чекистам, становится «муркой» (сотрудницей Московского уголовного розыска).

Мы не знаем ничего ни о дальнейшей судьбе Любки-Цыганки, ни о Марии Евдокимовой. Отомстил им уголовный мир или нет – покрыто тайной. Правда, здесь мы сталкиваемся с анекдотической историей. В журнале «Щит и Меч» 24 декабря 2009 года некая Марина Скворцова поведала в заметке «Сюрприз от “Мурки”», что в архивах ГИАЦ МВД РФ была обнаружена учетная карточка «капитана резерва МВД Марии Прокофьевны Климовой, 1897-го года рождения». А значит, «Мурка» – реальный персонаж, сотрудница милиции. А Людмила Сушкова в «телерасследовании» «Нераскрытые тайны: сюжет песни “Мурка”» подошла к делу с еще большим размахом. Хотя единственное, что удалось найти, – это учетная карточка агента Климовой, уволенной из органов в 1952 году, Сушкова излагает целую «дюдюктивную» историю:

«Именно главная героиня песни “Мурка”, реально это Мария Климова – оперативница МУРа, должна была выступить в роли как бы приманки такой и таким образом помочь оперативникам выйти на всю эту запутанную сеть криминала, сложившегося на тот момент в Одессе».

Далее мелькают имена таких «известных бандитов», как Бриллиант и Червень (на большее фантазии не хватило), а чекистку убивают за то, что Бриллиант приревновал Марусю к Червню и застрелил... В припадке хлестаковщины Сушкова назначает сотрудником ЧК... популярного одесского поэта Якова Ядова! Оказывается, именно ему было поручено охранять Марию Климову, а он ее не сберег!

Откуда этот бред? Автор объясняет:

«Документы были все засекречены, и, насколько мне известно, в 70-х годах было множество документов и архивов уничтожено, также вот личное дело было уничтожено Марии Климовой. Но остались какие-то обрывочные сведения, которые где-то как-то можно собрать и узнать, в том числе от одесских историков-краеведов».

Переводя на вменяемый язык: ахинея, высосанная из пальца. Например: «По некоторым данным, Ядов – сотрудник МУРа». Кстати! Ведь реальная Мурка осталась жива! Но и тут у Сушковой есть оригинальный ответ: да, осталась жива и, возможно, даже тихими вечерами пела песню о себе, любимой...

Его поймали, арестовали...

Но приказали не стрелять?

К слову сказать, я бы поостерегся полностью доверять и сериалу «Легенды бандитской Одессы». К сожалению, в нем нередко проскакивают неточности, что-то не стыкуется, где-то не клеится... Например, известно, что все фильмы о «Красных дьяволятах» снимались в Госкинопроме Грузии, между тем, по сериалу, грабители наследили именно там, куда переезжала для работы творческая группа фильма «Красные дьяволята». Однако банда Кучеренко не занималась грабежами в Грузии!

Или вот еще деталь. Просматривая сюжет «Легенд блатной Одессы» о похождениях актера Кучеренко, я натолкнулся на явную несурязицу в повествовании:

«Следователь Петренко на свой страх и риск устанавливает за Кучеренко скрытое наблюдение... Наблюдение за Кравченко ни к чему не приводит...»

По ходу дела Кучеренко превращается в Кравченко. Правда, далее возвращает родную фамилию. Обычная оговорка? Не в этот раз. Любопытный факт: в профсоюзном журнале профсоюза работников искусств «Рабис» от 25 декабря 1928 года появляется заметка «Красные дьяволята в... быту», где неведомый автор по-своему излагает «бандитскую историю» и называет совсем другого «главного героя» и исполнителя ролей Махно и налетчика из «Бени Крика»:

«В Одесском Областном Суде разбиралось дело по обвинению артиста кино Павла Кравченко в бандитизме. Кравченко снимался в нашумевшей картине “Красные дьяволята” в роли Махно и играл налетчика в “Бене Крике”. Оказался он налетчиком не только на съемке, но и в жизни.

В конце января прошлого года двое злоумышленников совершили разбойничье нападение на домик огородников на полях орошения в Одессе. Угрожая револьверами, они забрали разные вещи и белье. Узрозыск установил виновников ограбления: Працюка и Павла Кравченко. Первый был вскоре арестован и впоследствии осужден судом. Кравченко же скрылся и лишь недавно был задержан в Крыму как соучастник нападения на кассира в Севастополе. В Одессе, где судился Кравченко, Працюк выступал уже в качестве свидетеля. Он подробно рассказал суду, как он грабил вместе с Кравченко, который был “душой дела”.

У Кравченко богатое прошлое. Он, бывший актер, вместе с другими организовал покушение на ограбление Одесского Сельбанка, которое было предупреждено соответствующими органами, и т.д.

Одесский окружной суд приговорил Кравченко к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 10 лет с конфискацией имущества и поражением в правах по отбытии приговора сроком на пять лет».

Вот вам и оговорка в «Легендах бандитской Одессы»! Ограбление огородников, нападение на кассира да покушение на банк, которое не состоялось. Никакого расстрела – «червонец в зубы и пять по рогам». К тому же и суд состоялся не в 1927-м, а в конце 1928 года.

Казалось бы, можно разоблачить авторов украинского сериала, которые, ознакомившись со скромной историей Павла Кравченко (а невольная оговорка свидетельствует о том, что о заметке они были в курсе), присочинили побольше «страшилок», чтобы поразить зрителя.

И все же я бы не стал торопиться с обвинениями. Прежде всего не было никакого резона изменять Кравченко на Кучеренко. Выдумать можно было другую фамилию – Кучеренко в сериале и без того достаточно! Скорее, автор заметки в журнале «РАБИС» предпочел изменить настоящую фамилию исполнителя роли Махно на вымышленную, да и события смягчить. В органе профсоюза работников искусств информация о том, что один из членов профсоюза оказался крупным бандитским авторитетом, расстрелянным за грабежи и убийства, которые его шайка совершала в течение нескольких лет, смотрелась бы ужасающе! А так... Ну, жулик, мелкая шпана, получил свою десятку...

К тому же заметка больше напоминает фельетон. Во второй части рассказывается, как к завкультотделом Окрпрофсовета в Барнауле явилась некая гражданка Петереш, заявила, что она играла роль Дуняши в фильме «Красные дьяволята», и потребовала заплатить ей гонорар. Когда же заведующий попытался возразить, в него полетели «пресс-папье, ручки, его собственный портфель и даже стулья». Пришлось заплатить «героической Дуняше Петереш» три рубля. То есть в московском журнале все превратили в невинные «хохотушки» (ограбление огородников). Фамилию реального Кучеренко предпочли не упоминать и все, что с нею связано, на Грузинской киностудии уничтожили. Но создатели сериала о бандитской Одессе пользовались архивами МВД Украины. Возможно, там же они наткнулись на злополучный фельетон и случайно произнесли фамилию Кравченко вместо Кучеренко в своем фильме.

Кто не знал в Одессе банду из Амурки?

Если вы помните, так начиналась песня «Маша», записанная Холиной. А помните, как начинается «Молодой Кучеренко»:

*По широкой Амурской дороге
Молодой Кучеренко шагал...*

А вот так сегодня начинается большинство вариантов песни «Мурка»:

Прибыла в Одессу банда из Амура...

Какие только объяснения не выдумывают многочисленные исследователи! Некоторые (Валерий Шамбаров) утверждают, что таинственная банда Мурки действительно прибыла с берегов Амура. Версия настолько неубедительна, что и рассматривать ее не стоит. Хотя и река Амурка, и город Амурка на востоке России действительно существуют.

Некоторые утверждают, что речь идет о неверно воспринятом на слух и неправильно истолкованном тексте: дескать, понимать надо, что банда прибыла либо «из-за МУРа», то есть убегая от московских оперативников в Одессу (а не «из Амура»), либо «из-за Мурки» (а не «из Амурки»).

Но ладно Мурка – а почему бандит Кучеренко шагает «по широкой Амурской дороге»?! Снова «Одесса на Амуре»... Существует объяснение, высказанное пользователем slavko на сайте a-pesni:

«Имеется в виду некогда Екатеринославский, а теперь Днепропетровский “Амур” (Амур-Нижнеднепровский район) – исторический район города, он и сейчас пользуется дурной славой. В 80-х гг. нам рассказывал об этом наш школьный учитель Иван Ефремович – весельчак, художник и знаток фольклора».

В принципе, Екатеринослав расположен недалеко от Одессы. Но и не настолько близко. Зачин «Маши» указывает, что «банду из Амурки» знала вся Одесса, значит, район располагался где-то поблизости, если не в самом городе. Представьте себе, такой район есть! В Ананьевском районе Одесской области (совсем рядом с Одессой) находится небольшое сельцо Амуры (Амури). Площадь его – около квадратного километра. По переписи 2001 года здешнее население составляло аж 149 человек. Возможно, именно его в песнях называют Амуркой или Амуром. «Кто не знал в Одессе банду из Амуров», «прибыла в Одессу банда из Амуров...».

То же с широкой Амурской дорогой: две подводы могут разъехаться – уже широкая. Не исключено, что столь мелкое сельцо называли и Амуркой – уменьшительно-ласкательно. Во всяком случае, выходит, что и «расшлепанный» Кучеренко, и «Любка-цыганка» (к которой прямо подходит определение «маша», то есть любовница и поделница вора), и сельцо Амури стоят у истоков великого советского кино.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 10.08.2015 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно